

The book cover features a complex illustration. In the upper left, a woman in a white off-the-shoulder dress and a man in a black beret and fur-trimmed coat are depicted. The man holds a large, green, feathered wing. In the upper right, a winged devil with horns and a pitchfork is shown against a red background. A large, stylized flame or wing shape separates the upper and lower sections. The title is rendered in large, metallic, 3D letters, and the author's name is in a smaller, similar font. The entire design is framed by ornate, metallic-looking scrollwork and chains.

ВОЛЬФ СЕРНО

КТЕИМО
ДЪЯВОЛА

«Заколдовала полгорода, поразила скот, вызвала выкидыши у женщин, варила пальцы младенцев для своих снадобий и многократно вступала в блуд с самим Люцифером!» Помимо этих безумных преступлений ведьма Фрея Зеклер обвиняется в зверских ритуальных убийствах: головы жертв почти полностью отрезаны, на лбах – таинственные буквы FS...

Разъяренные жители жаждут мести. И лишь алхимик Лапидиус – единственный, кто не участвует в этой дикой охоте на ведьм, предпринимает собственное расследование. Шквал будоражащих событий, кровавая нить новых убийств ведут его в подземное царство Сатаны – пещеру Шабаша...

ISBN 978-5-486-01235-8

9 785486 012358

ВОЛЬФ СЕРНО

КЛЕЙМО ДЬЯВОЛА

WOLF SERNO

HEXENKAMMER

ВОЛЬФ СЕРНО

КЛЕЙМО ДЬЯВОЛА

**МИР
КНИГИ**
МОСКВА
2007

Использование текста, в том числе фрагментов, без разрешения правообладателя запрещается и преследуется по закону.

Серно Вольф

С32 Клеймо дьявола / Пер. с нем. Л.Д. Ведерниковой. — М.: ООО «ТД «Издательство Мир книги», 2007. — 304 с.

Жителей средневекового немецкого городка Кирхроде потрясает серия жестоких убийств молодых женщин. Все подозревают Фрею Зеклер, которую считают ведьмой, и ей грозит смерть. Алхимик Лапидиус, пытаясь вылечить Фрею от страшной болезни, занимается расследованием убийств и приходит к выводу, что все они — результат поклонения Сатане каких-то неведомых преступников. Кровавый след приводит Лапидиуса в пещеру Шабаша, где он выслеживает трех оборотней, вершивших свои страшные злодеяния...

ББК 84 (4Герм.)

Горе тем, которые зло называют добром,
и добро — злом,
тьму почитают светом,
и свет тьмою...

Исаия 5, 20

«Ты огнем сжигаешь род».
«Я гашу похоть непорочности».
«Ты несешь боль».
«Я изгоняю нечистоту...»

*Ульрих фон Гуттен**
в диалоге со своим сифилисом

* Ульрих фон Гуттен (1488–1523) — немецкий писатель, гуманист, идеолог рыцарства. Идейный вождь рыцарского восстания (1522–1523). — *Здесь и далее прим. перев.*

*Моей команде:
Микки, Фидлеру, Зумо, Бушману
и Эдди, датчанину.*

Пролог

Кровь брызнула, когда Первый сын дьявола протянул нож Второму сыну дьявола. Третий сын дьявола улыбался с остановившимся взглядом. И его кровь сейчас потечет. Она заструится в железный горшок у их ног и соединится с кровью двух других братьев. Но пока что они не будут ее пить.

Сначала следует воздать должное ритуалу. Люцифера надо ублажить, если хочешь предаться высшему наслаждению.

Транс, в котором пребывал Третий сын дьявола, избавил от ощущения боли, когда нож вонзился в его руку. Он все еще улыбался. Так весело, когда брызжет кровь. И она будет приятной на вкус. Ведь туда добавится еще и другая кровь. Скоро, очень скоро.

Первый сын дьявола снял со стены факел и высоко поднял его перед собой.

— Люцифер! — воззвал он громовым голосом. — Твои сыны здесь, чтобы преклониться пред тобой!

Он принялся вращать факелом и пустился в дикий пляс вокруг огня.

Второй и Третий сыны дьявола последовали его примеру, потому что особая связь, которая установилась между ними и Первым сыном дьявола, требовала этого.

Глухое мычание становилось все громче, вырываясь из трех глоток. Тела задвигались быстрее, маски прыгали в ритме ропева. Он звучал все ритмичнее. Тела следовали этому ритму. Пот ручьями струился со всех троих. В воздухе витал тяжелый дух фимиама. Наконец Первый сын дьявола завершил песнопение пронзительным гортанным криком, упал на землю и начал ревностную молитву:

*Люцифер! Ослепительный!
Ты Единственный, Единственным был,
Единственным будешь!
Снизойди на нас
твоя мощь и мужская сила!
Ибо мы возлюбили тебя,
как свою жизнь!
Вовеки!*

— Вовеки! — завопили Второй и Третий сыны дьявола.
Скоро, скоро четвертая кровь соединится с их кровью.

Второй и Третий сыны дьявола теперь улыбались с блестящими глазами. Потому что то, что наступит прежде, было на вкус еще приятнее, чем кровь. Они полакомятся женщиной. Они выпьются в нее своей мужской силой. И Люцифер осияет это.

Первый сын дьявола поднялся и покинул ритуальное место. Он ступал, держа перед грудью железный горшок.

— Будьте готовы! Люцифер требует свою дань! — крикнул он звучным голосом. — Будьте готовы принять в себя!

Но на том месте, где прежде лежала женщина, был лишь пустой камень. Жертва Люцифера исчезла.

Радость Второго и Третьего сынов дьявола оставалась неизменной. Они мало что понимали в происходящем.

Первый сын дьявола был единственным, кто мог оценить далеко идущие последствия этого происшествия. Он поставил горшок с кровью на землю и сорвал с себя маску. Его лицо было искажено бешенством.

— За это она сгорит! — прошипел он.

ДНЕМ РАНЬШЕ

Человек, называвший себя Лапидиусом*, стоял на коленях в своей лаборатории и подбрасывал буковые поленья в пузатую печь из красного кирпича.

— Огонь в атаноре** должен гореть непрерывно, — бормотал он, — непрерывно, поскольку чем больше он сравнивается с вечным огнем, тем успешнее будет результат.

Он пронаблюдал, как пламя мгновенно охватило дерево. Убедившись, что поленья хорошо прогорят, он поднялся и отошел на три шага к лабораторному столу, поверхность которого была заставлена керамическими тиглями и стеклянными колбами. Придвинув к себе журнал, он открыл его и склонился над своими записями. Это были данные серии предыдущих опытов, которые он проводил днем раньше: данные о веществах, объемах жидкостей, об изменениях цвета, о температурных и временных показателях. Ему пришлось сощуриться, чтобы разобрать записи. Он долгое время читал. То, что он проделал вчера, имело смысл. Чувство удовлетворения прокатилось по нему теплой волной. И все-таки до цели еще придется потрудиться. Терпение и острота ума — вот основы алхимии. Жаль, что глаза сдают. Прискорбный факт. Ему скоро сорок, и с каждым годом глаза все больше слабеют. Особен-

* Лапидиус (от *лат.* *lapidius*) — камень.

**Атанор (от *лат.* *athanor*) — печь алхимика.

но плохо видят вблизи. Он вздохнул, взялся за изящный перочинный ножичек и заточил гусиное перо. Окунув перо в чернильницу, он заполнил аккуратным почерком новую страницу:

Pagina 19

по-прежнему: амальгирование с целью получения золота и серебра при помощи ртути.

Variatio VII, понедельник, 11 апреля AD 1547

Он снова прищурился. Если так пойдет и дальше, придется обзавестись оптическим средством. Он снова окунул перо в чернильницу. В дверь постучали.

— В чем дело? — крикнул он не особенно вежливо.

Как правило, он был очень обходительный человек, только вот терпеть не мог, когда его отрывали от работы.

Дверь резко распахнулась, и на пороге появилась Марта, его служанка. Она была крепкой бабенкой двадцати семи лет, с румяными щеками, голубыми глазами и хорошо подвешенным языком.

— Хозяин, знам, вы не больно жалуете, как вам помехи делают, дак я не больно-то и хотела. Токо там начальник стражи, чей-то у него спешно.

— И что ему от меня нужно? — Лапидиус посыпал песком лист.

— В этой, как ее, камере пыток женщина, они там ее мурьят, дак она скопытилась, вот они дальше и не могут.

Лапидиус не намеревался лишать себя покоя.

— То, что здесь, в Кирхроде, применяют пытки, довольно гадко. Но я не имею к этому никакого отношения. Это в компетенции городского медикуса. У него есть допуск к этой практике, в отличие от меня.

Лапидиус снова склонился над описанием опыта, но Марта не отставала:

— Дак начальник стражи говорит, медикус-та заболел.

— Хорошо, есть еще цирюльник. Пусть он поможет женщине.

— Дак цирюльник говорит, рука на привязи. Со вчерась. Повредил, бедолага. Потому начальник-та стражи и туточки.

Лапидиус нахмурился, но предался своей судьбе. Видно, она так распорядилась, что не сидеть ему сегодня в тишине и покое за экспериментаторским столом.

— Потерявшая сознание находится в камере пыток, говоришь?

— Дак да, в подвале ратуши, а вам бы поспешать надость.

— Ладно.

Теперь, когда его все равно оторвали от работы, Лапидиус действовал быстро. Он распрямился в свой полный высокий рост и приказал:

— Скажи начальнику стражи, пусть идет. Я следом.

— Да, хозяин, шас, о Боже, Боже! Ну и переполох! — Марта так резво развернулась в дверях, что ее накрахмаленный чепец задел за косяк.

Лапидиус ненадолго призадумался. Врачом он не был, так что у него не было ни инструментов, ни медикаментов, которые он мог бы взять с собой. Только знание некоторых приемов терапии, которые он благоприобрел раньше. В конце концов он взял тигель и смешал в нем соль аммиака с гашеной известью, добавил пару капель летучего масла лаванды и широким шагом покинул лабораторию.

Судья Райнхард Мекель нетерпеливо барабанил пальцами по столу. С шестью заседателями он сидел в подвалах ратуши, и настроение его было не из лучших. Причиной тому была белокурая девушка, которая на его глазах упала в обморок в тисках для пальцев. Фрея Зеклер звали ее. И она была ведьмой. Но, если уж по правде, она так упрямо все отрицала, что не оставалось ничего другого, как подвергнуть ее пыткам, по согласию с городским советом, конечно.

Пальцы Мекеля нервно отбивали барабанную дробь. Он надеялся, что подозреваемая не умерла. Это повлекло бы за собой еще больше вопросов и допросов, чем обычная процедура пыток. Он надеялся, что недавно поселившийся в городе бюргер, о котором говорили, что он разбирается в медицине, наконец прибудет.

Словно для того, чтобы разогнать его мрачные мысли, в этот момент отворилась тяжелая дубовая дверь, и на пороге появился высокий поджарый человек. Мекель окинул его оценивающим взглядом.

Ему было известно, что новоприезжий был учен, образован и посвятил себя науке. К тому же очень богат. Это ему поведал бургомистр Штальманн на последнем заседании городского совета. Примерно с полгода он проживал в Кирхроде как свобод-

ный горожанин, точнее на Бёттергассе в красивом фахверковом* доме в три этажа, который приобрел сразу по прибытии.

Мекель удивился. Человек располагал внушительным состоянием, а его черный плащ видал и лучшие времена. То же касалось и шелковой шапочки на голове, штанов, ботинок и льняной рубашки с кружевами. Наверное, как и многие ученые, он больше занимался своей наукой, чем внешним видом. Мекель взгляделся пристальнее. Лицо безбородое, узкое, с крупным носом и серьезно глядящими глазами. Сеточка морщинок у уголков глаз свидетельствовала о том, что он умел и посмеяться. По возрасту ему могло быть сорок или больше. Но что-то в этом лице было необычно. Мекель отбил еще одну дробь по столу и тут понял: человек был вообще безволосый; у него не было не только бороды, но и бровей, и ресниц.

— Благодарю, что вы быстро прибыли, — он поднялся. — Ваше имя э...

— Лапидиус, господин судья. Лудольф Лапидиус.

Мекель помедлил.

— Откровенно говоря, я не знаю, как к вам обращаться. Мне известно, что вы ученый, но я не знаю вашего звания.

По лицу Лапидиуса пробежала улыбка.

— Ну, господин судья, я просто исследователь. Тот, кто хочет постичь суть вещей. Иные называют меня алхимиком, я же считаю себя скорее универсальным ученым. Что ж, пусть будет, как оно есть: я получил академическую степень магистра.

— Хорошо, господин магистр, — кивнул Мекель. — Дробь его пальцев замерла. — К вашим качествам ученого-универсала относится, несомненно, то, что вы изучали и медицину?

— Совершенно верно.

— Прекрасно. Честно признаться, у меня камень с души свалился. Не могли бы вы позаботиться об этой девушке, объявленной ведьмой?

— Конечно.

Лапидиус уже подошел к потерявшей сознание. Тиски для пальцев тем временем ослабили. Он посмотрел на размозженные кровоточащие ногти и с трудом подавил приступ тошноты.

* Фахверк (от нем. Fachwerk) — в средневековой западно-европейской (особенно характерно для немецкой) архитектуре деревянный брусчатый остов (каркас) малоэтажных зданий, состоящий из системы стоек, раскосов и обвязок, с заполнением камнем, кирпичом, глиной и др.

Не то чтобы он не переносил вид крови, напротив. В жизни ему приходилось лечить немало травм, и гораздо худших, чем эти, но к ранам, полученным при пытках, он не привыкнет до конца своих дней. Он взял девушку за запястье, чтобы прощупать пульс. Пульс был, но слабый. Затем Лапидиус поднял веки несчастной. Закатившиеся глаза подтверждали, что она находится в глубоком обмороке. Он вынул принесенный с собой тигель и поднес щепотку содержимого под нос молодой женщины. Ничего не произошло. Лапидиус проделывал это снова и снова, но обморок был настолько глубоким, что даже резкий запах соли не мог с ним справиться. Он огляделся.

— Мне нужна табуретка или скамеечка. Если господа будут столь любезны...

Пока ходили за табуретом, у него была возможность всмотреться в бледное лицо женщины. С неожиданным удивлением он отметил про себя, что она была красоты необычайной. Маленький прямой нос, выразительный рот, правильные черты. Длинные белокурые волосы заплетены в толстые косы. С уверенностью можно было сказать, что ей нет еще и двадцати. Единственное, что портило общее впечатление, были крошечные зарубцевавшиеся гнойнички на безупречной коже.

Лапидиус отвлекся от созерцания и вернулся к своим обязанностям. Он велел перевернуть девушку на спину и поднял ее ноги на принесенную табуретку, чтобы кровь отлила от них.

Но и это не возымело действия. Лапидиусу претило следующее мероприятие, но делать было нечего. Он велел принести ведро воды и выплеснул ее в лицо женщине. Наконец-то помогло. Фрея* Зеклер пришла в себя. Она отфыркалась, чихнула и потрясла головой. Но, похоже, вместе с сознанием вернулась и боль, потому что она застонала и спрятала руки в подмышках. Grimаса боли исказила ее прекрасные черты.

Мекель обратился к Лапидиусу:

— Премного вам благодарен, магистр. Позволено ли мне будет просить вас присутствовать при дальнейших пытках, на случай если повторится такая же неприятность?

Лапидиус кивнул, хоть у него не было никакой охоты присутствовать при истязаниях. Он сел на табурет, где прежде покоились ноги девушки.

* Фрея (от нем. Freya, герм. мифология) — богиня любви и плодородия.

Мекель приказал палачу:

— Гунтхарт, помоги обвиняемой встать. Так, Фрея Зеклер, надеюсь, ты избавишь нас от дальнейших усилий. Признаю, ты показала себя храбрецом. А теперь сознайся, что ты состоишь в связи с Люцифером, как следует из показаний свидетелей, и покаяйся. Ради своей бессмертной души, чтобы, когда будешь гореть на костре, она не попала в ад.

При последних словах судьи Лапидиусу показалось, что он заметил в его глазах похотливый блеск, но уверен не был. Но, прежде чем он успел как следует обдумать эту мысль, обвиняемая ответила:

— Не в чем мне сознаваться. Это так же верно, как то, что я стою здесь. И то, что никакая я не ведьма.

Пальцы Мекеля принялись заново отбивать дробь.

— Это мы уже слышали, Фрея Зеклер! — в его тоне послышалось раздражение. — Ты ведьма. У нас есть показания свидетелей. Сознайся, и твои муки кончены! Говорю тебе в последний раз: суд может применить и другие пытки. Тиски для пальцев — это только начало. Поверь мне, боль от них тебе покажется лаской, когда мы посадим тебя в кресло с шипами.

— Я не ведьма!

— Все поначалу так говорят, но пока что никто не продержался в своем упорстве до конца пыток.

— Я не ведьма! Я не ведьма! Я не ведьма! Как вбить это в вашу башку, черт подери! — Фрея Зеклер упрямо выпятила подбородок.

В первый момент Мекель опешил. А потом резво вскочил.

— Она оскорбила достоинство суда! — закричал он. — И она произнесла проклятие! Господа судебные заседатели слышали это! Она богохульствовала!

Судебные заседатели, столь же безупречные в своей репутации, как и уверенные в собственной правоте бюргеры, возмущенно зароптали. Они склонились друг к другу головами и шушукались. Тем временем указующий перст Мекеля нацелился на писаря, худосочного человечка, сидевшего в стороне за пультом:

— Вы занесли это в протокол, господин секретарь? Да? Хорошо! Все высказывания обвиняемой должны быть точнейшим образом запротоколированы, все, что доказывает, что она ведьма, просто все!

Лапидиус хотел было вмешаться, но судья уже вопил снова:

— Фрея Зеклер, мы не намерены и дальше терпеть твои строптивные выходки! Наше терпение кончилось! Метка дьявола на твоём теле обличит тебя как демоницу!

Этого Лапидиус уже не мог вынести.

— Простите, господин судья, — сказал он как можно более спокойным тоном. — Вы в самом деле собираетесь раздеть обвиняемую? Сквернословие еще не делает женщину ведьмой. *A stigma maleficarum* может быть простым родимым пятном.

Учтивая манера речи Лапидиуса достигла своей цели. Мекель попытался поумерить свой пыл.

— Ради Бога, господин магистр, — с трудом сдерживаясь, сказал он, — я обратился к вам с просьбой остаться не для того, чтобы вы нарушали ход слушаний. — Гунтхарт, делай, что было велено! Тем не менее я дам вам ответ. Да будет вам известно, что, как сказано в «Молоте ведьм»*, та считается «изобличенной в ереси колдовства», которая обнаружила себя по трем признакам. Первое: обстоятельство действия, то есть если обвиняемая публично учила ереси; сюда относятся и проклятия, вроде «Чтоб тебе пусто было!». Угрозу такого рода обвиняемая выкрикивала. Второе: законные показания свидетелей. Таковое в нашем случае имеется: двое свидетелей удостоверили, что топориче, которого касалась Фрея Зеклер, начало кровоточить. И третье: собственное признание. И именно его я намерен здесь и сейчас добиться путем допроса с пристрастием.

Лапидиус предпочел оставить без возражений слова судьи. Вместо этого он встал и подошел к обнаженной тем временем женщине. Гунтхарт стоял позади нее, сжимая ее плечи, словно губками тисков. Фрея Зеклер стояла опороченная и беспомощная, будто пригвожденная к позорному столбу — глаза потуплены, прекрасный рот крепко сжат.

— Отпусти ее, Гунтхарт, — Лапидиус высмотрел на ее теле маленькие, похожие на пустулы, уплотнения. Он, стараясь не смотреть на округлость ее прекрасных грудей, сосредоточился на высыпаниях. Потом ощупал мокнувшие, покрытые струпьями места, раздвинул струпья большими пальцами, обнюхал

* «Молот ведьм» — изданное в 1487 г. руководство по истреблению ведьм, в котором даются подробные описания их «злодеяний» и инструкции по применению пыток (авторы — инквизиторы Шпренгер и Инститорис, церковные специалисты по демонологии); по замечанию С. Г. Лозинского, «роковая книга Средневековья».

их, перепроверил выступившие выделения, потом повторил все с начала. И чем дольше он проводил обследование, тем больше его подозрения переходили в уверенность.

— Мне надо с вами переговорить, господин судья, — наконец сказал он. — Будьте любезны, отошлите Гунтхарта и господина секретаря. Равно как и господ заседателей.

Мекель задохнулся от ярости:

— Это... это невозможно!

— Поверьте, что так надо. Если бы в этом не было необходимости, я бы вас не просил, — настаивал Лапидиус тоном, не подлежащим возражению.

— Ну, разве что именем Господа. Но не надолго! — Властным жестом Мекель повелел присутствующим удалиться. — Сначала вы мешали процессу допроса с пристрастием, теперь настаиваете на том, чтобы он был прерван. Вы должны иметь вескую причину на это! Очень вескую!

— Она у меня есть.

— Итак?

— Господин судья, к сожалению, должен вам сообщить, что обвиняемая Фрея Зеклер поражена так называемой «галльской болезнью».

У Мекеля отвалилась челюсть:

— Но это... это же... нет! Скажите, что это не так.

— К сожалению, это так.

Мекель лихорадочно соображал.

— Вы абсолютно уверены, что это не простая лихорадка? — с надеждой спросил он.

— Абсолютно. Я хорошо разбираюсь касаясь этого. Картина заболевания не дает усомниться.

Мекель потрясенно молчал. Болезнь, которую констатировал Лапидиус, в последние десятилетия чумой поразила всю Европу.

Она и походила на чуму, этот бич Божий. У нее было много имен: *Scabies grossa*, *Mal franzoso*, *Pöse platern*, *Geschlechtspest*, а также люэс и сифилис.

Лапидиус продолжал:

— Вам должно быть известно, что в соответствии с законом «галльская болезнь», она же сифилис, подлежит обязательному лечению.

— Знаю, знаю, — пробормотал Мекель.

Его мысли проносились в голове, опережая друг друга. Больного сифилисом полагалось либо остановить перед городскими воротами, либо поместить в приют, схожий с приютами для прокаженных, где их лечили. При этом терапия исчерпывалась тем, что пациентам давали горшок с пищей, с дальнего расстояния, разумеется. Подобная изоляция Фреи Зеклер была невозможна, хотя бы потому, что в Кирхроде не было «французских приютов». Изгнание из города тоже исключалось — ведь она была оглашена ведьмой.

Лапидиус прервал размышления Мекеля:

— Я предлагаю далее не подвергать обвиняемую пыткам.

— И речи быть не может! — Хоть Мекель и понятия не имел, что делать с обвиняемой, но одно ему было ясно: допрос с пристрастием должен быть доведен до конца, и обязательно с признанием.

— Простите, если я позволю себе не согласиться, — Лапидиус посмотрел Мекелю прямо в глаза. — Вы, помнится, упоминали «Молот ведьм», труд, созданный под сенью церкви, чтобы письменно зафиксировать, как должны протекать процессы против ведьм. Со всем уважением к вам, мне все-таки придется указать, что вы не являетесь служителем Божьим. Насколько мне известно, вы судья и член совета города Кирхроде. Таким образом, вы, как все светские юристы, подчиняетесь *Constitutio Criminalis Carolina*, то есть «Порядку судопроизводства» императора Карла V, изданного *anno* 1532.

— Это оставляется на усмотрение судьи, какой труд взять на вооружение. Тот или иной. Иногда оба, что не удивительно, так как в правовых взглядах имеются многие параллели, — чопорно возразил Мекель.

— Совершенно с вами согласен. Однако по *Carolina* вина должна быть неопровержимо доказана, прежде чем будут произведены пристрастные методы дознания. Кровоточащее топорище было представлено суду?

Судья поджал губы:

— Нет, этого не было. Но есть показания свидетелей, по которым Фрея Зеклер полгорода заколдовала. Она поразила скот, вызвала выкидыши у женщин, варила пальцы младенцев для своих снадобий и многократно вступала в блуд с дьяволом.

— Господь Всемогущий! — Лапидиусу пришлось взять себя в руки. У него чуть было не вырвалось: «И вы этому верите?!»

Вместо этого он спросил: — Кто, ради всего святого, дал такие показания?

— Жена рудокопа Аугуста Кёхлин и вдова Мария Друсвайлер. Горожанки с безупречной репутацией, в чем никто не может усомниться.

— Они единственные свидетельницы?

— Да. Почему вы спрашиваете? — в голосе Меклера чувствовалось раздражение.

— Ну.. если Зеклер заколдовала полгорода, должно быть гораздо больше свидетелей.

Судье на это ничего не приходило в голову. Он никогда бы в этом не признался, но впервые Лапидиусу удалось посеять в нем зерно сомнения.

Будто отгадав ход его мыслей, Лапидиус сказал:

— Вы, судья, определенно знаете, что, если возникают хоть малейшие сомнения, вашей обязанностью является обратиться за советом в другой судебный орган или на юридический факультет.

Мекель собрался было с возмущением возразить, однако Лапидиус, не останавливаясь, продолжал:

— В своде уголовных и уголовно-процессуальных законов императора Карла сказано, цитирую: *«Буде же по какому пункту сего установления облеченный в полномочия судья либо заседатель пребывать в сомнениях, надлежит ему испросить разъяснения в наших советах...»*

Мекель со свистом втянул воздух. «И откуда только этот Лапидиус имеет такие солидные знания закона!» — вздохнул он про себя. Но, поняв, что перед ним широко образованный человек, наконец ответил:

— Ну, ладно, это так. Но пройдет не меньше трех недель, пока я получу юридическое заключение высоких особ из Гослара.

— Вот и прекрасно. Лечение сифилиса на ранней стадии и требует примерно столько времени, точнее, двадцать дней.

— Что вы имеете в виду? — не понял Мекель.

— Я имею в виду, что берусь за лечение больной, пока вы будете ожидать ответ из Гослара. Вернее сказать, попытаюсь, поскольку смертность при лечении высока. В любом случае, я беру Зеклер к себе и позабочусь о том, чтобы никто от нее не заразился. Вы наверняка знаете, что сифилис в высшей степени контагиозен.

- Конечно, конечно. Вы... э... необычайно услужливы.
- У меня есть на то свои основания.
- Разумеется.

Мекель при всем желании не мог себе представить, какие тут могут быть основания, однако расспрашивать дальше не стал. Вместо этого он спешно взвесил все «за» и «против» этого предложения.

Если обвиняемая будет находиться у Лапидиуса, следовательно, он и будет нести за нее ответственность, причем во всех отношениях: чтобы она не сбежала, чтобы не занималась колдовством и чтобы вылечилась и была готова к дальнейшему судопроизводству. Куда ни кинь, везде для Мекеля только выгода. А если что-то случится, убыток только Лапидиусу. Единственное, что смущало: придется противу правил прервать допрос с пытками. Ну ладно, это он при первой же возможности как-нибудь объяснит членам городского совета. К тому же отложить — не отменить.

— Если я приму ваше предложение, магистр, могу я рассчитывать на ваше молчание? Было бы чревато неприятностями, если поползут слухи, что в городе французская болезнь.

— Даю слово, господин судья.

— Тогда согласен. Прошу поставить меня в известность, когда лечение будет закончено, чтобы был определен дальнейший ход процесса.

— Непременно.

Они скрепили договор рукопожатием, и вслед за этим Мекель торопливым шагом покинул помещение. Лапидиуса охватило страшное смущение, когда он сообразил, что остался наедине с обнаженной женщиной. Он поспешно отвернулся к стене.

— Пожалуйста, оденься.

Ответа он не дождался, но услышал, как зашуршала материя. Дав ей достаточно времени на одевание, он повернулся и с облегчением обнаружил, что на ней снова ее изношенная юбка, дешевенький жилет и выцветшая курточка на застежках. Он подошел к девушке ближе, желая осмотреть ее травмированные большие пальцы, однако она мгновенно спрятала руки.

— Как хочешь, — пожал он плечами. — Осмотрим твои раны после. А теперь идем, обопрись на меня.

— Я и сама могу идти!

Ее глаза метали искры. Иссиня-зеленый цвет лица напомнил Лапидиусу медный купорос.

— Я не собираюсь делать тебе ничего плохого. Не доставляй мне хлопот. Мой дом отсюда недалеко.

Она рассмеялась ему в лицо. Это был отрывистый, презрительный смех:

— Не беспокойся. Я с любым пойду, лишь бы выбраться из этой дыры.

— Хорошо, тогда иди за мной.

Он зашагал к двери, и, к его немалому удивлению, она пошла за ним по пятам.

Кирхроде был не слишком крупным городом в Верхнем Гарце, примерно с тысячей жителей; среди них купцы, ремесленники и поденщики. Однако основную массу составляли рудокопы. Благодаря им и вольности, предоставленной сюзереном, город процветал. Вольность давала много привилегий. Так, бюргеры были освобождены от уплаты налогов и воинской повинности, имели право свободно выбирать советников и судей, право на свободу торговли, пивоварение и торговлю спиртными напитками, право рубить строевой лес и дрова в окрестностях города и некоторые другие. Один лишь налог на добычу руды должен был выплачиваться регулярно.

Процветание города было заметнее всего по многочисленным роскошным фахверковым домам в центре города. Здесь, на площади Гемсвизер-Маркт красовались самые пышные дома с богатой резьбой на колоннах и по фасаду. Гордостью Кирхроде была ратуша, каменное готическое строение, выходящее фасадом на торговую площадь. Как раз из ратуши и вышел Лапидиус с Фреей Зеклер позади.

— Сейчас пересечем площадь, повернем на Кройцхоф, а там рукой подать до Бёттгергассе. Это недалеко, — сказал Лапидиус.

Она не проронила в ответ ни слова, только догнала его и теперь шла рядом. Не обращая внимания на окружающих, он шел вперед мимо лотков, палаток и тележек. И хотя в это время года еще не было ни ягод, ни овощей, ни фруктов, на рыночной площади царил суета. Уже поблизости от поворота на Кройцхоф случилось то, чего Лапидиус и опасался. Одна из торговек узнала Зеклер и завопила:

- Гей, люди, смотрите-ка, кто там вышагивает! Ведьма!
- Ведьма? Какая ведьма?
- Фрея Зеклер!
- Где? Где она?
- Да вон же! Слепые вы, что ли? Вон! Вон она!
- А я-то думала, она в застенке!

Эти и подобные крики в один миг полетели со всех сторон. «Скорее отсюда!» — подумал Лапидиус, схватил свою спутницу за руку и не слишком ласково потащил сквозь толпу любопытных. Пришлось пару раз толкнуть локтями, наступить на парочку ног, дать коленом под зад, пока они наконец не оказались на Кройцхоф, и Лапидиус облегченно вздохнул. Но весть о появлении ведьмы бежала впереди них. Матери прятали детей, старухи пилились, разинув рты, справа и слева хлопали распахивающиеся окна.

Лапидиус спешил дальше. Прочь, скорее прочь от этих любопытных зевак! Наконец они оказались на Бёттергассе. Досюда новость еще не долетела. Сердце его выпрыгивало из груди — он был не привычен так носиться. А Фрее Зеклер все нипочем. Ее дыхание даже не участилось.

— Вот здесь я живу, — еле выдохнул Лапидиус.

Она окинула взглядом дом: трехэтажный, ухоженный; верхний этаж и чердак уступом выдвигаются вперед, чтобы таким образом увеличить жилую площадь.

— Вы, должно быть, жутко богаты.

Голос из соседнего дома проревел:

— Ага, денег куры не клюют... Ха-ха! Вот умора!

Он принадлежал малому, чуть не по пояс высунувшемуся из окна. У него было глупое лицо, а сам он выглядел таким неотесанным, что едва не выламывал рамы. Имя его было Горм. Он служил подмастерьем по слесарному делу у мастера Тауфлиба.

— Богач, ха-ха, богач... — начал он было сызнава, но тут его взгляд остановился на Фрее Зеклер. Он захлопнул пасть, а лицо приняло оторопелое выражение.

Лапидиус предположил, что его ослепила красота Фреи Зеклер.

Изнутри донесся другой голос, грубый и привычный повелевать:

— А ну за работу, бездельник! Да поторапливайся!
Это был мастер Тауфлиб.

— Заходи, — сказал Лапидиус, открывая дверь. Его дыхание немного выровнялось.

Лапидиус сидел в своей лаборатории и был близок к отчаянию. На широком лабораторном столе, уголок которого был освобожден от приборов, стояла нетронутой еда для Зеклер. Нетронутой уже несколько часов.

— Ты должна что-то поесть, — в сотый раз убеждал он.

И в сотый раз она отвечала лишь взглядом искоса. Ему так и не удалось пробить брешь в стене ее молчания. И это притом что он ее заботливо усадил, расспрашивал о доме, о родителях, о братьях и сестрах, есть ли у нее поблизости родственники, сколько ей лет и так далее, и так далее. Она упрямо молчала. Только метала время от времени косые взгляды. И дважды бросила:

— Вам-то какое дело, оставьте меня в покое!

Он выходил посоветоваться с Мартой, как заслужить доверие девушки, но та только пожала плечами. Растерянный, Лапидиус вернулся обратно в лабораторию, снова уговаривал ее. И все понапрасну.

— Ты должна что-то поесть!

— Сами ешьте.

— Никому не будет пользы, если ты умрешь от голода.

— Ба! Чегой-то вы вдруг такой добрый? Хотите меня одурачить? Не выйдет!

У Лапидиуса забрезжила надежда. Фрея Зеклер хоть что-то сказала! Уже неплохо. Может быть, и удастся уговорить ее поесть.

— Скажем так, я из числа людей, которым доставляет радость помогать другим.

— Ба! — Фрея Зеклер закатила свои прекрасные глаза. — В жизни таких не встречала! Скажите наконец, чего вам от меня надо?

— Просто помочь и ничего больше.

Фрея Зеклер замолчала снова.

Лапидиус отодвинул в сторону хлеб и колбасу. С этой женщиной просто невозможно договориться. Единственное, на что она безропотно пошла, это дала обработать расплюсченные ногти на больших пальцах. Перевязывая ей пальцы, он втайне удивлялся, как храбро она терпела. Ни звука не сорвалось с ее губ. Как и теперь. Ну что ж, ничего не поделаешь.

— Марта, — крикнул он. — Марта!

Служанка появилась с кухни.

— Чё, хозяин?

— Унеси еду.

— Чёй-то? Благодная дама все щё не ела? — Круглолицая Марта пошла красными пятнами. Она подбоченилась. — Ну, хва! Аль не совестно? Господин ее упрашиват, а она кочевряжится! А ну хватай, да смотри у меня! Щё раз тако выкинешь, так отхожу по щекам, до самой смерти не забудь!

И чудо произошло. К величайшему удивлению Лапидиуса, Фрея Зеклер послушалась. Она взяла краюху хлеба и вгрызлась в нее зубами. Похоже, понравилось. Она куснула еще раз, едва прожевав, проглотила, откусила еще кусок, проглотила, потом впилась зубами в колбасу и, закрыв от наслаждения глаза, поглощала кусок за куском.

Марта, довольная, скалила зубы. Как все женщины материнского склада, она радовалась, когда кто-нибудь ел от души.

— Вот, другое дело. Щас принесу козьего молока, горло промочишь.

Лапидиус понял, что избрал неверную тактику. Фрея Зеклер была женщиной, которая воспринимала мужское дружелюбие с недоверием и опаской. Возможно, этому ее научила жизнь. Он решил про себя взять это на заметку и впредь говорить без обиняков.

— Послушай, — начал он, — с твоей болезнью шутки плохи. Тебе потребуются все силы, чтобы победить ее. Поэтому хорошо, что ты сейчас поела. С завтрашнего дня ты будешь обходиться без еды.

Она перестала жевать. Но ничего не сказала.

Лапидиус, помолчав, продолжал:

— Если оставить твою болезнь нелеченой, ты умрешь. Это ты должна знать. Так что радуйся, что я еще о тебе забочусь.

— Колбаса вкусная, — неожиданно сказала она.

Лапидиус кивнул и оглянулся на Марту, которая вошла с кружкой молока. То, что ему теперь надо было сказать, не предназначалось для ее ушей.

— Марта, поставь молоко и иди.

Служанка негодующе посмотрела на него.

— Иди, иди.

Когда Марта оставила их, Лапидиус повел разговор дальше:

— Что твоя болезнь называется сифилисом, ты, наверное, уже слышала в камере пыток. Насколько медицине известно, она передается э... через похоть. С кем ты в последнее время имела сношения? Мне необходимо это знать, потому что, скорее всего, один из твоих э... любовников тебя заразил. Так же как ты потом заразила других, с кем вступала в половую связь. Важно выявить всех, иначе зараза распространится дальше, понимаешь? Так с кем ты в последнее время вступала в сношение?

— В сношение? Это с кем спала, что ли? — Фрея Зеклер отхлебнула молока.

— Можно сказать и так.

— А с кем может спать девушка, бродя по дорогам? Время от времени заваливалась с кем-нибудь в стог, только вот они не больно представляются. Да мне и ни к чему. Я не сильно жажду мужиков.

— Ты странствуешь по дорогам?

— Из деревни в деревню, из города в город. У меня повозка с травами. — Она хлебнула еще молока.

— Это любопытно. Позже поговорим об этом. А в Кирхроде у тебя были с кем-нибудь такие отношения?

— Не знаю.

— Как это не знаешь?

— Никак.

Лапидиус вздохнул. Было ясно, что сегодня из нее больше ничего не вытянешь.

— Ладно, пока хватит. Завтра начнем лечение. Оно будет проходить в жаровой камере. Подробности я расскажу тебе потом. А сейчас иди к Марте на кухню, она устроит тебя на сегодняшнюю ночь.

— Спасибо за еду.

— Не стоит. Спокойной ночи.

Фрея Зеклер встала и вышла. Хлопнула дверь в кухню. Лапидиус с облегчением вздохнул. Его мысли направились в другую сторону, он занялся подготовкой завтрашнего опыта, следовало еще раз все проверить и перепроверить. Неожиданно дверь снова открылась. На пороге стояла Зеклер.

— Я, правда, не знаю, — сказала она.

— Чего не знаешь?

— Было у меня с кем-нибудь в Кирхроде или нет.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ЛЕЧЕНИЯ

Лапидиус обустроил свой дом по чисто практическим соображениям. Поэтому на первом этаже он расположил лабораторию — большое просторное помещение со светлыми окнами. Здесь он занимался исследованиями. Здесь погружался в работу. Здесь было средоточие его жизни. Даже его постель стояла здесь, потому что часто он просыпался среди ночи от внезапного озарения, и идею надо было безотлагательно проверить.

Позади лаборатории, в сторону двора, начиналось царство Марты. Там были кухня и кладовые, а также ее комнатка. На втором этаже находились жилые помещения, обставленные массивной мебелью. Это было наследство от его родителей, которое он берег в память о них. И, наконец, чердачный этаж — помещение, которое он посетил лишь однажды. Там он обнаружил сваленный кучами хлам, оставшийся от прежних владельцев, в пыли и паутине. Картина, едва ли радующая глаз. Он, помнится, попросил Марту навести там порядок, развернулся и спустился вниз. Вниз, в лабораторию, где и было его место.

Здесь он сидел и в этот ранний час над журналом с записями опытов. Как тот красноречиво свидетельствовал, за вчерашний день он практически ничего не сделал. Причиной была Фрея Зеклер. Молодая женщина, больная сифилисом, которой он должен был помочь. И все же Лапидиус надеялся

сегодня приступить к варианту VII. Чтобы не расходовать понапрасну бумагу, он решил записать «Понедельник, 11-е» переделать на «Вторник, 12-е» и только взялся за перо, как дверь на кухню распахнулась и появилась Фрея Зеклер. Лапидиус укордкой вздохнул. Он не рассчитывал ее так рано видеть.

— Доброе утро. Ты птишка ранняя, — поздоровался он.

Вместо ответа она впиалась зубами в белый хлеб, густо намазанный медом. Ее взгляд блуждал по оборудованию, которое блестящими боками отражало утренний свет.

Лапидиус удержался от замечания, что сегодня должен начаться первый день лечения, и поэтому она не должна была принимать твердую пищу. Если все пойдет так, как он предвидел, ей придется довольно туго.

Вслед за девушкой показалась Марта с горшком манной каши в руках:

— Я разбудила, хозяин, чтоб хошь крошка во рту была. Уж больно тоща, Фрея-та. А там щё чуток соснешь, сказала ей. Чё говеть-та, пральна, хозяин?

— Да, э... конечно, конечно. Лечение можем начать попозже.

— Чудно с энтим леченьем-та. Чё за болетье така смертельна? Фрея-та язык проглотила. Да и ладна, мне-та кака забота. — Однако блеск в ее глазах выдавал, что это совсем не так. — А вы чё-нето хотите?

— Что?

— Кашки вот маннай. Ой вкусна! Матушкин рецепт-та.

— Нет, спасибо, я уже перекусил.

Марта исчезла в кухне.

— Симпатичные, — Фрея показала рукой с куском хлеба на приборы. — Как стеклянные зверюшки.

— А ты наблюдательна, — похвалил Лапидиус. — Они и вправду похожи, потому что форма алхимической посуды копирует природу. Здесь есть «медведь», «черепаха», «гусь». А вот эта колба с множеством отростков называется «гидра».

Она не отвечала, однако не спускала глаз с причудливой колбы.

— Вон ту фигурную склянку называют «страус» из-за ее длинного узкого горлышка.

— Страус? Это тоже зверь?

— Да, птица. Она живет в Африке, по ту сторону варварского побережья. «Страус» очень важный прибор при изготовле-

нии «философского камня». Последняя стадия этого процесса, так говорит учение, должна проводиться в запаянном «страусе». — Лапидиус, который сел на любимого конька, упустил, что женщина не могла уследить за его рассуждениями.

— А тот? — спросила она.

— Это аламбик. С арабского переводится как «дистиллятор». Мой — с двумя горлышками и особенно большой, поэтому он стоит на железной треноге.

— Ага. Ну ладно, пойду еще сосну.

Интерес к его работе у нее угас. Хлеб был съеден. Она покинула лабораторию.

— Да, да, иди.

Лапидиус слегка пожалел, что она так внезапно ушла.

Только после полудня она появилась снова.

Лапидиусу, который, собственно, собирался использовать это время, чтобы поработать над *Variatio VII*, пришло в голову, что для лечения сифилиса ему необходима ртутная мазь. А поскольку аптекарь не держит такой препарат в готовой форме, пришлось ему самому заняться приготовлением. Он взял йодированный ртутный порошок и изрядное количество подогретого этилового спирта, чтобы получилась кашеобразная масса. Под конец смешал эту кашицу с надлежащей порцией овечьего ланолина и тщательно перемешал все еще раз. Полученный таким образом *unguentum* вышел удовлетворительной консистенции, даже если запах оставлял желать лучшего.

— Хорошо, что ты пришла, — сказал Лапидиус. — Он показал на красноватую массу. — Сейчас я тебе покажу лечебную мазь, которую надо будет втирать.

Она подошла, сунула палец в тигель и поднесла его к носу:

— Пахнет хлебом.

— Жир овечьей шерсти дает мази нужную консистенцию.

— И им вылечишь э... сифилис?

— Нет, это обеспечит *hydrargyrium*, то есть ртуть. — Лапидиус про себя добавил: «Если на то будет воля Божья», а вслух сказал: — Она способствует выделению дурных соков сифилиса.

— И долго ждать?

— Вынь палец из сосуда, — строго велел Лапидиус. — Еще рано трогать эту мазь.

— Так сколько надо времени? Почему вы не говорите?

— Ты не поняла, что я говорил в камере пыток? Двадцать дней.

— Двадцать дней?

— Совершенно верно. — Лапидиус подумал, что лучше всего будет сразу поговорить с Фрей Зеклер начистоту. — Эти двадцать дней ты проведешь в жаровой камере и будешь непрерывно потеть. Как вол в яре.

— Господи Иисусе! — впервые Лапидиус увидел ее потерянной. — Двадцать дней потеть? В жаровой камере?

Как внезапно Фрея Зеклер потеряла самообладание, так же быстро и справилась с приступом отчаяния. Она решительно выпатила подбородок.

— Ба! Тоже мне, напугали! Двадцать дней в этой камере все лучше, чем двадцать дней в темнице.

Лапидиус не отвечал. Он не был уверен.

— А где эта камера? Она большая? Что в ней?

— Жаровая камера находится в верхнем этаже моего дома. Там нет мебели, для этого она слишком мала. Она такая маленькая, что в ней можно только лежать.

— Господи Иисусе! Тогда уж лучше в тюрьме!

— Тебе надо выбирать не между тюремной и жаровой камерами, а между жизнью и смертью.

Это прозвучало жестче, чем Лапидиус того хотел. Она поджала губы и уставилась на свои завязанные пальцы.

— Ну, не так уж все страшно, — помолчав, продолжал Лапидиус. — И все-таки не буду от тебя скрывать, сифилис коварен, как раненый кабан. Никто не знает, когда и как он нападет. Точно о сифилисе никто не знает, потому что он появился лишь несколько десятилетий назад. Поначалу он убивал больных всего за несколько месяцев — они умирали, пуская слюни, парализованные, в помраченном разуме. Потом он стал действовать иначе и все большее удовольствие находил в том, чтобы уничтожать свои жертвы медленно. Могут пройти годы, но под конец победит все-таки он. Правда, должен заметить, лишь в том случае, если человек сдастся без боя. Ты будешь бороться?

Фрея оторвала взгляд от пальцев и посмотрела на Лапидиуса зелеными глазами.

— Ты будешь бороться?

— Да, — сказала она спустя время, которое Лапидиусу показалось вечностью. — А что мне еще делать? Я не хочу умирать.

— Рад это слышать. Видишь печь у стены?

— Ту красную?

— Да. Это атанор, источник тепла для алхимика. В нем никогда не гаснет огонь, который и даст нам жар для твоего лечения. — Он подошел к печи и показал рукой вверх. — От атанора внутри стены идет дымоход, а рядом с ним тепловой канал. В чердачном помещении непосредственно к нему примыкает жаровая камера. Так вот, ты будешь лежать в ней и все время сильно потеть.

Фрея окинула его внимательным взглядом.

— Ты, наверное, сейчас боишься, что это время тебе покажется вечностью, но посмотри сюда. Это отверстие в стене возле моей постели — отвод от теплового канала. В жаровой камере есть похожее отверстие. Через них можно переговариваться.

— Покажите мне эту камеру.

Лапидиус пошел вперед по скрипучей деревянной лестнице. Тусклый свет падал в окна верхнего этажа и обрисовывал контуры нескольких дверей. Самая маленькая больше походила на деревянную заслонку, она была высотой в три фута и висела на боковых петлях. С некоторым усилием Лапидиус открыл ее. В полутьме, под уходящими круто вверх стропилами, виднелась паутина. Им навстречу пахло жаром.

— К сожалению, я не располагаю жаровой камерой, какая предписана медициной. В конце концов, я не врач и не цирульник. Но думаю, что и эта подойдет.

— Но это всего лишь шкаф, перевернутый с ног на голову!

— Да, единственное помещение в доме, которое годится для наших целей.

— Но там даже сесть нельзя! Только лежать, как... как в гробу!

— Знаю. — Лапидиус постарался, чтобы его голос прозвучал безучастно. — Только для лечения сифилиса сидеть и не требуется. Ты будешь лежать за этой дверцей. На соломенном тюфяке. Голой, весь курс лечения. Втирания и все другое, что требуется, будет делать Марта по моим указаниям. Она же будет приносить тебе питье, в том объеме, которое необходимо, чтобы не умереть от жажды. Если возникнет необходимость, можешь позвать меня или Марту через дыру здесь, сбоку, — он показал на отверстие теплового канала. — А кроме этого, я ве-

лю прорубить в дверце окошечко, чтобы поступало немного света. Но лучше, если большую часть времени ты будешь спать.

Фрея Зеклер едва приметно покачала головой.

— Господь мне свидетель, я не хочу умирать! Но... смогу ли я... не знаю.

— Ты должна. Что такое три недели по сравнению с целой жизнью, которую ты можешь себе спасти!

Девушка ничего не ответила и снова заглянула в жаровую камеру.

— Там пауки! — с отвращением воскликнула она. — Если там пауки, дело не пойдет. Я их боюсь. Как только представлю, что сплю, а они спускаются мне на лицо...

— Я скажу Марте, чтобы она их каждый день сметала. Поверь, когда начнется лечение, тебе будет не до пауков. Подумай о главном: пока ты лечишься от сифилиса, я могу попытаться досконально выяснить, кто и в чем тебя обвиняет, и, возможно, снять с тебя обвинения. Если нам повезет, все в конце концов прояснится, и ты покинешь город свободной женщиной.

— Повезет? — Фрея стрельнула в него своими зелеными глазами. — Мне всю жизнь не везло.

Вечером Марта втерла в кожу Зеклер серосодержащий препарат против гнойников, а потом обильно смазала ее ртутной мазью. По словам Марты, пациентка не без колебаний полезла в жаровую камеру, но потом безропотно сносила все процедуры. После них Марта, как было велено, тщательно вымыла руки колодезной водой.

— Она спит? — спросил Лапидиус, когда служанка вошла в его лабораторию.

— Не, хозяин, щё нет, сказыват, пить хотса, токо не знаю, давать аль нет?

— Ты все сделала правильно, Марта, — похвалил Лапидиус. — Если ты со всем управилась, можешь идти спать.

— Спасибо, хозяин. До завтра, хозяин.

— Спокойной ночи.

Лапидиус испытал облегчение. Первый шаг был сделан. Фрея Зеклер по своей воле залезла в жаровую камеру. Но он хорошо знал по собственному опыту: рано или поздно она за-

хочет покинуть свою тюрьму, а этому надо помешать. Он взял кружку и быстро подмешал в воду снотворное. Потом с салочной свечой в одной руке и кружкой в другой поднялся на верхний этаж.

— Это я, Лапидиус, — крикнул он. — Я тебе что-то принес! Заслонка захлопнулась перед его носом.

— Так я тебе не смогу дать.

— Я голая и воняю. — Дверца приоткрылась на щелку. —

А что у вас?

— Питье. Вот. — Он вложил кружку в протянутую руку.

— Спасибо. А теперь хорошо бы поспать.

— Ты права, — улынулся Лапидиус. — Очень даже неплохо.

ВТОРОЙ ДЕНЬ ЛЕЧЕНИЯ

За ночь Лапидиус едва ли сомкнул глаза. Снова и снова его мысли улетали к Фрее Зеклер. Уже не раз он пробовал поговорить с ней через тепловой канал. Но все напрасно. Фрея спала, глубоко и крепко, он знал это. В конце концов, он сам дал ей вчера вечером снотворное.

Он быстро поднялся, ополоснул лицо над умывальным тазом и оделся. Потом просунул голову в дверь на кухню. Марта уже орудовала горшками и сковородками. Она всегда, как он подозревал, готовила на троих, чтобы вечером отнести порцию матери.

— Марта, я загляну к мастеру Тауфлибу.

— Чё? Дак как? — Марта испуганно вздрогнула. — Ох, хозяин, я вас и не слышала. Здрасьте. Чё вы сказали?

— Я загляну к мастеру Тауфлибу.

— Ага. Ладно. А чё с едой?

— Я пока не голоден, а к обеду вернусь.

Марта принялась сыпать бобы в кипяток.

— Дак чё, сготовить на четверых? Фрея-та у нас...

— Нет. На время лечения пациентка должна получать только жидкость. Чтобы лучше пропотеть.

— И ничё на зуб? Ни мяска, ни сырку, ни чё щё? Ну и чудна болесть! Штоб ничё не проглотить? Как же встать на ноги-та? Ладна, ладна, не буду, мне-то чё. Только болесть-та как смешна!

— Врачебная практика предусматривает такое лечение. От твердой пищи твердый... э... стул. Так что продолжай в том же духе. Можешь дать Фрее крепкий бульон, но не более того.

— Ладна, ладна, хозяин, как скажете.

Лапидиус отворил входную дверь и наморщил нос. Он был очень восприимчив к запахам и поэтому больше других страдал оттого, что жители Кирхроде выплескивали помои прямо на улицу. Сам он велел Марте все отходы собирать в чан, а потом каждые два дня вывозить их на тележке за город, равно как и каждый день подметать дом. Однако его меры были что капля в море. Лапидиус по дороге к мастерской, как на ходулях, обошел отбросы, обглодки куриных костей и лужицы мочи. У дома Тауфлиба он громко постучал дверным молотком, чтобы перекрыть удары молота, которые доносились изнутри. Никто не вышел, поэтому он открыл дверь и переступил порог мастерской. Грохот исходил от молота Горма, который, склонившись над тисками, оттибал край жести. Подле него стоял мастер, аргусовым оком наблюдая за работой подмастерья.

— Доброе утро, мастер Тауфлиб, — вежливо поприветствовал Лапидиус.

— Другтро, — Тауфлиб был не самым приветливым человеком на свете. Не взглянув на пришельца, он рывкнул Горму: — Следи, чтобы кант не погнулся!

— Мастер Тауфлиб, хотел бы просить вас поставить мне замок на дверь.

Тауфлиб что-то пробурчал себе под нос.

— На верхнем этаже моего дома. Это скорее заслонка, чем дверь. Она прикрывает...

— У меня нет времени.

Лапидиус молча бросил на верстак талер.

— Хм, может, я и найду минутку. — Взгляд Тауфлиба проследовал от монеты к лицу Лапидиуса. Его близко посаженные глаза, темные, недоверчивые, не излучали ничего приятного. — Видно, позарез нужно, раз столько платите.

— Так и есть.

Лапидиус сглотнул. Он подозревал, что разговор с Тауфлибом будет не слишком приятным, мастера мало любили в Кирхроде. Тауфлиб слыл человеком замкнутым и настороженным. Лишь благодаря тому, что он, без сомнения, понимал толк в своем деле, ему удавалось неплохо зарабатывать на пропитание.

— Если бы вы меня не перебили, я как раз собирался объяснить, что дверца находится на небольшой пристройке, в которой лежит женщина. Она по большей части спит и потеет, чтобы изгнать недуг. Говорю вам лишь для того, чтобы вы потом не удивлялись.

— Женщина в пристройке? В вашем доме? — Тауфлиб наморщил лоб.

— Согласен, звучит странно. Но более добавить ничего не могу. Разве что: я выполняю эту обязанность по поручению города. Этого должно вам быть достаточно. И я бы просил вас строжайшим образом хранить молчание, в ваших же интересах.

Тауфлиб пробормотал что-то невнятное, потом его озарило:

— Уж не та ли это белокурая ведьма, которая позавчера оторвала моего Горма от работы?

Подмастерье, услышав свое имя, широко осклабился.

— Это больная девушка, которая сама нуждается в защите. Поэтому и нужен замок. А когда вы его поставите, будьте добры проделать еще и отверстие в дверце. Круглое или прямоугольное, мне без разницы.

— Это дело столяра, — насупилс мастер. — Я ужоу черту на сковородку, если стану отбивать работу у других.

— И все-таки сделайте это. Важно, чтобы как можно меньше людей знали об убежище больной. — Лапидиус добавил еще талер.

Тауфлиб пребывал в нерешительности. Потом сунул и его в карман.

Лапидиус улыбнулся:

— Я рад, мастер, что мы поняли друг друга. Даю слово, это останется между нами, если и вы, в свою очередь, обещаете не распространяться о больной.

Тауфлиб вытянул губы:

— Со всем моим уважением. А вы хитроумный малый, позвольте вам заметить. Что ж, пусть будет по-вашему.

— А как с Гормом? Он будет держать рот на замке?

— За Горма руку даю на отсечение. Будет молчать. Как там говорится? «Чей хлеб жую, того и песенки пою».

— Тогда попозже я загляну к вам.

Когда Лапидиус снова вышел на Бёттергассе, подул свежий ветер. Он задувал с гор и унес все неприятные запахи

с улицы. В воздухе чувствовалось дыхание весны. Лапидиус поймал себя на том, что с удовольствием бы прогулялся. Но об этом не могло быть и речи. Его ждала работа в лаборатории. А с другой стороны, что если приятное совместить с полезным? Например, разыскать свидетельниц, которые изобличили Фрею? Как там их звали? Вот: одна — Аугуста Кёхлин, а другая... Друсвайлер. Мария Друсвайлер, если не изменяет память. Обе постарались, чтобы по их показаниям пытали Фрею Зеклер. Хотя какие это показания! Скорее лживые обвинения. Она якобы варила пальцы младенцев и заставила кро-воточить топорщице.

Лапидиус, человек ученый, в такие сказки не верил, хоть и допускал существование духов и демонов. Но чтобы Фрея Зеклер была ведьмой? Чепуха! Разговор с этими двумя «безупречными горожанками» должен все прояснить. Как и то, за-чем им понадобилось возводить такую напраслину.

Однако он понятия не имел, где живут обе женщины.

Так как же быть? Вдруг ему пришло в голову, что он зато знает дом городского медикуса. Дом стоял на боковой улочке позади хлебного рынка. Он спонтанно принял решение наве-стить больного. Лично Лапидиус с ним не знаком, однако его имя — Йоханнес Гесселер — было ему известно; и между ними волей-неволей уже возникла некая связь, хотя бы потому, что он подменял медикуса в камере пыток.

«Что ж, — подумал он. — Засвидетельствуем Гесселеру наше почтение».

Йоханнес Гесселер был *doctorus medicinae*, о чем свидетель-ствовало «Допущение к практике». Оно висело над постелью в золоченой рамке, так что не заметить его было невозможно. И оно было не единственным, что привлекало к себе внима-ние в спальне городского медикуса: рядом с ним Лапидиус, к своему удивлению, обнаружил иллюстрацию обнаженного мужского тела из «*Fabrica*» Версалия с гиперемированными гениталиями. На полках стояли мраморные экспонаты, изо-бражавшие половые органы, а также множественные стеклян-ные сосуды с заспиртованными человеческими органами, да-лее препарированные яички, мошонки и пенисы. Все было покрыто слоем пыли и выдавало отсутствие женской руки в доме.

Сам Гесселер производил менее примечательное впечатление. Он лежал в постели, маленький и невзрачный, вызывавший чуть ли не жалость. Лицо в морщинах, возраст определить трудно, может, около пятидесяти. «Бог Адонис обделил этого несчастного», — внезапно подумалось Лапидиусу. Вслух он сказал:

— Позвольте представиться. Мое имя Лапидиус. Я имел честь замещать вас в пыточной камере.

— Слышал, слышал об этом, магистр. — У Гесселера оказался неожиданно приятный голос. — Премного вам обязан.

— Надеюсь, вам лучше? По всей видимости, за вами некому ухаживать?

— Я чудак, — по морщинистому лицу Гесселера промелькнула улыбка. — Но спасибо за заботу, мне немного лучше.

Лапидиусу бросилось в глаза, что медикус необычайно медленно выговаривал слова, словно вкладывал в каждое особый смысл. Глаза подтверждали значение слов. Это были глаза, полные жизни.

Гесселер, будто отгадав мысли Лапидиуса, пояснил:

— Глаза — это орган, который функционирует в моем теле лучше остальных. Все другие из-за падучей не в таком благостном состоянии. Она уложила меня как раз сейчас, когда я особенно нужен.

— Я много слышал об этом заболевании, — сказал Лапидиус. — Какими симптомами она проявляется у вас?

Гесселер махнул рукой:

— Как и у всех остальных, страдающих падучей. То, что я врач, не делает меня исключением. Рвота, судороги, потеря сознания. Когда приступ проходит — иногда только спустя несколько часов — я чувствую себя бессильным и истощенным. Так что приходится после этого пару дней проводить в постели.

— Понимаю. А какие медикаменты вы принимаете?

— Никакие. — Городской медикус снова отмахнулся. — Потому что ничто не может мне помочь.

— Разве? Даже препараты брома?

— Ничего. Совсем ничего.

Лапидиус засмеялся:

— Ну, хотя бы вставляете в рот деревянную палочку, чтобы при приступе не сломать зубы?

Гесселер позволил себе пошутить:

— Я с большим удовольствием вгрызаюсь в мои исследования, которым посвящаю все свободное время. Хочу опровергнуть тезис Гиппократы, который гласит, что мужское семя устремляется от позвоночника в почки, а оттуда в яички. Глупейшее заблуждение, в полном смысле этого слова.

— Ах, вот как.

Интерес Лапидиуса к таким вещам был невысок. Были, конечно, точки соприкосновения между медициной и алхимией, и в той мере, в какой она касалась его работы, он интересовался медициной, что же было сверх того, его мало заботило.

— Вы уверены, что вам не нужен уход? Я мог бы послать к вам мою служанку.

Медикус решительно покачал головой:

— Нет, нет, не берите на себя заботу о старом человеке. Покой, вот все, что мне требуется. Покой... — Он закрыл глаза и отвернулся.

Лапидиус понял намек.

— Тогда не буду вам мешать. Доброго выздоровления, — сказал он и быстрым шагом удалился из покоев больного.

Когда он много позже приближался к своему дому, то уже издали слышал крики на верхнем этаже. В чем дело? Слышались мужские и женские голоса, но разобрать что-либо было невозможно.

Полный дурных предчувствий, он поспешил к входной двери и вверх по лестнице. Первое, что он увидел, была широкая спина Горма. Он изо всех сил оттолкнул ее, и его глазам предстали Тауфлиб, Марта и... Фрея. Она стояла подле жаровой камеры, чуть прикрывая наготу мешковиной, и орала не своим голосом:

— Я не позволю посадить себя на цепь в будке, будто собака какую-то! Зарубите это себе на носу! Дайте мою одежду! Мою одежду! Сейчас же!

Марта висела на ней, как репей:

— Не кипятись, детка, успокойсь! Коли хозяин велел, поди знает пошто делат.

— А мне плевать! Отвяжись! Вон, все вон! А нето... Ох!

Фрея заметила Лапидиуса. Марта с облегчением вздохнула:

— Слава те Господи! Хозяин пришел.

Тауфлиб тем временем присел на корточки, чтобы завернуть последний болт.

— Девка совсем сошла с ума, — проворчал он. — Мы только делали, что положено, и ничего больше. Поначалу мы ее вообще не заметили в этой ведьмовой камере, такая там тьмища! А, Горм?

Подмастерье, казалось, и не слышал слов мастера. Он стоял и таращился, как замороженный, на полуприкрытую девушку.

— Так ли, Горм?!

— А? Да-а-а, — Горм не мог оторвать взгляда от Фреи.

Тауфлиб продолжал:

— И вдруг выскакивает эта бабенка и набрасывается, будто с цепи сорвалась. Ну да ладно, дело кончено. Принимайте работу. Окошечко я тоже вырезал.

Лапидиус покусал губы. Случилось то, чего он и опасался. Действие снотворного кончилось, и Фрея проснулась. Ну, с этим уж ничего не поделаешь.

— Спасибо, мастер Тауфлиб, — сказал он. — Можете идти.

— Дважды мне повторять не надо, — проворчал Тауфлиб, — вот ключ от замка. Идем, Горм!

Лапидиус повернулся к Марте:

— У тебя тоже, наверное, есть работа на кухне.

Марта испарилась столь же поспешно, хоть не столь охотно.

Теперь Лапидиус мог хорошенько разглядеть Фрею. Ярость стояла в ее глазах. Ярость и негодование. И хорошая доля отчаяния.

— Я надеялся, ты еще будешь спать, — сказал он нарочито спокойным тоном. — Позже я бы тебе все объяснил.

— Ба! Я не дам запереть себя, как собачонку!

— Это ради твоей же пользы, поверь мне.

— Ба!

— Сядь сюда на сундук и выслушай меня. Я тебе уже говорил, что лечение отнюдь не из приятных. Ты будешь страшно потеть, все твои косточки будет ломить. Иногда тебе будет казаться, что ты этого больше не вынесешь, и только одна мысль будет сверлить твою голову: наружу! Наружу! Вон из жаровой камеры! Но, поверь мне, это было бы самым неразумным, что бы ты могла сделать. Единожды начавшись, лечение не долж-

но прерываться ни за что на свете. Иначе все муки были понапрасну.

Фрея Зеклер внимала молча. Но, по крайней мере, в ее зеленых глазах приугас полыхавший минуту назад огонь.

Лапидиус продолжал:

— Я не всегда смогу проследить, чтобы ты не утратила силу воли и не вышла из камеры. Только поэтому я и велел приладить замок. Если же тебе кажется, что ты здесь в тюрьме, вспомни, что сама, добровольно, пошла в жаровую камеру. И вообще: замок — всего лишь средство защиты для тебя, как... как... — он искал, с чем бы сравнить, — ...как мачта для Одиссея, когда ему надо было противостоять искушению.

Девушка бестолково посмотрела на него и только поплотнее завернулась в мешковину.

— Ах да, ты ведь, конечно, не знаешь, кто такой Одиссей. Сейчас объясню. Одиссей был греческим царем. Он был воин и мореплаватель. Во время одного плавания они однажды проходили мимо острова, на котором жили сирены. Это были морские нимфы с женским телом и птичьей головой. О них шла молва, будто они так сладко поют, что никто не мог избежать их чар. Мореход, который слышал их пение, направлял корабль прямо на остров и разбивался о скалы. Одиссей был в нерешительности. С одной стороны, он хотел услышать это сладкое пение, а с другой — не хотел терять свой корабль. И знаешь, как он решил проблему?

— Нет, не знаю.

Лапидиус с облегчением констатировал, что история захватила Фрею.

— Ну, так вот, он приказал привязать себя к мачте, так крепко, чтобы он даже изо всех сил не смог освободиться. А еще он велел своим товарищам ни в коем случае не подчиняться ему, что бы он ни говорил.

— И он поплыл к сиренам?

— Нет, не сразу. Сначала он проложил курс так, чтобы он проходил рядом с островом, потом позаботился о том, чтобы его команда все как один заткнули уши расплавленным воском. И вот вскоре они оказались вблизи дивных песнопений, которые манили и звали. Одиссей приказал направить корабль на остров, но команда не стала его слушаться. Он снова приказал, и снова они не подчинились. Тогда он начал кри-

чать; он бушевал, упрасивал, грозил, умолял, потому что пение было выше всего земного. И все-таки команда, не внимая ему, прошла под парусами мимо острова. Сами-то они не изнемогали под бременем искушения, поскольку ничего не слышали. А Одиссей таким образом убил двух зайцев сразу: и услышал божественное пение, и сохранил свой корабль.

— Ага. А я что-то вроде Одиссея, привязанного к мачте?

— Именно, — Лапидиус порадовался. Ее умозаклучение свидетельствовало о мыслительных способностях. Может, Фрее Зеклер и не хватало образования, но смысленности ей не занимать. — Из-за замка, который не даст тебе вылезти.

— Но Одиссей-то слушал красивые песни, а мне остается только мука.

— Это так. Зато под конец ты победишь болезнь. Точно так же, как Одиссей торжествовал победу над сиренами. Это главное.

— Да, наверное.

Фрея начала дрожать. По сравнению с жаровой камерой в помещении было холодно, а на ней практически ничего не было.

— Господи! — воскликнул Лапидиус. — Ты же замерзаешь! Это беда для лечения. Давай скорее в камеру!

Она не двинулась с места, только спросила, к его удивлению:

— А у Одиссея была жена?

— Да, а что? Ее звали Пенелопа.

— Пенелопа, — повторила она за ним. — Чудное имя. Но красивое.

— Полезай быстро в камеру. Прошу тебя! — не отставал Лапидиус. — Я сейчас уйду, а ты ляжешь на место, договорились?

Она пристально посмотрела на него:

— А это и вправду важно?

— Очень важно.

— Тогда лягу. Только скажу: если бы вы сейчас не рассказали историю про Одиссея, я бы ушла. Только не запирайте на замок.

— Хорошо. Я пришлю тебе Марту. Она снова намажет тебя. А потом ты получишь *diaphoreticum*.

— Что-что?

— Извини, потогонное средство.

— И еще мне нужен свет.

— Позже я принесу тебе керосиновую лампу и поставлю возле дверцы. Но нельзя оставлять ее зажженной на ночь, это опасно.

— Вы сами за ней придете?

— Да.

— Когда?

— Посмотрим. Но приду обязательно.

Лапидиус спустился по лестнице и направился в кухню, где застал у плиты полусонную Марту.

— Марта, вот ключ от камеры Фрей. Запри, после того как закончишь ее обихаживать.

Служанка от души зевнула.

— Ладна, хозяин. А чё делать-та?

Лапидиус объяснил.

— И еще: ключ только один. Смотри, не потеряй его. Я буду давать его тебе только на время процедур. Сразу, как закончишь, отдавай его мне. А в случае если меня нет дома или еще что, прячь его... — он оглядел стену у плиты, поскольку помнил, что один кирпич там плохо держался, — прячь его сюда, за кирпич.

— Ладна, хозяин, сделаю. Не хотите горяченького? Супчик готов.

— Нет, спасибо. Мне еще надо поработать.

— Ладна, хозяин. Токо не скопытеться с голодухи. Все баландаетесь в ваших стекляшках, и поесть неколи...

— Марта!

— Все-все, хозяин, уже иду.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ ЛЕЧЕНИЯ

Фрея лежала в жаровой камере и гадала, который теперь час. Утро уже настало? Где-то посреди ночи она задремала, когда пришел Лапидиус и погасил лампу. Лапидиус. Какой странный человек. Такой долговязый, но совсем тощий и какой-то усталый. Строгий, с холодными серыми глазами. И не молод уже. Но все же в нем что-то такое есть... Богатый и с положением, хоть одевается как-то небрежно. Наверное, он многое пережил, прежде чем осел в Кирхроде. Но что? В нем есть какая-то тайна, это уж точно...

Зачесалось плечо, и она, с трудом дотянувшись, поскребла зудящее место. Под ногти и между пальцами набилась вонючая густая мазь. Она обтерла ее о стропило. Ее мысли снова вернулись к Лапидиусу. Ей еще в жизни не встречался человек, который бы стал для нее что-то бескорыстно делать, не считая матери, конечно. И недоверие к нему еще не совсем прошло. Что-то должно за этим крыться, коли он так поступает...

Во всяком случае, что касается опасности сифилиса, она ему верила. Она никому об этом не рассказывала, но ей было известно, как выглядит «французский дом» изнутри. Однажды они с матерью были в одном таком, и она навсегда запомнила его несчастных обитателей. Многие из них сейчас уже наверняка пали, как скот. Несмотря на жару, у нее по спине пробежал холодок. Нет, она не хочет так умирать. Только не так!

Только вот правда ли, что она умрет, если не выдержит лечения? Уже сейчас ей стало от него хуже. Она чувствовала себя разбитой и обессиленной. Голова гудит и вот-вот расколется. Что это за лечение, от которого становится только хуже?

Осторожно она перевернулась на другой бок, потому что почувствовала появление первых пролежней. От напряжения ее бросило в пот. Как невыносимо жарко в этой камере! И тесно, так тесно, что и лежать-то можно, только вытянув руки вдоль туловища. И темно. Она подняла голову, чтобы заглянуть в оконце, вырезанное мастером Тауфлибом. Как там день, уже начался?

И тут прямо перед глазами увидела висевшего на тенетах паука.

Ранним утром Лапидиус сидел в своем любимом кресле и блуждал взором по лабораторным приборам. За полгода, прошедших после покупки дома, ему удалось приобрести еще несколько прекрасных экземпляров. Например, чудные *albarello* из Италии, фаянсовые сосуды с ровной оловянной глазурью. Над дверью теперь красовалась искусная гравюра, изображающая аллегорию алхимии — женская фигура, держащая в каждой руке по книге: одна обозначает общедоступные, другая — тайные знания. Перед фигурой вверх уходит лестница, как символ терпения, чтобы ступень за ступенью подниматься к новым вершинам науки. Настоящий шедевр! Лапидиус подавил зевок и исправил запись «Понедельник, 11-е» на «Четверг, 14-е».

Три дня пролетели впустую, три долгих дня он так и не приступил к эксперименту, вот вчера вечером, к примеру, заснул над работой. Ничего, сегодня он все наверстает. Фрея Зеклер лежит наверху в жаровой камере и, буде Богу угодно, так и останется там лежать. А он тем временем обратится, наконец, к своему *Variatio VII*. А потом, после полудня, попробует на зуб обеих свидетельниц. Его не оставляло ощущение, что что-то с ними не так.

И тут раздался крик.

Долгий, истошный, пронзительный. Он долетал словно из дупла дерева. Лапидиус подпрыгнул и недоуменно огляделся. Потом понял: звук шел из отверстия теплового канала над его постелью. Должно быть, это Фрея. Но что могло с ней случиться?

— Погоди, Фрея, — крикнул он, — сейчас иду!

Размахивая руками, он бросился вверх по лестнице на чердачный этаж, откуда доносился жуткий грохот.

— Что, помилуй Боже, стряслось?

За оконцем показались расширившиеся от ужаса глаза Фреи, которая до того бешено колотила в дверцу.

— Паук! Он почти спустился на меня!

— Паук? Слава Богу! Я уж подумал, что-то серьезное.

— А это не серьезно? Я здесь больше не останусь. Выпустите меня отсюда! Выпустите!

— Хорошо-хорошо. Сейчас.

Лапидиус разумно предпочел уступить пациентке. Он шарил в кармане в поисках ключа. Ключа не было. Он обшарил карманы сызнова и тут догадался, что ключ должен быть у Марты. Пробурчав кое-как объяснение, он поспешил в кухню, где Марта сутилась у плиты.

— Марта, дай ключ от камеры. Скорее!

— Дак нету у меня, хозяин.

— Боже помилуй! Как это нет? Где же он?

— Дак как где, хозяин. Сами сказали покласть его за кирпич, коли ненадобен. Давеча хотела отдать, дак вы уж...

— Ладно, ладно, — Лапидиус вынул ключ, перемахивая через ступени, заторопился наверх и открыл дверцу.

Фрея сверкнула на него глазами:

— Не выношу пауков! Я их боюсь.

— Ладно, ладно. Где этот зверь? А, вот. — Лапидиус обнаружил паука в углу под балкой и смел. — Ну вот, все в полном порядке.

— Ничего не в порядке. Вы обещали, что Марта будет убирать паутину. Каждый день.

Лапидиус почесал под своей шелковой шапочкой.

— Да, да, обещал. Но, должен признаться, забыл ей сказать. Обязательно сделаю.

— Все еще хуже, чем я думала, — пожаловалась Фрея. — Много хуже. Голова гудит, будто там пчелиный рой, и все тело ломит.

Лапидиус поглядел на нее с унынием, не в последнюю очередь потому, что сейчас, сидя перед ней на полу, мыслями был в лаборатории, где его ждали опыты. Тем не менее он сказал:

— Я говорил тебе, что речь идет о жизни и смерти. Чего же ты ждала? Простого лечения, как при насморке? Такие страда-

ния вытерпели уже многие другие до тебя. Бедные и богатые, простые горожане и благородные господа. Ульрих фон Гуттен, например. Он был рыцарем и поэтом. И болел не только сифилисом, но еще и перемежающейся лихорадкой. Он написал две небольшие книжки, в которых описывает, как боролся с недугами. Он изображает разговор со своей лихорадкой...

Лапидиус оборвал себя на полуслове, потому что ему пришлось в голову, что упомянутый им фон Гуттен перенес не меньше одиннадцати курсов лечения, что было мученичеством — мученичеством, которое оказалось напрасным. Так что этот благородный господин был плохим примером. Он поспешно закончил:

— Может быть, и тебе станет легче, если ты поговоришь со своею болезнью.

— Не хочу я с ней разговаривать. Я хочу вылезти отсюда!

Лапидиусу пришлось призвать все свое терпение, чтобы не выйти из себя.

— Если ты покинешь камеру, то умрешь от болезни. Рано или поздно тебя ждет верная смерть. Но если тебе так хочется, можешь расстаться с жизнью и по-другому: сгорая на костре. Или ты думаешь, что сумеешь убежать от городского суда?

Фрея молчала, поджав губы.

— Поверь мне, у тебя есть только один выход: лечиться в камере и надеяться, что мне удастся снять с тебя обвинения в колдовстве. А что, кстати, имеют против тебя Кёхлин и Друсвайлер, которые дали свидетельские показания? Ты их знаешь?

— Нет... Да... Немного.

— Да в чем дело?

— Ну, они у меня пару раз покупали.

— Что покупали? Где? При каких обстоятельствах? Не заставляй каждое слово тянуть из тебя клещами.

Он слышал, как она забормотала себе под нос что-то, сильно смахивающее на строптивое ворчание, однако потом внятно сказала:

— Травы покупали. Я их почти не знаю. Говорила же вам, что хожу из города в город с тележкой. Здесь я уже пару недель, и кое-что им продала.

— Расскажи подробнее.

— А чего тут рассказывать? Я продаю свежие и сухие травы. Сухие держу в мешочках разной величины. Маленький мешочек стоит...

— Ладно, довольно, — перебил ее Лапидиус. — Я не то имел в виду. Расскажи мне лучше об этих женщинах.

— Можно мне воды?

— Да, погоди.

Он крикнул Марту и велел ей принести кружку колодезной воды. Фрея взяла ее, с трудом приподнялась на локтях и сделала пару глотков. Когда Марта ушла, она заговорила снова:

— Кёхлин такая дородная. И все у нее толстое. Нос как репа, ага, точно, как большая красная свекла. А глазки цепкие. Если остальные покупательницы не больно-то видят, когда травка не совсем свежая, то эта видит все. И такая злющая! Другая, Друсвайлер, та тощая, как палка, и страшна, как смертный грех. На лице три или четыре большие бородавки. Дура, не знает, что о ней люди болтают. А говорят про нее, что она своей руганью свела мужа в могилу.

Несмотря на другие заботы, Лапидиус невольно хмыкнул.

— А ты наблюдательна, — с похвалой отозвался он.

— Да ладно уж вам. Я все это знаю только из-за того, что в последний раз поругалась с ними. Протиснулись вперед, эти двое, всех растолкали. Ну им бабы и задали жару, и поделом! Ух, как летели ключья! Пришлось даже звать цирюльника.

— Когда это было?

— Недели три назад, может, четыре. Но я их почти не знаю. Лапидиус рассуждал вслух:

— Если это все, то откуда они взяли, что ты варила пальцы младенцев, заставила кровоточить топориче, заколдовала скотину, и несли еще прочую чепуху?

— А я почему знаю?

— Правда? Можешь поклясться именем Господа?

— Само собой. Да не знаю я их. Видела-то всего пару раз, уж говорила.

Лапидиус шумно вздохнул:

— Ладно, верю. И обещаю, что еще сегодня доберусь до этих «дам». А теперь поспи. Марта принесет тебе *diaphoreticum*.

Немного погодя он еще раз поднялся наверх, чтобы удостовериться, что Фрея заснула.

Потом запер дверь.

В третьем часу пополудни Лапидиус разыскал обеих свидетельниц.

Объяснения, которые дала ему Марта, помогли легко найти дорогу. Женщины жили в двух стоящих стена к стене домах. Ему повезло, он застал сразу обеих на кухне Друсвайлер. Как только он представился, тощая просверлила его взглядом снизу доверху и кислым голосом спросила:

— Ну, и чем обязаны вам визитом?

Лапидиус поправил свою шелковую шапочку и приступил:

— Вам знакома Фрея Зеклер?

— Кто ж ее не знает. Полгорода знает ведьму.

— Именно об этом я и хочу с вами поговорить. Откуда у вас такая уверенность, что она ведьма?

Тут вмешалась толстая Кёхлин:

— Все это знают. И мы тоже. А вам-то что?

Ее глазки сильно напоминали мышиные. Фрея и в самом деле метко описала свидетельниц. И прежде чем Лапидиус успел ответить, она ответила сама:

— Может, потому, что вы с ней живете, а? Все видели, как вы вели ее к себе. Уже все знают, что у вас с ней шашни. Что, скажете, нет?

Лапидиус из всех сил старался не поддаваться гневу. Ни в коем случае нельзя занимать оборонительную позицию, и он зашел с другой стороны:

— Судья Мекель сообщил мне, что вы утверждаете, будто видели, как Зеклер заставила кровоточить топорщице.

И снова вступила Кёхлин:

— И это, и еще больше. Собственными глазами видели, верно, Мария?

— Так же верно, как то, что наш Спаситель умер на кресте, — кивнула тощая. — Это наш долг все сообщать, чтобы очистить город от всяких ведьм, демонов и колдуний. Во всем должен быть порядок.

Лапидиусу пришла в голову мысль. Во многих местностях существовали так называемые «охотники на ведьм». Мужчины или женщины, для которых было промыслом собирать злые сплетни и слухи, чтобы поставлять их властям. Если подозреваемых потом изобличали, «охотники» получали вознаграждение — следует заметить, что обвинения почти всегда подтверждались, поскольку жертвы признавали свою вину под пытками. Нежели Аугуста Кёхлин и Мария Друсвайлер такие же доносицы?

— И как часто вам приходилось давать суду такие показания? — спросил он.

Они недоуменно переглянулись.

— Что значит «как часто»? В первый раз, конечно.

— Ах так? Конечно?

Лапидиус быстро прикинул, что по этой части женщины не лгут. Будь они промышляющими «охотницами на ведьм», имели бы в городе определенную репутацию.

Он не стал заострять внимание на этой теме. Его взгляд блуждал по сверкающей чистотой кухне и далее через окно на совместный для обоих домов дворик. Во всем царил порядок. Как внутри, так и снаружи. Дворик был чисто выметен. В одном из его уголков висела натертая жиром конская сбруя, под ней стояла двухколесная телега, тоже в исправном состоянии. У стены радовал глаз зеленью небольшой огородец, а в дальнем углу виднелись аккуратно сложенные поленья. Поблизости стояла колода для рубки дров с торчащим из нее топором.

Лапидиус изобразил на лице любезную улыбку и попросил:

— Не могли бы вы оказать мне небольшую услугу? Пожалуйста, покажите ваш дворик.

Не дожидаясь ответа, он размашистым шагом проследовал туда и остановился возле колоды. Он выдернул и тщательнейшим образом осмотрел топориче, а потом повернулся к вышедшим вослед женщинам:

— Не могли бы вы мне сказать, где на этом топоре появилась кровь?

— Кровь? Почему это на нем должна быть кровь? — возмутилась толстая Кёхлин.

Лапидиус посмотрел прямо в ее мышинные глазки. Она почувствовала себя неуверенно.

— Это топор моего мужа, а не то, что вы подумали. Вальтер мог бы это подтвердить, да он в горе. Так ведь, Мария?

Тощая кивнула.

— В горе, — повторила она за товаркой.

— Но прежде вы говорили, что собственными глазами видели, как на топориче появилась кровь. Скорее всего, это и есть тот топор. Ведь Зеклер творила свои бесчинства на вашем дворе?

Кёхлин потеряла руки.

— И совсем это не тот топор. Тот был другой.

— Ага. Другой. А где вы видели тот кровоточащий топор? На торговой площади? За воротами города? В горах?

Кёхлин не знала, что сказать.

— И где теперь тот топор? Кому он принадлежит? Ведь есть же у него хозяин!

Ни слова в ответ.

— А кто кроме вас при этом присутствовал? Только Фрея Зеклер? Или были другие свидетели, кто может подтвердить ваши показания?

— Ну все, хватит! — Тощая Друсвайлер уперла руки в боки. — Вы что, хотите сказать, что мы говорим неправду? Верите этой неизвестно откуда взявшейся шлю... э... ведьме, а не двум порядочным женщинам? Вон оно как! — Ее голос перешел в визг. — Сейчас же убирайтесь с нашего двора!

Кёхлин тем временем тоже пришла в себя:

— Да. Вон отсюда. Да побыстрее! Или пошлем за начальником стражи!

Лапидиус воткнул топор в колоду.

— Как вам будет угодно. Но я должен констатировать, что вы не знаете, где вам встретился кровоточащий топор, представления не имеете о его владельце, а также не можете назвать других свидетелей происшедшего. На мой взгляд, все эти измышления не более чем игра вашего воображения. Равно как и прочие бесчинства, которые вы взваливаете на Зеклер.

Он повернулся и решительным шагом покинул двор.

По дороге домой у него все не выходил из головы этот разговор. Обе женщины явно не являлись «охотницами на ведьм». Кроме того, они изобличили сами себя лгунями. Каждое слово, каждая фраза, каждый их жест говорил за это. Вопрос был только в том, что они имели с того, что объявили девушку, которую едва знали, ведьмой. Из чистой злобливости? Из удовольствия послать кого-нибудь в камеру пыток? Он не мог этого понять.

И было в его визите еще что-то. Какое-то несоответствие, которое ему никак не удавалось ухватить.

И только поздним вечером, сидя у себя в лаборатории, он внезапно понял, что. Во дворике свидетельниц имелся огород с разными травами. В этом была нелепость. Ибо зачем, имея под рукой травы, идти за ними к бродячей торговке? Значит, должна быть определенная причина.

И, возможно, эта причина ведет к правде.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ ЛЕЧЕНИЯ

Старик Хольм знал и лучшие времена. Уж такие славные, рассказывал он каждому, кто готов — а то и не готов — был слушать. В те времена он каждый день ездил на рудник. Забойщиком работал он и получал хорошее жалованье. Жена, дети, свой дом — все у него было. Да, счастливое было времечко! До того самого дня, когда в дренажной штольне в Ахтертале его не придавило обломком породы. С той поры все покатилося под гору.

После такого увечья путь в рудник ему был заказан. На его место заступил другой. А там за одну неделю вся его семья вымерла от лихорадки. Добросердечные соседки жалели его и какое-то время стирали и варили ему. Пока не выяснили, что он стал прикладываться к зелью. Тогда и кончилось их милосердие. Он продал дом, раздал долги да и ушел в лес.

И не так уж плоха оказалась там жизнь. Он построил себе хижину, пробавлялся орехами да ягодами, иногда ловил рыбу. Время от времени в силки даже попадалась мелкая дичь. Вот только пива ему в лесу не хватало. Ох, как он тосковал по нему! Ведь кто однажды предался питию, никогда от него не отстанет.

Жажда выпивки и была той причиной, по которой он каждые пару дней появлялся в Кирхроде и кланчил по трактирам кружку пива у выпивох. А потому как зла он никому не чинил, да к тому же являл собой потешное зрелище, ему зачастую по-

давали. Чаще всего он подвизался в «Квершлаг»* на Гемсви-зер-Маркт, потому что там был знакомый хозяин, тоже быв-ший рудокоп. В знак старой привязанности он иной раз ста-вил ему кружку.

Вот и вчера вечером тоже. Но пришло время, и Панкрац, хозяин, сказал:

— Уже поздно, Хольм. Не пора ли тебе податься к себе в лес? У меня будут неприятности с ночным дозором, если я сейчас не закроюсь. Эй, парни, и вы все давайте по домам!

Недовольно переругиваясь, гуляки потянулись к двери. Только Хольм остался. С упрямством пьяницы он уцепился за стойку и не спешил покидать «Квершлаг».

— Па... Панкрац, — заплетающимся языком клянчил он, — ну еще кружку пива!

— Все-все, хватит.

— Ну, вот ткую, млюсенькую.

— Нет, исчезни.

— Всп... вспомни, я тв... твоей струхе две шк... шкурки ла-сок пр...птрашил...

Панкрац, по натуре человек незлобивый, упер палец в грудь качающегося Хольма:

— Это было полгода назад, и ты за это уже получил пива в десять раз больше. Как минимум.

— Ну, Панкрац, еще кружчку. Ну, пжалста...

— Ладно, Бога ради, — вздохнул добросердечный Пан-крац. — Но это в последний раз за те шкурки, слышишь?

Он пошел к бочке и нацедил кружку с верхом:

— На, держи. Нет, нет, даже и не думай садиться! Бери с со-бой. Где ты будешь пить, не мое дело, только поставь потом кружку мне под дверь, да не попадись ночной страже!

— Ты ннастящий друг...

— Ладно, ладно, дуй отсюда.

Легонько подталкивая, Панкрац выставил старого Хольма за дверь.

Неподалеку от «Квершлага» старик заснул прямо сидя, крепко зажав кружку в кулаке и на удивление ровно держа ее, при его-то состоянии. Так он пару часов спустя и проснулся.

* Квершлаг (от нем. Querschlag, горн.) — подземная выработка, служащая для пе-ревозки грузов, передвижения людей, стока воды.

Сладко зевнув, огляделся; провел языком по зубам и небу, во рту была сушь несусветная. События вчерашнего вечера пришли ему на ум.

Слава богу, кружка, по-прежнему полная, была у него в руке. Изрядный глоток пива пошел на пользу. Горького похмелья как не бывало. Он расслышал шум. Видно, торговцы начали устанавливать свои лотки и палатки.

Еще хороший плоток, и Хольм пораскинул мозгами, что ему делать. Здесь оставаться нельзя. Начальник-то стражи не больно-то церемонился с пьянчужками, болтающимися ночью по улицам.

К себе в лес ему сейчас тоже не дотащиться. И тут его озарила спасительная идея: еще темно, и никто не заметит, если он проспится под какой-нибудь телегой на рыночной площади. Точно! Он, кряхтя, встал на ноги, не выпуская кружку из рук, и поплелся воплощать идею в жизнь. В конце дальнего ряда одна из повозок показалась ему подходящей. Под ней он и приземлился, незамеченный суетящимся торговым людом.

Но, собравшись прилечь, он обнаружил, что под ней уже кто-то спит.

— Подвинься-ка, прятель, — пробормотал он, укладываясь. — Хошь глотнуть? Стрина Хольм, ик, не какая-то тебе жадина. — Он протянул кружку компаньону, но тот не шевельнулся. — Чё, брезгуешь моим, ик, пивком? Ну и Бог с тобой.

Хольм дернул кружку к себе и тут же почувствовал, что под ним сыро.

— Черт поberi, ткое славное пиво, — пробормотал он и попытался пригоршней зачерпнуть пролитое пиво, чтобы вернуть его на место, в кружку. С первой попытки не удалось. Он попытался сызнава.

И в один момент старик Хольм стал трезв как стеклышко. Жидкость была кровью.

Амальгирование — это процесс, ход которого требует множества стадий. Лапидиус обладал различными образцами горных пород, о которых знал, что они содержат золото и серебро. Искусство заключалось только в том, чтобы высвободить с помощью ртути оба благородных металла, что было легче сказать, чем сделать. При этом количественные соотно-

шения и температура пламени играли большую роль, так ему казалось. И еще он вроде бы установил, что золото и серебро извлекаются из различной руды с разной степенью сложности, и в это утро он еще раз посокрушался, что хотя у него и были весы для определения массы, а вот прибора для установления нужной температуры плавления не было. Само собой разумеется, алхимия давала способ определения температуры тела при лихорадке, температуры навоза и тепла, необходимого для вылупления яиц, а также градуса полуденного зноя, жара в очаге и золы, однако все это достаточно приблизительно.

В ход его мыслей вторглась Марта со своим извечным вопросом, не хочет ли он поест.

— Что? Нет, спасибо. Пока не хочу. Фрея еще спит?

— Поди да, хозяин. Дак я поставлю вам тамось тарелочку каши, коды захотите и откушаете. — И прежде чем он успел воспротивиться, она уже приблизилась и сунула тарелку между колбами и тиглями. — Ой, скусна!

Она повернулась, чтобы снова отправиться к своим горшкам, и тут это случилось. Ее широкий зад задел небольшой аламбик. Стекланный сосуд соскользнул по краю стола, упал на пол и разлетелся на тысячу мелких кусочков. С шипением наружу вырвался газ.

— Иисус, Мария и Святой Иосиф! — всплеснула Марта руками. — Я ненарошна, хозяин! Я хотела как лучше! Ой, простите!

Лапидиус поджал губы. Ему потребовалось напряжение всех сил, чтобы не наброситься на служанку и не вытрясти из нее душу. Она же знала, что он терпеть не может, когда ему мешают за работой, и каждый раз забывала.

— Ох-ох-ох! Ох-ох!

Она нагнулась, чтобы собрать осколки, но Лапидиус отодвинул ее в сторону.

— Оставь. Ни к чему тебе вдыхать эти испарения.

— Ага, хозяин! Дак как же, хозяин! Ох, простите!

— Быстро на кухню!

— Да, хозяин. Ох, дак как же энтэ я!

Марта, причитая, убежала.

Оставшись в одиночестве, Лапидиус постарался справиться со своим гневом. Аламбик, хоть и был мал, играл большую

роль в его эксперименте. Без него нечего и думать продолжить *Variatio VII*. Надо раздобыть новый, пусть даже на время. Но где? Он пораскинул мозгами. Или у городского медикуса, или у аптекаря. И у того, и у другого он должен бы быть, ведь оба по роду своих занятий должны приготавливать лекарства. Даже скорее у аптекаря. Точно, к нему он и обратится, благо до его заведения ближе, чем до дома медикуса. Лапидиус решил немедленно браться за дело. Против обыкновения он вышел из дома, ни слова не сказав Марте. Пусть еще помучается своей оплошностью.

Его путь пролегал через Кройцхоф и Гемсвизер-Маркт. На рыночной площади, как обычно, царило оживление. Пожалуй, даже больше обычного, как ему показалось. В чем там дело? Вроде как все сгрудилось в одном ряду. Люди истерично вопили друг другу, таращились на что-то лежащее на земле или просто стояли с застывшими лицами. Опрокинулась какая-то тележка с товаром, но на это никто даже не обращал внимания. Сушеные фрукты, каштаны, буковые орешки рассыпались по булыжнику мостовой. Лапидиусу приходилось балансировать, чтобы не разъехаться на них и не грохнуться, когда он направился в ту сторону. Благодаря своему росту он смог кинуть взгляд поверх голов, чтобы ухватить, что стало причиной сумятицы: труп в луже крови.

Женщина, как выдавали длинные светлые волосы, выбившиеся из-под полотна, укрывавшего тело.

Начальник стражи — Лапидиус подумал, что тот же самый, который принес ему вызов явиться в пыточную камеру — стоял подле мертвого тела и испытующе вглядывался в лица зевак.

— И что, никто из вас не знает погибшую? Не рассказывайте мне сказки!

Ветхая сморщенная старуха проскрипела:

— Бог мой, Крабиль, говорим же тебе. Никто и не думает морочить тебе голову.

— Хм, что ж, — покачал головой Крабиль, исполненный важности. — И все-таки чудно! Как это вы, торговый люд, что и муху мимо носа не пропустит, не знаете?

Лапидиус вмешался:

— Может быть, у убитой есть при себе что-то, по чему можно установить, кто она такая.

Страж порядка смерил его взглядом.

— Я уже обыскал тело и не нашел ничего, что бы указало ее имя. Только две кровавые буквы, вырезанные на ее лбу. — Крабиль чуть-чуть отвернул полотнище. — Жуть! Я ничего такого в жизни не видел! Вроде бы «F» и «S».

Лапидиус тем временем подобрался ближе к убитой. Начальник стражи говорил правду. Кто-то вырезал у нее на лбу эти буквы. Скорее всего, ножом. Однако эти раны едва кровоточили, так что причиной смерти должны были стать другие, более тяжкие повреждения.

— Мне эта женщина, к сожалению, также не знакома, — сказал Лапидиус.

— Я так и думал, — проворчал начальник стражи. — Похоже, никто ее не знает, даже старый Хольм, что нашел ее. А вы магистр Лапидиус, не так ли?

— Совершенно верно

Повисла тишина. Лапидиус почувствовал, как все взоры обратились на него. Потом торговки склонили друг к другу головы и принялись шушукаться. До него доносились отдельные фразы:

— ...это же тот, что связался с Зеклер...

— Зеклер?

— ...ну да, Зеклер, ведьмой!

— И у него с ней...

— Ага, под одной крышей!

— ФРЕЯ ЗЕКЛЕР!

Какая-то из баб истошно выкрикнула имя.

— Говорю вам, это дело рук ведьмы! — со знанием дела орала она. — «F» и «S»! Фрея Зеклер! Это она уколошила несчастную!

Другая поддержала товарку:

— Да, да, так и есть! Это угроза! Она грозит всем нам!

Лапидиус увидел, как у начальника стражи округлились глаза.

— Слышу, небезызвестная Зеклер живет под вашей крышей?

По нему было видно, что он бы сейчас с удовольствием на месте схватил того, кто укрывает ведьму.

Одно лишь высокое положение магистра мешало ему расправиться немедленно.

Бабам это не мешало. Вместе они чувствовали себя силой. Они враждебно надвинулись. То тут, то там раздавались грозные крики:

— Чего тянешь, Крабиль?

— Хватай его за шиворот!

Лапидиус попятился. Чего это бабье взбеленилось? Они что, всерьез верят в то, что кричат? Лапидиусу не оставалось времени на раздумья, потому что бабы приступили к делу сами, взявшись за метлы и палки. А поскольку страж порядка и не думал сдерживать их, он быстренько ретировался. Было бы глупо разыгрывать из себя героя.

Лапидиус помчался домой со всех ног. Когда, еле переводя дух, он остановился у своих дверей, то с облегчением увидел, что никто его не преследовал. Видно, торговки побоялись оставить товар без присмотра. Он прошел прямо к себе в лабораторию и, отдуваясь, плюхнулся в любимое кресло. Внезапно он почувствовал страшный голод.

— Марта! — крикнул он. — Марта, что у тебя там на плите?

Дверь в кухню на щелочку приотворилась, и служанка просунула голову:

— Энто вы, хозяин?

— А кто еще? — Лапидиус сдвинул в сторону приборы на лабораторном столе. — Принеси-ка мне поесть.

— Вон оно и ладно, хозяин. Как ить в воду глядела, стоговила ваше любимое кушанье: омлет с фазаньими потрошками и перчиком. Погодите, щас принесу, пока тёпленько. — Она заспешила к плите.

Через приоткрытую дверь Лапидиус наблюдал, как она вынула из буфета большое блюдо и навалила приличную порцию.

— Не сердчаете на меня больше? — спросила Марта чуть погодя, расставляя на столе все для трапезы, на этот раз с крайней осторожностью.

— Нет, нет, — у Лапидиуса потекли слюнки. — А как дела у Фрей? — тем не менее не забыл он спросить, отправляя в рот первый кусок. — С ней все в порядке? За огнем в атаноре следила?

— Все сделала, как надобно, хозяин. А про Фрею-та скажу, уж больно ей было худо, сердешной. Дала ей чуток попить. В оконце на заслонке.

— Прекрасно.

Лапидиус продолжал поглощать любимое блюдо. Утром он не удосужился подняться к Фрее и сейчас испытывал угрызения совести. Он чуть было не сорвался с места, однако еда удержала его за столом. Тогда он сделал другую попытку: повернув голову к отверстию теплового канала, крикнул:

— Фрея! Фрея, надеюсь, тебе лучше?

Никакого ответа.

Может быть, чтобы было слышно, надо говорить прямо в отверстие? Но покой уже был потерян. Он в спешке проглотил остатки пищи, велел Марте убирать и поскакал вверх по лестнице к пациентке. Наверху жутко смердело. Лапидиус наморщил нос. Не ожидая ничего хорошего, он повторил свой вопрос:

— Надеюсь, тебе уже лучше?

Она посмотрела на него в окошечко. В тусклом свете дня ее лицо выглядело изможденным. Зеленые глаза помутились, цвет кожи напоминал засохшую булку.

— Я вас слышала, — еле внятно сказала она, а потом у нее вырвалось с упреком: — Вы вчера заперли дверь!

Лапидиус словно не слышал.

— На что сегодня жалуешься? — спросил он.

— Ни... ни на что.

— Ты должна мне сказать.

— Судороги, все тело сводило судорогами, а потом... потом я обмаралась.

Он сочувствующе кивнул:

— Это из-за ртутной мази. Она провоцирует колики. Я позову Марту, она все уберет.

— Да. Утром она дала мне воды. Сейчас уже лучше.

— Хорошо. — Он от души порадовался. — Теперь снова можно терпеть, да?

Она ничего не ответила. Лапидиус посчитал это за согласие и продолжил:

— Видишь, утром, когда у тебя были сильные боли, ты бы не выдержала и непременно вылезла наружу, но не смогла, оттого что я тебя запер. Если бы я этого не сделал, ты бы прервала курс и все, чего мы за прошедшие дни достигли, пошло бы прахом. И теперь ты ведь рада, что этого не произошло, да?

— Можно мне еще воды?

— Нет, сегодня ты уже пила. Я принесу тебе бульону, может быть, с небольшим кусочком фазана.

Лапидиус спустился к Марте и попросил налить чашку. Бульон был страшно горячим.

Подувая на него, он снова поднялся наверх и поставил чашку на пол. Потом открыл дверцу, чтобы Фрее было удобнее пить.

— Весь фокус при таком лечении в том, чтобы давать пациенту ровно столько воды, сколько может выйти потом. И лучше воздерживаться от твердой пищи, чтобы не было стула. А с другой стороны, немного твердой пищи все-таки следует давать, чтобы пациент сильно не потерял в весе. Поэтому бульон — золотая середина.

Фрея пила маленькими глотками, пока не опорожнила чашку. Лапидиус забрал ее и закрыл дверцу.

— Оставьте приоткрытой.

— Нельзя. Выйдет много жару.

Закрывая, он бросил мимоletный взгляд на ее тело и заметил, что ртутная мазь почти полностью впиталась в кожу.

— Велю Марте обиходить тебя и снова натереть. Кроме этого, ты получишь настой липового цвета, чтобы хорошенько пропотеть.

— Раз надо...

— Послушай-ка, — он было присел прямо на пол, но тут же, кряхтя, поднялся. — Подожди, пододвину сундук. — Устроившись на нем, он продолжил: — Мне надо еще раз поговорить с тобой о Кёхлин и Друсвайлер. Я был у них и хорошенько выспросил. Все говорит за то, что их обвинения высосаны из пальца. Что меня больше всего настораживает, это что они пришли к тебе покупать травы.

— Многие покупают.

— Разумеется. Однако у Кёхлин и Друсвайлер есть свой огородец с травами. Зачем тогда идти к тебе?

— Не знаю.

— А ты не помнишь, что конкретно они у тебя покупали?

Фрея согнула локоть и провела рукой по глазам. Потом тихо сказала:

— Нет. Но я бы запомнила, будь что необычное.

— А что есть у тебя в фургончике?

Лапидиус видел, как она устала, однако он должен был выяснить.

— Да как водится. Розмарин, тимьян, любисток и всякое такое... А, вспомнила, белена, вот что они купили.

— А белена произрастает в обычном огороде? — Лапидиус подумал о дурманных свойствах этого растения.

— Может, да, может, нет.

— А тебе в этих женщинах больше ничего не бросилось в глаза? Я имею в виду, кроме того, что они устроили перебранку.

— Нет... хотя постойте... Они были там до последнего. Я еще удивилась.

— Ага. Попробайся вспомнить, что они тебе говорили. Каждое слово может быть важно.

— Да ничего особенного. Я сказала, что мне уже пора, потому что поздно. И тогда, по-моему, Друсвайлер вдруг спросила, не хочу ли остановиться у них на дворе. Сладенько так спросила.

— А что ты?

— Что я лучше, как всегда, переночую в городе, под своим фургоном. И дешевле, и спокойнее.

Лапидиус поднялся.

— Ну ладно. Боюсь, это мало поможет. Но все равно, спасибо. Скоро пришло Марту. А пока попробуй немного поспать.

Он заглянул в окошечко и увидел, что Фрея уже задремала. В сумеречном свете она выглядела как состарившееся дитя.

Колба, которую Лапидиус хотел приспособить вместо разбитого аламбика, совсем не годилась. Он стоял у лабораторного стола и тихо про себя ругался. Так он не продвинется с *Variatio VII*.

Эта сфера не могла заменить дистиллятора, да и сам он мыслями был далеко от эксперимента. Снова и снова в памяти всплывало то, что Фрея сказала о свидетельницах. Они покупали белену и потом не ушли, хоть причины на это и не было.

Или все-таки была? Может, они заболтались и забыли о времени? Маловероятно. Постой-ка, предложение Друсвайлер переночевать у них наводит на размышления. Уж очень оно необычно, особенно если знать, какая эта баба брюзга и злыдня.

Лапидиус вынул сферическую колбу из установки для опыта и отставил ее в сторону. Ему непременно нужен дистиллятор, и лучше сегодня, чем завтра. Наверное, все-таки придется еще раз пуститься в путь к аптекарю. Он решил пробираться окольным путем, хоть на улице уже и стемнело. Обогнув Гемсвизер-Маркт по широкой дуге, через какое-то время он постучал у дверей фармацевта. Открыла его жена, и Лапидиус изложил свою просьбу. Только вот помочь она ему не могла, и пришлось не солоно хлебавши возвращаться домой.

Аптекаря Вайта дома не было.

ПЯТЫЙ ДЕНЬ ЛЕЧЕНИЯ

Ранним утром шестнадцатого апреля можно было снова видеть Лапидиуса, устремившегося торопливым шагом к Гемсвицер-Маркт. Он получил предписание безотлагательно явиться в ратушу. По какой причине, этого Крабиль, податель послания, не мог или не хотел сказать.

Ломая голову, зачем его срочно требовали в такой неурочный час, Лапидиус вошел под своды старинного здания. Крабиль отклонялся и передал магистра городскому писарю, невзрачному хромому книжному червю, который провел его по множеству коридоров и наконец остановился перед массивной дубовой дверью. На двери красовалась роскошная картина, изображавшая обнаженного бородатого мужчину с роговидным инструментом. Над ним виднелась надпись:

JURA NOVIT CURA.

«Закон известен суду», — читая, зашевелил губами Лапидиус. До него стало доходить, что он доставлен в зал суда. «Будем надеяться», — пробормотал он себе под нос. В нем шевельнулось недоброе предчувствие, он поправил шелковую шапочку на голове и вошел.

Помещение выглядело солидно и мрачно. Повсюду глаз наткался на дерево и резьбу, даже потолок был обшит деревом. Три остекленные со свинцовыми переплетами окна пропускали мало света. По центру стоял длинный стол, за которым сидели облаченные в мантии господа.

— Очень признателен вам, магистр Лапидиус, что вы так скоро нашли к нам дорогу. — Бургомистр Штальманн, нескладного вида пятидесятилетний мужчина с обрюзгшим лицом, указал ему на стул. — Садитесь.

На пальцах бургомистра сверкнули благородными камнями перстни, свидетельствовавшие о благосостоянии их обладателя. Только, в отличие от изящных драгоценностей, сами пальцы напоминали скорее связку сарделек.

— Судья Мекель по мою левую руку вам также известен. Двое других господ — советники Коссак и Леберехт.

Лапидиус отвесил вежливый поклон.

— Что ж, к делу. — В учтивом тоне Штальманна появилась официальная нотка. — Повод, по которому вы здесь, не внушает радости. В городе волнение, чтобы не сказать беспорядки. Тело, обнаруженное вчера на площади, повергло горожан в смятение и ужас. Говорят, ведьма Фрея бродила ночью по городу и убила незнакомку. Крабиль, которого мы обстоятельно допросили, того же мнения. Он сообщил, что незнакомка имеет на лбу своего рода метку, состоящую из букв «F» и «S», и было бы крайне удивительно, если бы это не означало «Фрея Зеклер».

Лапидиус твердо возразил:

— Я уверен, что она не имеет к этому никакого отношения.

Штальманн сжал пятерню, чтобы перстни не мешали ему почесать в бороде:

— Поскольку женщина находится под вашей опекой, я думал, что вы выразите нечто подобное. — Он обменялся с судьей Мекелем взглядом, удостоверяющим взаимопонимание в скверном положении дела. — Но как бы то ни было, беспорядкам в городе должен быть положен конец. Поэтому я принял решение продолжить процесс над ведьмой. Мне это кажется самым благоразумным.

Мекель, Коссак и Леберехт важно закивали. Мекель при этом выглядел озлобленным.

— Я ручаюсь за Фрею Зеклер. Она не имеет никакого отношения к убийству.

— Возможно, с вашей точки зрения это и так, магистр, однако...

— Простите, что вынужден вас перебить, господин бургомистр, однако полагаю, судья Мекель поставил вас в известность, что Фрея Зеклер заражена сифилисом. Стадия, в кото-

рой находится болезнь, вышла за рамки начальной. Показаны неотложные лечебные мероприятия. Поскольку в Кирхроде не имеется «французского дома», я предложил свои услуги, взявшись провести курс лечения на чердаке моего дома. Однажды начавшись, лечение ни в коем случае не должно прерываться. Это равнозначно смертному приговору.

Леберехт, неказистый блеклый человечек, единственным примечательным свойством которого было регулярное подергивание века, отмахнулся:

— Знаем, знаем, все это известно. Совет уже обменялся мнениями и даже пришел к соглашению, чтобы определить лечение «французской болезни» городскому медикусу. Тем временем медикус Гесселер объявил, что не располагает... э...

— Жаровой камерой, — подсказал Мекель.

— Да, именно. Вылетело из головы. Медикус не располагает жаровой камерой. Так что из этого следует троякий вывод. Первое: мы не можем поместить ведьму во «французский дом»; второе: городской медикус не может взять ее на лечение; третье, многоуважаемый магистр: мы не можем оставить ее у вас. Таким образом, приходится признать, что у нас имеется лишь один выход, а именно: отправить ведьму туда, где ей и место, то есть на костер.

Коссак, со своими сорока годами младший из всех, наизидательно поднял палец:

— Чем также будет решена и проблема сифилиса.

Лапидиус ушам своим не верил. Он-то полагал, что имеет дело с ясно мыслящими мужами, мудрыми головами, которые в состоянии отличить невинную женщину от ведьмы. Разумеется, встречались колдуньи, которые вступали в связь с дьяволом и блудили с ним — не только церковь предъявляла такого рода обвинения, но и ученые были в этом убеждены! — но ведь здесь совсем другой случай, разве можно верить мошенницам и принимать глупое обвинение за чистую монету?

— Равным образом и я хочу привести здесь три пункта, — сказал он, с трудом сдерживая раздражение. — И все они говорят за то, чтобы оставить все, как есть ныне. Во-первых, высокие судьи в Госларе сочтут за неуважение, если вы, с одной стороны, спрашиваете их мнение, а с другой — не даете себе труда дождаться ответа и продолжаете судить дальше, как будто ничего не произошло. Во-вторых, при возобновлении до-

просов рано или поздно выйдет на свет, что Зеклер больна «французской болезнью», и, уверен, волнения в городе будут еще сильнее, не в последнюю очередь, из-за опасности заражения. — Лапидиус откашлялся, потому что в горле у него персохло. Дорого он дал бы сейчас за стакан воды!

— А в-третьих? — Штальманн повертел своими перстнями.

— В-третьих, Зеклер не могла быть убийцей, поскольку сидит под замком. Ключ от замка хранится у меня. И это единственный ключ. Мастер Тауфлиб, мой сосед, ставил этот замок, и он может подтвердить.

— Ага. Хм, хм. — Штальманн не знал, что и сказать. Аргументы были вескими.

Лапидиус не останавливался:

— Жители Кирхроде успокоятся скорее, чем вы думаете. У них полно других забот. Через два-три дня ни одна душа и не вспомнит о Зеклер.

Мекель, которому очень не нравился оборот, какой принял разговор — в конце концов, это он выпустил обвиняемую из-под юрисдикции закона — нервно барабанил по столу.

— То, что говорит магистр Лапидиус, звучит разумно, — наконец изрек он, возлагая надежды на то, что можно избавиться от Зеклер и без суда и сожжения, памятуя то, что говорил Лапидиус о тяжести излечения. Хорошо бы, тогда и без костра все разрешится.

Штальманн беспрерывно сопел.

Коссак пялился на свои ногти.

Леберехта одолел тик.

— Разумно ли, нет ли, Мекель, одного не могу понять, — вступил он. — Из-за какой-то мелкой торговли устраиваем сыр-бор. Никому не известно, откуда она явилась, никто и не пожалеет о ее исчезновении. Общественное благо все-таки выше частного. Для города было бы лучше пытаться ее до тех пор, пока она не обличит себя демоницей. Или у кого-то есть сомнения, что она ведьма? — Не дожидаясь ответа, он закончил: — Сжечь ее, да и дело с концом.

Штальманн покачал головой. Он принял решение.

— Нет, не так все просто. Сами знаете, советник Леберехт, что признание, в конце концов, зависит от силы тисков. А я чувствую свою ответственность перед законом, даже если перерыв в процессе дознания и стал проблемой. Должен признать-

ся, что до того как магистр Лапидиус изложил свои аргументы, я тоже был за возобновление допросов, но теперь я иного мнения. Я так же думаю: через пару дней все слухи быльем порастут. Пусть все идет как идет. Поживем — увидим.

И прежде чем кто-либо успел возразить бургомистру, Лапидиус торопливо спросил:

— Вам известно, где сейчас находится тело?

— Нет, — Штальманн обвел взглядом остальных присутствующих. — Или кому-то известно? Тоже нет? Ну, в таком случае, магистр Лапидиус, обратитесь с этим вопросом к Крабилю.

— Благодарю вас, господин бургомистр. — Лапидиусу не терпелось завершить разговор. — Если господа позволят, я откланяюсь.

— Да, идите, — коротко кивнул Штальманн, при этом наводя блеск на свои каменья: дыша на них и протирая рукавом. — Однако я настаиваю на том, чтобы вы о любом... э... непредвиденном происшествии безотлагательно сообщали судье Мекелю.

— Разумеется, я сделаю это. — Лапидиус поклонился. — Господа... — и быстро покинул помещение суда.

Как только он вышел, Штальманн откинулся на спинку кресла.

— Знаю, советник Леберехт, что вы хотите сказать. Вы недовольны моим решением. Но уж поверьте мне, сейчас оно наилучшее. Дальнейшее покажет.

— Ну, раз вы так считаете, — Леберехт скроил недовольную мину. — А вы не спрашивали себя, с чего это господин магистр разыгрывает из себя доброго самаритянина? За этим что-то кроется. И странно, что он проявил такой интерес к труп, он же не знает эту женщину? Или все-таки знает? Может, они с ведьмой заодно? А может, он сам убийца? Одни вопросы! Но говорю вам, этот малый себе на уме. Надо последить за ним. Помяните мое слово!

— Хо-хо, Леберехт, теперь уж вас заносит! — Штальманну хотелось побыстрее закончить заседание. На это утро были назначены и другие дела, а он намеревался к обеду вернуться к родному очагу. — Вы сами и дали ответ: этот человек добрый самаритянин. — Он взглянул на подергивающееся веко Леберехта и поразился, сколько в советнике злобы.

— Вот уж нет, так нет, — продолжал настаивать плюгавый городской советник, — говорю вам, он только разыгрывает из себя «доброего самаритянина».

Служебная каморка стража порядка находилась в двух шагах от ратуши. На счастье, в это субботнее утро торговцы не заполнили площадь, поскольку был не рыночный день, и Лапидиус мог без помех прошагать по Гемсвизер-Маркт. Противоречивые чувства обуревали его. Одно было несомненно ясно: того, чтобы вылечить Фрею Зеклер, далеко не достаточно — куда важнее доказать ее невиновность.

Крабиль, широко расставив ноги, развалился за шатким столом и оживленно болтал с толстой дамой, сидевшей к Лапидиусу спиной. Перед ним были разложены хлеб и копченый угорь, лакомые кусочки, на которые он жадно налегал. Пояс на штанах он для вящего удобства развязал. Как раз сейчас он поймал, зажав ляжки, упавший кусок угля и отправил его в рот.

Лапидиус подумал о том, как легко этот прожорливый рот поставил Фрею Зеклер под подозрение в колдовстве и убийстве, и решил наплевать на церемонии.

— Я прямо с городского совета, — сказал он, намеренно прерывая беседу и не обращая внимания на время завтрака. — Где неизвестная, чье тело нашли на рыночной площади?

Начальник стражи вздрогнул. Следующий кусок угля, уже нацеленный в рот, вернулся восвояси.

— Э... Ах, это вы, магистр.

Женщина, с которой ворковал Крабиль, обернулась. Это была Аугуста Кёхлин.

— Я пойду, Крабиль, — сказала она, смерив Лапидиуса злобным взглядом.

— Да, иди. — В голосе начальника стражи слышалась интимность. Он уже оправился от испуга. Будто случайно его рука прошла по увесистому задку жены рудокопа.

— Где неизвестная с рыночной площади? — повторил свой вопрос Лапидиус.

Крабиль старался сохранить лицо.

— Ну... это... — он пытался собраться с мыслями. — Я велел доставить труп могильщику. На кладбище.

— А что-нибудь новое выяснилось о ее смерти?

— Н-нет, ничего.

— Спасибо.

Не попрощавшись, Лапидиус покинул здание вахты и отправился на кладбище.

Когда чуть погодя он оказался там, пришлось вначале как следует оглядеться. Прошло немало времени, прежде чем он нашел жалкий клочок земли для погребения бедняков. Свежий холм и равномерно взлетающая из земли лопата указали Лапидиусу, где работал могильщик. Он подошел к могиле:

— Привет тебе, добрый человек. Как тебя зовут?

Из могилы глянул вверх сморщенный человечек с головой черепашки.

— Кротт, господин.

— Хорошо, Кротт, я хотел бы узнать, где нашла последний приют мертвая с площади.

— Мертвая с площади? Дак она надясь в часовне была.

Лапидиус проследил взглядом за лапищей Кротта, указующей на каменную церквушку за рядом елей.

— Спасибо. Я бы хотел осмотреть труп.

— Не-е, господин, это не гоже.

— Почему? — Лапидиус, который уже двинулся в путь, остановился.

— То бишь непошто. Медикус уж сделал.

— Ах, вон оно что, — Лапидиус вытащил монетку и бросил ее Кротту в могилу. — И все-таки я бы осмотрел тело еще раз.

— О-о, спасибочки, господин. Будь по-вашему, господин. — Могильщик привычным жестом попробовал монету на зуб, прежде чем спрятать ее. Лапидиусу бросилось в глаза, что во рту у него и осталось-то чуть ли не два гнилых зуба.

— И совсем не обязательно рассказывать каждому, что я намерен сделать, правда, Кротт?

— Ясно дело, господин, — могильщик понимающе ухмыльнулся.

Всего в несколько широких шагов Лапидиус добрался до часовни. Навстречу ему пахнуло холодом и сыростью. К ним примешивались запахи ладана и плесени. Тело лежало на каменной плите, укрытое простым полотнищем. Позади находился небольшой алтарь, на котором виднелись латунная кропильница и две свечи. Справа и слева от Лапидиуса стояли

ветхие трухлявые скамьи. Какой-то добрый человек, наверное, Кротт, положил на грудь умершей букетик подснежников.

Лапидиус с содроганием приступил к тому, что собирался сделать, но это было необходимо. Он отложил цветки в сторону, отвернул с лица полотнище — и оцепенел.

Прямо перед его глазами зияли кровавыми дырами пищевод, трахея и множественные кровеносные сосуды — они торчали из открытой раны как обрезанные трубки. Голова была отрезана почти полностью и торчала под неестественным углом к плечам, будто какой-то анатом проводил здесь свои изыскания.

Лапидиус анатомом не был. Его чуть не вырвало. Пришлось несколько раз проглотить поднимающуюся тошноту, пока он смог приладить голову в правильное положение. Стало ясно, что причиной смерти стало перерезанное горло. Незвестная потеряла много крови. Щеки, подбородок и грудь были густо замазаны засохшей кровью — фон, на котором буквы на лбу выглядели еще мирно.

Лапидиус вытер руки покрывалом и снял его с трупа полностью. Он принялся обыскивать одежду. Когда ему попались несколько крестиков, он понял, что речь шла не о разбойном нападении.

Изверг, который сотворил такое, в деньгах не нуждался.

Лапидиус обследовал дальше. Ему стоило немалого мужества задрать юбку умершей, чтобы осмотреть наружные половые органы. Но он заставил себя. Результат соответствовал его подозрениям. Женщина была изнасилована. Следы засохшей спермы не оставляли сомнений. Потрясенный Лапидиус принялся осматривать руки, ноги и туловище. Здесь не было ничего необычного. Тут и там небольшие ссадины и синяки, которые можно заработать себе повседневно.

Руки в мозолях и трещинах — рабочие руки. Ногти обломанные и неухоженные, под них набилась грязь, однако — как Лапидиус с удивлением отметил — никаких кусочков кожи, которые обязательно должны бы присутствовать, когда женщина, царапаясь, отбивается от насильника.

С трудом он перевернул тело на живот, чтобы обследовать спину. И тут же ему бросилось в глаза нечто странное: круглые красноватые утолщения разной величины. Гематомы. Они образовывали некий рисунок, напоминавший пятерку на иг-

ральной кости. Выглядели бугры отвратительно, но не они привели к летальному исходу.

Лапидиус снова уложил женщину на спину, прикрыл ее наготу и выпрямился. В первый раз он взглянул в лицо незнакомки. Оно было умиротворенно и юно, и было красиво, невзирая на всю кровь. За приоткрытыми губами поблескивали белые зубы. Он приподнял веко и установил, что мертвая имела голубые глаза. Еще раз его взгляд проследовал ко рту, и вдруг, повинаясь какому-то внутреннему импульсу, он раздвинул челюсти трупа и сунул нос в ротовую полость. Он даже закрыл глаза, чтобы лучше сконцентрироваться, и трижды глубоко втянул в себя воздух. Наконец, он был уверен, что почувствовал вполне определенный запах — запах белены. Он привел челюсти в порядок. И внезапно по его спине побежали мурашки — он вспомнил, что в народе это растение имеет и другое название: чертов глаз.

Лапидиус стоял перед свежевырытой могилой, и его внутреннему взору предстали бранные останки умершей. Молодая женщина была убита. Ей было самое большее около двадцати. Красавица. Женщина, у которой еще вся жизнь была впереди, и, возможно, где-то кто-то ждал ее. Его охватила печаль. Скажет ли пастор хоть несколько слов над гробом? Ведь никто не знал, была ли незнакомка правоверной католичкой или уже присоединилась к новому учению доктора Мартина Лютера. Некоторые священники не давали благословения, если человек молился неправильно. Лапидиус, который категорически воздерживался от всяких споров по поводу веры, мог лишь надеяться, что у здешнего пастора доброе сердце. Пусть даже в этом случае речь шла о погребении неимущей, и не было родственников, которые могли бы сунуть пастору талер-другой за труды.

Лапидиус обратился к могильщику, который чуть поодаль очищал от земли лопату:

— Скажи-ка, Кротт, а ты был здесь, когда привезли мертвую?

Кротт учтиво выступил на шаг вперед:

— А как ж, господин, как расть был туточки, я ее и сvez.

— Ага. — Лапидиус постарался представить себе ситуацию. — Ты привез на той повозке, под которой ее утром на-шел... э как его?

— Хольм, господин. Старина Хольм на ё и наткнулся.

— Хольм, да. Начальник стражи называл это имя. Так что, это была та повозка, под которой Хольм ее нашел?

— Не-е, господин, моя была телега-ат. А друга, так той Зек-лер. Аль не ведали?

Лапидиус насторожился, но постарался не подать виду. Итак, повозка, под которой обнаружилось тело, принадлежала Фрее.

Почему Крабиль ему об этом не сказал? А ведь он, Лапидиус, еще недавно расспрашивал его, нет ли чего нового по делу!

— И где теперь та повозка?

— Почем мне знать. Мож, ише тама.

— Ну, хорошо. — Лапидиусу пришла в голову другая мысль. — А *rigor mortis** уже вступил в действие, когда ты поднимал тело на телегу?

— Чё? Ри... не-е, господин, — Кротт глянул со смущением и любопытством, — ничё такова не было.

— Ясно, — Лапидиус выругал себя за непонятное выражение. — А труп уже начал коченеть?

— Ише как, господин. Она была прям как доска, коды подымал. Дак ничё, управился. Токо вот с головой была беда, то-го гляди отпадет.

— Да, женщина была убита.

— Угу, господин, — Кротт боязливо покивал.

— А ты знаешь, кто это мог сделать?

— Не-е, господин, хошь побожусь, не-е.

— Спасибо. — Другого ответа Лапидиус и не ожидал. — Ты мне очень помог.

— Дак чё не подмогнуть, господин, дай вам Бог!

Лапидиус, не теряя времени, направился в сторону Гемсви-зер-Маркт. Бургомистр Штальманн, помнится, сказал, что в городе волнения, чуть ли не беспорядки, но ничего такого Лапидиус не заметил. Разве что торчащие кое-где у домов ба-бы при виде его начинали шушукаться и указывать пальцем, а в остальном все было как всегда.

Крабия в помещении вахты не было. Ладно, потрясет на-чальника стражи в следующий раз. Он охватил взглядом пло-

* *Rigor mortis* (лат.) — трупное окоченение.

шадь. Там, шагах в тридцати у каменной постройки, стоял прежде фургончик Фреи. Теперь его на месте не было.

Лапидиус поспешил к этому месту и осмотрел его. Ему в глаза бросились черные пятна в щелях между брусчаткой. Без сомнения, просочившаяся кровь. Здесь лежал труп. Он разогнулся и обследовал мостовую поблизости. На отдалении в пару футов обнаружилось еще пятно, за ним — третье. След вел к Шелленгассе. И, вероятно, дальше, за городскую стену. Вывод следовал только один: труп привезли из-за города на повозке Фреи Зеклер, скорее всего ночью, и оставили ее на рыночной площади, а труп бросили под телегу. Но зачем? Может быть, злоумышленники хотели его спрятать, но кто-то им помешал? А может быть, совсем наоборот, чтобы его нашли?

Лапидиус оставил свои домыслы. Это не имело смысла. Но уже через пару секунд мысли начали новый кругооборот. Где сейчас повозка? Может, ее потом отогнал тот, кто привез труп? А может, городские власти прибрали в надежное место?

Ломая себе голову над неразрешимыми вопросами, Лапидиус направил стопы в сторону Бёттгергассе. Кто мог быть таким безжалостным убийцей? Или их было несколько? Ему на ум пришли виденные гематомы, и он попытался себе объяснить их происхождение. Кровоподтеки, это знает всякий, появляются от сильного надавливания или удара. Здесь, скорее всего, первое, потому что на коже повреждений нет. Что могло с такой силой впиться в тело неизвестной? Когда над ней насильничали, возможно, прижали к земле. Да, возможно. Но что это за земля такая, на которой торчат такие выступы? И в таком порядке расположения? Лапидиус понял, что и в этом направлении он далеко не продвинется.

Смертельная рана. Что у нас с этим разрезом, повлекшим за собой смерть? Когда он был нанесен, до или после изнасилования? Наверняка после, чтобы обесчещенная не могла потом рассказать. Хотя... может, и до. Лапидиус уже не раз слышал о мужчинах, для которых высшим удовольствием было сношение с трупом. Так до или после? И здесь тупик.

А что с беленой? Возможно, она была компонентом дурманящего напитка, который лишал жертву воли? Лапидиус дал отбой. Идея была слишком умозрительной.

Во всяком случае, сказал он себе, это смерть с одной-единственной ярко выраженной отличительной чертой: буквы «F»

и «S», вырезанные на лбу. Кто-то хотел подставить Фрею Зеклер — в этом он был уверен. То, что труп привезли на ее фургончике, еще больше укрепляло его предположение. Да, кто-то желал ее устранить, целенаправленно и коварно. Точно так же, как ранее пытался оклеветать перед судом.

Но вот кто этот «кто-то»?

Аугуста Кёхлин и Мария Друсвайлер обвинили Фрею в колдовстве и при этом ввали без зазрения совести. Может, они убийцы? Ведь это они купили у Фреи белену, а от трупа исходил этот запах... запах «чертова глаза»... Нет, это абсурд. Женщины не насилуют женщин. И у них нет спермы. То есть должен быть мужчина.

Дойдя до этого пункта, Лапидиус испытал удовлетворение: по крайней мере, теперь ясно, что свидетельницы были связаны с убийцей. С одним или несколькими. Которые держались в тени. Изверги. Мясники. Нелюдь, которую следовало найти. Но чувство удовлетворения быстро уступило место разочарованию, поскольку он вынужден был признать, что со своими изысканиями не продвинулся ни на йоту.

Пока не продвинулся.

— Чё будете кушать, хозяин? — спросила Марта, едва он переступил порог.

Лапидиус очнулся от своих мыслей.

Он не заметил, как добрался до дому.

ШЕСТОЙ ДЕНЬ ЛЕЧЕНИЯ

Лапидиус храпел в своем любимом кресле.

В кресле он провел всю ночь, заснув, как и в предыдущий вечер, за работой. А до того он занимался Великим Трудом. Прodelал целый ряд дополнительных алхимических опытов, для которых не требовался маленький алаmbик. И все-таки дело продвигалось худо. Снова и снова он мысленно возвращался к убитой, и его мучил вопрос, кто же мог такое совершить. Наконец, около полуночи веки смежились сами собой.

— Хозяин, уже день на дворе, — в дверях стояла Марта, натирая серебряный подсвечник. — Не пора ль подыматься-та?

Лапидиус храпнул еще разок, задвигал губами, пыхнул и, моргая, открыл глаза.

— Боже милостивый, уже совсем светло!

— Ну, а я чё! У меня грибы да сало шкворкают на сковородке. Как вы покушать?

— Очень хорошо, — Лапидиус медленно приходил в себя. — Грибы и сало... хорошо, очень хорошо. Э... погоди-ка, Марта, пока не неси. Сначала умоюсь.

— Как скажете.

Чуть погода Лапидиус восседал за своим лабораторным столом и лакомился. Грибы Марта собрала прошлой осенью собственноручно, засушила и убрала на холод. А теперь, размочив, поджарила их на нутряном сале, щедро сдобрив перцем. Здесь были моховики, рядовки и лисички — настоящее пиршество!

День обещал быть погожим. Из окон падали солнечные лучи, многократно отражаясь в алхимической посуде. Весенний воздух перебивал запах серы и металлов.

— Марта!

— Да, хозяин? Как оно, скусно? Можа, щё чуток? Али хлеба с маслицам?

— Нет, спасибо, я сыт. — Лапидиус, втихую срыгнув, отодвинул тарелку и окунул напоследок кусок хлеба в пиво. — Как дела у Фрей? Втирать мазь пока не надо?

— Не, хозяин, не нада.

— Ключ у тебя?

— Не, хозяин, в стене, щас подам, — она вытащила ключ из-за кирпича. — Фрея щё дует в две дырки. Я вчера дала ей транки... транкилку.

— Ты имеешь в виду транквилизатор, который я иногда изготавливаю?

— Ага.

— Боже правый! А меня спросить не могла?! — Лапидиус взвился со стула. — Сколько ты ей дала? Надеюсь, не всю мензурку?

— Не, хозяин, не пужайся, как вы, бывает, берете.

Тем не менее крайне озабоченный Лапидиус помчался по лестнице на верхний этаж, едва не заплетаясь своими длинными ногами. Он заглянул в окошечко и увидел бездыханно лежащую пациентку.

— Фрея, Фрея! — он поспешно отворил дверцу и потряс ее за плечи. Тело девушки безвольно поддавалось. — Фрея, слышишь меня?

Прошла целая вечность, прежде чем она шевельнулась.

— Слава тебе Господи! — Он был так рад, что сразу забыл о том, что собирался отругать Марту за легкомысленный поступок. — Фрея!

— Я... я...

— Как ты себя чувствуешь?

— Плохо. Противно до тошноты, — вялым движением она потерла глаза.

Лапидиус поскакал вниз, принес полкружки колодезной воды и поднес кружку к ее спекшимся губам. Потом взял за руку, чтобы прощупать пульс. Пульс был слабым, но ровным. Его тревога немного улеглась. Похоже, Марта не переборщила с транквилизатором. Он принялся осматривать высыпания.

— Знаю, что у тебя сильно болит голова, череп будто раскалывается. А конечности ломит, словно тебя колесуют. Но посмотри: струпья на гнойниках уже частично отвалились, а под ними снова здоровая кожа. Это хороший знак.

Лапидиус вовсе так не думал, поскольку сыпь — лишь один из симптомов сифилиса, и заживление кожи было ничто по сравнению с общим улучшением. Однако он хотел вселить в нее мужество.

— И ногти на больших пальцах уже много лучше. У тебя сильный организм.

— Какой сегодня день?

— Воскресенье. Слышишь звон колоколов? Начинается служба в церкви Святого Габриеля.

Фрея посмотрела на него, и сегодняшним утром ее глаза снова были цвета морской волны. В его душе что-то ёкнуло.

— Э... да. Утренняя служба. Я редко туда хожу, знаешь ли, честно сказать, никогда.

Это было правдой, а причиной было то, что его острый ум никак не желал принять противоречия в церковном учении.

— Только воскресенье? — слабо пролепетала она.

— Что значит «только»? Ты выдержала почти неделю. Осталось всего две.

— У меня во рту все болит, будто там натерли теркой. Все сплошная водянистая рана.

— Правда? Это замечательно! Поверь, то, что ты чувствуешь, — доказательство, что наша терапия действует. И повышенное слюноотделение тому подтверждение. Значит, ртутные втирания работают. Мазь и должна иметь такие свойства, чтобы дурные соки сами отходили из самых дальних уголков тела. Часть соков, пораженных дискразией, течет в мозг, однако основная масса собирается во рту и выходит со слюной. Поэтому я рад за тебя.

— Вам хорошо говорить, вы-то здоровы.

— Да, но я с радостью помогаю тебе.

— Вы уже много раз говорили это. А все-таки почему вы это делаете?

Лапидиус, который никогда не расставался со своей шелковой шапочкой, даже ночью, решил на этот раз сделать исключение. Он медленно наклонил голову и снял ее.

У Фрея округлились глаза:

— Вы... вы же совсем лысый. Как кочан капусты.

Лапидиус тихонько засмеялся.

— Так вы... вы тоже?..

— Да, — кивнул он. — Я тоже когда-то переболел сифилисом. Девять лет назад это было, в Северной Испании. Болезнь обнаружилась у меня в городе под названием Леон, а я был так беден и так слаб. Беднейший и слабейший из всех живущих на свете. И появился некто, кто мне помог. Его звали Конрадус Магнус, он был *doctorus universalis*, искушенный в искусстве алхимии. Он взял меня к себе и заботился обо мне, будто о своем сыне. Три недели я лежал влежку и претерпевал ад на земле. Но я поднялся и снова стал здоров. Мое сердце было полно благодарности, и я спросил Конрадуса, как мне отблагодарить его. И он ответил, что если выпадет случай, я должен действовать так же, как он. И больше ничего. — Лапидиус снова надел шапочку и аккуратно расправил ее. — И, как видишь, я выполняю его наказ. И делаю это с радостью.

— Хм. Если вы выкарабкались, я тоже смогу.

Лапидиус опять тихонько засмеялся. Она реагировала, как он и ожидал. Он закрыл дверцу на замок и побыстрее заговорил снова, пока Фрея не успела запротестовать:

— Сифилис — это болезнь, от которой необязательно умирают. Конечно, в первые годы ее появления она косила людей тысячами, поскольку наука еще не нашла против нее действенных средств. Но потом все изменилось, когда обнаружили лечебные свойства ртути. Но человек должен бороться, чтобы победить.

Лапидиус отдавал себе отчет, что его выкладки только отчасти соответствуют действительности, потому что было бесчисленное множество больных, которые боролись и проиграли, но об этом он предпочел умолчать. По его подсчетам, лишь четверо из десяти выживали до конца курса лечения, а из тех в лучшем случае один вылечивался полностью. То, что он сам оказался одним из них, было чудом, и того же он от всей души желал своей пациентке.

— Я не хочу терять волосы.

— Однако ты их потеряешь. — По собственному опыту он знал, что не стоит приукрашивать положение дел. — Но потом они отрастают у большинства пациентов. Только в тех редких

случаях, как мой, этого не происходит. Впрочем, считай за счастье, если при лечении выпадут только волосы.

— Как это?

Лапидиус покусал губы. Фрея, конечно, была девушкой сильной, но все-таки лучше ей всего не знать.

Спустя какое-то время, когда он уже думал, что ее снова сморило, она сказала:

— Смешное название «сифилис». Я знаю только «французская болезнь».

Это прозвучало не слишком любознательно, однако Лапидиус понял это как приглашение к разговору. Может, и лучше немного рассказать ей об этом — все-таки отвлечет от боли.

— Один итальянский врач по имени Фракасторо* семнадцать лет назад описал симптомы «французской болезни» в поэме под заголовком «*Syphilidis, sive morbigallici libri III*»**. С тех пор название «сифилис» получает все большее распространение.

— Поэма о болезни? Никогда такого не слышала.

— Это учебный стих. Некоторые медики выбирают такую форму для публикации. Это тысяча триста сорок шесть строк гекзаметром.

Лапидиус с удовольствием бы углубился в подробности жизни Фракасторо и его творения, детально остановился на изложенных в стихотворной форме знаниях, а также о лечебных методах с применением гваякового дерева, поведал бы о поразительных тезисах доктора Парацельса, но тут заметил, что для Фреи это будет слишком утомительно. Вместо всего этого он осторожно сказал:

— Послушай, Фрея, на Гемсвизер-Маркт нашли мертвую женщину. Никто ее не знает. Может, тебе знакомо ее имя, ты ведь по разным землям колесишь со своей повозкой.

Фрея молчала, но в ее глазах зажегся интерес.

— Женщина молода и такая же светловолосая, как ты, только немного выше. Она хорошенькая, и у нее еще все зубы целы.

— Хм.

*Фракасторо (Fracastoro) Джироламо (1478–1553) — итальянский ученый; в основном трактате «О контагии, о контагиозных болезнях и лечении» изложил учение об инфекции и путях ее передачи, заложив первые основы клиники инфекционных болезней и эпидемиологии.

** «Сифилис, или галльская болезнь, книга III».

Лапидиус подумал о буквах, вырезанных у нее на лбу, и о том, что ее нашли под повозкой Фрея, но об этом он предпочел не распространяться. Эти детали только излишне встревожат его пациентку.

— У нее голубые глаза и милое личико.

— Хм, — снова отозвалась Фрея. — Знаю одну такую, похожую на вашу. Она корзинщица.

— Корзинщица?

— Ну да. Может, это она.

У Лапидиуса заскребло в подреберье. Он снова словно вочию увидел убиенную лежащей в часовне. У той были натруженные руки с обломанными ногтями. Трещины на руках тоже подходили к такому промыслу.

— Как ее зовут? Кто она и откуда?

— Не знаю. Я только видела ее. Можно мне воды?

— Нет, — ответ прозвучал слишком сурово.

— Почему?

— Из-за лечения, я тебе уже говорил. Пациент должен получать столько воды, сколько выходит с потом обратно. Так ты не знаешь ее имени?

— Хочу пить.

— Нет.

— Тогда тоже нет!

Фрея вызывающе глянула на него через окошечко своей камеры. Он уже хорошо усвоил, что дальнейшие попытки разговаривать ее ни к чему не приведут. Ничего другого не оставалось, как уйти. Лапидиус вздохнул:

— Ну что ж, я тебе верю, что ты не знаешь имени женщины. Жаль.

В лаборатории он застал Марту за работой. Она, повернувшись к нему спиной и весело напевая себе под нос, усердно стирала пыль. Лапидиус остановился. В его голове зароились мысли. Если та девушка и впрямь была корзинщицей, то не из Кирхроде, иначе на площади ее бы сразу опознали. Это понятное дело. Следовательно, она была из другой местности. Но из какой? Кто мог это знать? По логике вещей, кто-то, кто живет не в городе. И скорее всего, тот, кто занимается тем же промыслом. Да, это вполне возможно.

— Ты знаешь какую-нибудь корзинщицу не из Кирхроде? — громко спросил он.

— Оооой! Пресвятая-мадонна-вместе-со-всеми-святыми! Как вы меня напугали! — Марта подпрыгнула на месте и прижала полные руки к пышной груди. — Чё тако, хозяин?

— Извини, — Лапидиус повторил вопрос.

И, к его удивлению, Марта тут же ответила:

— Плетет корзины и не из Кирхроде? Дак как жа, хозяин, а Кривая Юлия?

— Кривая Юлия?

— Ну да, хозяин. У ней на Цирбельхё домишко, у Энсбахского лога. Мили три в горы. А чё дак, хозяин?

— Да так, ничего. — Лапидиус плюхнулся в любимое кресло, взял в руки перочинный ножичек и поигрывал им, пока служанка делала свою работу. — Марта, к обеду меня не жди. Может, я вообще вернусь только к ночи. Присмотри за атанором, огонь не должен гаснуть. И потом поднимись к Фрее, да только не давай ей снотворного, лишь глоток колодезной воды. Вот ключ, на всякий случай. А теперь иди.

— Дак как жа энто, хозяин! Я щё не убралась, да и покушать вам...

— Оставь, Марта.

— А я б вам хлеба с маслицам с собой-та...

— Нет, оставь меня.

Марта спешно исчезла, а Лапидиус, не теряя больше времени, принялся переодеваться. Он выбрал простое платье, какое носят путешественники: старые саржевые штаны и многократно залатанную рубаху; поверх накинуд затертый до белесых пятен кожаный камзол. Эту одежду он носил, бродя по дорогам Испании. И, несмотря на ее изношенность, был к ней очень привязан.

Он решил навестить Кривую Юлию.

Лапидиус обливался потом. Упорно, шаг за шагом, он подымался в гору. Городская стража у восточных ворот показала ему, как лучше добраться до Цирбельхё, и поначалу он в хорошем темпе продвигался вперед. Однако апрельский день выдался необычайно теплым, и солнце стояло почти в зените. Чем выше он поднимался, тем более вынужден был себе признаться, что он плохой скалолаз.

Пройдя хороший отрезок пути — дома в Кирхроде лежали внизу, как кукольные домики, — он смекнул, как срезать и на-

прямик пройти по дороге, которая вела через ельник к вершине Цирбельхё. Там наверху высился один лишь гигантский бук, приветливо покачивая кроной. Лапидиус решил не ходить окольными путями, чтобы сэкономить силы и время. Бук служил хорошим ориентиром.

Чуть погода он понял, что совершил ошибку, потому что тропа потерялась, а ели обступили его, как вражеское войско, закрывая обзор.

Лапидиус остановился и вытер пот со лба. Сердце колотилось, а он пытался привести в порядок мысли. Ладно, он заблудился, но теперь надо просто идти в гору, чтобы добраться до вершины. Нет, так дело не пойдет. Земля под ним не всегда имела уклон, а на том месте, где он стоял, вообще была ровной. Когда он сворачивал, Цирбельхё виднелся на востоке, пришло ему на память, так что следует шагать в этом направлении — и он у цели. Но где восток? Когда-то он слышал, что муравьи складывают свои яйца на южной стороне муравейника и что лишайник на стволах деревьев указывает на север. Однако под сенью леса не было видно ни муравейников, ни лишайника.

Поляна! Если он просто пойдет дальше, должен когда-нибудь наткнуться на поляну. А там и сориентируется. В бодром настроении Лапидиус зашагал дальше, но ноги начали ныть, а время уходило. Постепенно он потерял счет времени, по его представлению, прошли уже часы. Может, он ходит по кругу? Деревья все выглядят одинаково, и почва под ногами все та же: бурая, пружинистая, покрытая иголками. И все еще ни одной поляны!

— На помощь! — закричал он. — На помощь! Ау, кто-нибудь отзовись!

Он двинулся дальше. От напряжения он все больше дышал ртом, и во рту пересохло. Его начала мучить жажда. Сейчас бы кружку студеной колодезной воды! На ум пришла Фрея. Как только она может терпеть без питья! Кружкой больше, кружкой меньше — разве это помеха лечению?

— На помощь! — крикнул он снова. — Ау-у! На-а по-о-о-мощь!

Какой-то шорох заставил его насторожиться. Ветви раздвинулись и уступили место мужичку, который стоял, покачиваясь. Это был старик с всклоченной бородой и гноящимися

глазками. В правой руке он держал большую кружку, и та, не смотря на его раскачивания, каким-то образом сохраняла вертикальное положение, что свидетельствовало о многолетней практике. Левая рука пришельца лежала на детородном члене — видно, он только что помочился. Осоловелым взглядом пропойцы старик уставился на Лапидиуса.

— Ты... чё орешь... пр... прятель? Пт... птерялся?

Лапидиуса раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, он был рад наконец-то увидеть человеческое существо. С другой — не привыкший к такому панибратскому отношению, он попятился. Потом его осенило: он же в таком облачении, что пьяница принял его за своего. Ну, может, это и к лучшему.

— Меня зовут Лапидиус, — начал он. — Я заблудился.

— А я... стр... стрина Хольм, — старика снова качнуло, как тростинку на ветру, но кружка не дрогнула.

— Хольм? — Что-то копошилось в его памяти. И вот осенило: — Это ведь ты нашел мертвую на Гемсвизер-Маркт?

— Т-так... прятель. Тк... ткой был ужас, ик, дьсих пор стьит пред глазами. Пш... пшли.

Старик исчез за кустами, и Лапидиус поспешил за ним. Вскоре Хольм остановился перед убогим домишкой и сообщил, полный гордости:

— М-мой дом.

Лапидиус поскорее отвернулся, чтобы запах перегара не попал ему в лицо.

— Э... хороший дом.

Старик плюхнулся на поваленное дерево и сделал приглашающий жест. Когда Лапидиус присел рядом, он протянул ему кружку:

— Хошь глотнуть, пр... прятель?

— Нет, спасибо. Мне бы лучше воды.

— Во-оды?.. Пф-ф... Воды у меня нет, ик.

Хольм пожал плечами, хлебнул сам от души и без перехода повалился на бок, все так же победно сжимая посудину, как трофей.

Лапидиус изумился. Такого потешного человека он еще в жизни не встречал, а он много постранствовал по свету. Хольм захрапел так, что и мертвого поднимешь. При этом принял такое положение, в котором могут спать только пья-

ные в дым: полусидя-полулежа, туловище боком лежит на бревне, а ноги под прямым углом опущены вниз, ровнехонько друг к другу.

Лапидиус поднялся и не без труда вынул из цепких пальцев старика кружку. А потом попытался вытащить и его самого из страны грез. Что только он не делал — все напрасно! Хольм спал как убитый. Лапидиус пришел к выводу, что ему ничего другого не остается, как только обождать. Он вошел в лачугу. И внутри его взору предстали грязь и запустение. Пахло потом и мочой. Сморщив нос, Лапидиус собрался тут же выйти, однако, в надежде найти где-нибудь воды, остановился. Он обвел взглядом жилище: соломенный тюфяк, дырявый и грязный, и определенно усыпанный блохами; перед ним ящик, служащий столом, на нем огарок свечи да кремень и кресало. На стене висит пара одежонок, рядом проволочные силки на мелкую живность. В углу опрокинутая лохань. Лапидиус поднял ее, но не нашел и капли воды. Разочарованный, он продолжил поиски. На другом месте обнаружили зола и угли — должно быть, очаг.

Пришлось несолоно хлебавши выйти наружу. Жажда томила его. Больше он не мог терпеть, надо что-нибудь выпить, хоть бы и пива. Он поднял с земли кружку и отпил глоточек. Вкус был густой и терпкий. Жидкость благостно булькнула в горле, прокатилась по пищеводу и согрела желудок. Бывало, пил и похуже, подумал Лапидиус.

Он хлебнул еще. Блаженство усилилось. Он сел подле старика и вытянул гудящие ноги. Голова склонилась на грудь, и на несколько мгновений он провалился в сон. Потом вскинулся, поморгал, чтобы не задремать снова, но усталость оказалась сильнее его. Опять голова упала на грудь, но на этот раз там и осталась.

Когда Лапидиус проснулся, то не сразу понял, сколько проспал. По опыту долгих ночей за лабораторным столом, могло быть часа два. Хольм возле него все еще храпел. Правда, тише и без того напряжения. Лапидиус встал, взял кружку и опрокинул остатки. Потом безжалостно потряс старика за плечи.

— Угу-угу, ик, хто ты, чртпдери?.. Что тты ттут...

Лапидиус украдкой вздохнул. Похоже, Хольм не только проснулся, но и малость протрезвел. Пришлось представлять-ся заново и объяснять, что они уже знакомы.

— Хтак, Лапидиус, ик, значит, — старик посмотрел на свою правую руку, где должна была быть кружка. — Бог мой, не может быть! Сдохну от жажды!

Больше не обращая на Лапидиуса внимания, он вскочил, скользнул в свою берлогу, вылетел с лоханью и исчез в лесу. Лапидиус, разумно предположив, что он пошел за водой, приготовился ждать и тем более был приятно удивлен, когда Хольм чуть не сразу появился снова.

— Родниковая, — пояснил он. — Ничего нет лучше с похмелья. — Старик огляделся и заметил кружку. — Опять, ик, все выдул, — с сожалением удостоверился он, заглянув на дношко. — Ну ничё, все равно больше не хочу, каждый раз даю себе слово.

Он плеснул из лохани воды — Лапидиусу этот звук обласкал слух — и великодушно протянул кружку:

— Угощайсь, ты мой гость.

Гость не спеша отпил большой глоток, закрыв от удовольствия глаза. Вода была прозрачная и ледяная. Он чувствовал, как с этим глотком к нему возвращается жизнь, и решил впредь не ограничивать с такой строгостью суточный рацион Фрей, пусть даже она обмочится.

— Спасибо, хорошо! — он вернул кружку Хольму. — Скажи-ка, Хольм, не знаешь ли ты Кривую Юлию?

— Ище б не знать! До нее тут всего-то с сотню шагов.

И прежде чем хлебнуть водицы, он махнул рукой в непонятном направлении. Пил он долго и со вкусом, булькая и причмокивая, вода струйками стекала по его подбородку.

Лапидиусу показалось, что он ослышался. Если то, что сказал Хольм, было верно, то он находился прямо у цели. А он-то боялся, что топать еще не одну милю! Да, видно, он и вправду ходил по кругу.

— Так ты ее знаешь?

— Юлию? Ну, знать-то знаю, да дорожки наши расходятся, ежели понимаешь, о чем я. Она терпеть не может выпивох. — Старик хихикнул, рыгнул и вытер рукавом подбородок. — А что?

— Да так, ничего такого. Просто надо с ней поговорить.

— Ах вон оно что. Ну, да меня не касается.

— А не можешь подсказать, как к ней пройти?

— Уж раз ничего такого...

Хольм объяснил Лапидиусу дорогу и сделал это с небывалой точностью. Лапидиус переспрашивал несколько раз, и столько же раз старик давал одни и те же ответы. Должно быть, он великолепно ориентировался в лесу. Наконец, Лапидиус обрел уверенность, что больше не заблудится. Он поднялся:

— Спасибо за воду.

Хольм только махнул и отхлебнул еще глоток. Лапидиус уже собрался было идти, как вдруг ему пришло в голову еще кое-что:

— Скажи-ка, Хольм, а ты знаешь Кёхлин и Друсвайлер из Кирхроде?

— Да кто их не знает. Недавно попадались на глаза.

— Да ну! И где это было, в городе?

— Не-е, здесь. К югу от Энсбахского лога, наверху, на Оттенберге.

Лапидиус опешил. То, что старик встретил обеих женщин в лесу, было в высшей степени удивительно.

— А ты с ними говорил? Они сказали, чего искали в горах?

— Не-е. Сразу удрал, как увидел. Болотные кряквы! Больно злы на язык. Не-е, как увидел, дак давай уносить ноги.

Лапидиус попытался представить себе окрестности.

— Оттенберг ведь лежит напротив Цирбельхё?

— Угу, точно, токо ельника там нету. Да и повыше Оттенберг будет, много выше.

— И когда ты их видел?

— Когда? Уй, ну и вопросыки у тебя! Да недель с пару как.

— Когда? Две недели назад?

— Ик, ну да. — Старик задумался. — Недели две... али четыре? А можа, пять.

— Точнее не помнишь?

— Не, пръятель. А оно те важно?

— Нет-нет, — Лапидиус сообразил, что ощущение времени Хольм давно пропил. Дальше расспрашивать было бессмысленно. — Спасибо за все, и хорошего тебе дня.

Лапидиус размашистым шагом покинул поляну. Перед тем как снова нырнуть в чащу, он еще раз оглянулся. Старик по-прежнему сидел на бревнышке, держа кружку с водой в руке. Взгляд его был рассеян, он все пожимал плечами, словно разговаривал сам с собой. Лапидиус понял: Хольмс страдает по пиву.

— Эй, есть здесь кто? Отзовись!

Вопреки ожиданию, дорогу на Цирбельхё Лапидиус нашел без проблем. И вот он стоит в дверях основательного рубленого дома и пытается разглядеть что-нибудь внутри. Но на глаза ему попадаются одни лишь корзины.

— Заходи! — между двумя громадными коробами для сбора плодов показалась женщина, чей голос он услышал.

Корзины были больше ее, на одном боку у них далеко за края торчали по два толстых прута. В глаза бросалось сразу, что изделия были делом рук искусного мастера, ровного плетения, ладные. Перед ними виднелись и другие, меньших размеров, но так же мастерски сплетенные. Уложенные аккуратными стопками, здесь были корзины для домашней птицы, для рыбы, зерна и много чего еще. Все они резко контрастировали с увечным телом женщины, чье туловище было так согнуто, словно ее пробила боль в пояснице.

— Я Юлия, — сказала она вместо приветствия, — Кривая Юлия, как кличут люди. Что стоишь, проходи!

— Лапидиус, — представился он, не без труда прокладывая себе дорогу. Кривая Юлия оказалась моложе, чем он ожидал. Никакая не старуха, хоть невысока ростом, скрючена и с клюкой. Лапидиус прикинул, что она примерно его возраста.

Женщина отодвинула в сторону широкую скамью с плетельным инструментом, среди которого были шила, ножницы и другие железяки. Она указала клюкой на скамеечку рядом:

— Садись, работа может и подождать, — сама она опустилась в плетеное кресло-качалку. — Что привело тебя ко мне?

Лапидиус пораскинул мозгами. Сразу выкладывать свою просьбу было бы не слишком разумно, поэтому он сказал:

— Ты делаешь великолепные вещи. Я еще никогда не видел столько разных корзин.

— Да уж наверно, — по лицу Юлии пробежала улыбка, а умные глаза цепко рассматривали его. — Плетение моя страсть. Кроме него у меня ничего нет. Ни мужа, ни детей. Всю свою жизнь я только и делаю, что плету. — Она принялась покачиваться в кресле.

— Замечательно, когда человек так мастерски владеет своим ремеслом.

Лапидиус подумал о своем деле и о том, что сам он не всегда на высоте. Как все алхимики, он работал над Великим Тру-

дом и искусством трансмутации неблагородных металлов в золото. Однако для этого необходим философский камень, а его-то у него и нет. Пока нет. По теории, в процессе амальгирования должен быть получен *lapis mineralibus*, надо только верить, что в результате экспериментов ртуть в конце концов превратится в философский камень, или «красный лев», как его называют посвященные. А он, в свою очередь, увеличит меру извлекаемого золота.

— Поверь, — прервала его размышления Кривая Юлия, — я бы с радостью отдала свое мастерство за здоровье. Так чего тебе надо?

Лапидиус машинально взял со скамьи ивовый прут и принялся поигрывать им.

— Одну молодую женщину убили, — приступил он к главному. — Никто не знает ее имени. Мне известно только, что она была корзинщицей.

— Корзинщица? — Кресло закачалось сильнее. — Убили, говоришь? И что? Ты-то здесь при чем?

— Ну, — Лапидиус понял, что у него нет другого выбора, как только сказать чистую правду. В конце концов, если он чего-то хотел от Юлии, то она имела право на откровенность. — Ты умеешь молчать?

И снова умные глаза смирили его с ног до головы.

— Если сочту нужным, как могила.

Он принял это за обещание и поведал все, от начала до конца, ничего не прибавляя и ничего не утаивая. И пока говорил, чувствовал, как облегчается душа — до сих пор не было никого, с кем бы он мог поделиться. Вся история ему самому показалась невероятной, он снова и снова спрашивал себя, правильно ли сделал, что влез во все это.

Он закончил, Кривая Юлия поднялась и наполнила ему кружку сидра. Поставив ее на скамейку, она сказала:

— Выпей вначале. Не каждый бы поступил так, как вы, господин. Вот вы восхищались моей работой, а теперь я удивляюсь вашему мужеству. Да, я тоже думаю, что за Кёхлин и Друсвайлер кто-то стоит. Какой-то хитрый и опасный убийца. Но Бог мне свидетель, я понятия не имею, кто бы это мог быть. Во всяком случае, не старый Хольм, тот всегда беспробудно пьян.

Лапидиус согласно кивнул. Глотнув сидра, он снова взял в руки ивовую лозу.

— Жаль, что не знаешь умершую. Я-то надеялся, что тебе хоть имя ее знакомо, все-таки занимаетесь вы одним ремеслом.

— А кто сказал, что не знаю?

— Что ты этим хочешь сказать? — Лапидиус, собиравшийся согнуть прут, застыл.

— А то, что, по-моему, знаю, как звали убитую. Гунда. Гунда Лёбезам. По вашему описанию точь-в-точь она. Раньше она ездила с отцом по городам и весям и продавала товар. Особой-то ловкости в плетении у нее никогда не было, поэтому она и брала мои корзины на продажу. Три-четыре раза в год она поднималась по трудной тропе на Оттенберг и рассчитывалась со мной. По возможности, привозила мне свежие ивовые пруты, лещину, березовую хворостину. В общем, все, что надо, да самой мне не добраться. С год назад умер ее отец, с тех пор я ее и не видела.

— Гунда Лёбезам? — Лапидиус с трудом выговорил имя. — Может, это и вправду та, что была убита по дороге на Кирхроде?

— Вряд ли, — возразила Кривая Юлия. — Гунда терпеть не могла город. Ее там не один раз обкрадывали, поэтому она и продавала товар только по деревням, крестьянам.

— Значит, она и была убита за городом. Возможно, в этих горах.

Кресло резко остановилось.

— Страшное предположение! — На мгновение черты корзинщицы исказил испуг. Но потом она снова начала раскачиваться. — Мне-то что беспокоиться. Я не так молода, не так уж красива, а за пару корзин еще никого не прикончили.

— Надеюсь, ты права, — задумчиво сказал Лапидиус. — Возможно, имя «Гунда Лёбезам» продвинет меня в расследовании. На сегодня все. Может, еще увидимся. А пока прощай.

— Спасибо, господин. Мне тоже было приятно с вами поговорить. Только боюсь, мало вам помогла. Идите по дороге мимо большого бука и тогда не заблудитесь. Еще до темноты будете в городе.

— Спасибо и до свидания.

— До свидания, господин.

Лапидиус двинулся по растоптанной тропе вниз к городу, ни разу не заплутал и меньше чем через час уже был дома.

Он и подумать не мог, что пара глаз не упускала его из виду.

Когда он вошел в кухню, Марта кемарила у плиты. Отблеск пламени в очаге придавал ее розовым щекам багряный румянец. Должно быть, она заснула, нарезаая хлеб, потому что все еще, как младенца, прижимала к груди ковригу. На столе лежали нарезанные толстые ломти. Добрая душа! Обычно в это время она уже была у матери, а сегодня ждала его. И, наверное, беспокоилась.

— Эй, Марта, ты волновалась? — шепотом спросил Лапидиус.

Тем временем его взгляд пробежал по столу и обнаружил другие вкусности, от которых у него потекли слюнки: кусок золотистого масла, окорок, козий сыр и крут кровавой колбасы.

Марта не пошевелилась.

Он решил, что нечего ее будить, сел за стол и принялся уплетать.

Перед его взором снова крутился весь прошедший день. Он познакомился с двумя людьми, отличавшимися друг от друга, как небо от земли: старым Хольмом и Кривой Юлией. Каждый был на свой лад отшельником. Могли ли они иметь какое-нибудь отношение к убийству? Нет, и вообразить себе невероятно. Хольм последнюю рубашку пропьет за кружку пива, но убить за нее не может. По крайней мере, не корзинщицу, у которой ни пива, ни денег. А Юлия? Конечно, она могла бы устранить конкурентку, однако уже из-за одного ее увечья это было невозможно.

Лапидиус сунул в рот кусок колбасы и огляделся, ища чего-нибудь попить. Когда ничего не нашлось, он снова погрузился в размышления. Разговоры с Хольмом и Юлией. Он попытался проанализировать их, как анализировал свои алхимические опыты, но пришел к выводу, что это дает очень мало. Однако это малое могло иметь большое значение. Что, например, делали обе горгульи, Кёхлин и Друсвайлер, в лесу? Подъем, как он убедился на собственном опыте, был не из легких. Необходима особая причина, чтобы преодолеть его. Очень важная. Он попытался ее найти, но безуспешно. Слишком мало зацепок. Даже неизвестно точно, когда эти бабы были в лесу.

Осталось одно имя: Гунда Лёбезам. Ему оно ничего не говорило. И никому другому тоже. Кроме Юлии.

Никому не известна погибшая корзинщица. Никому... Поймай-ка! Может, это и есть зацепка? Может быть, убийцы специально выбрали жертвой никому не знакомую женщину? Ну и негодяи же, если это так и было! Но, может, это все-таки случайность?

Лапидиус почувствовал свою полную беспомощность. Как и прежде, гордиев узел, который невозможно распутать. По крайней мере, его ума недостаточно. Как недостаточно и фактов. Так, надо взять предположения за факты, иначе ему не продвинуться. К ним относится то, что Кёхлин и Друсвайлер связаны с убийцей (или убийцами). Так что путь к нему ведет через двух свидетельниц. С другой стороны, он уже был у них, и что? Они вышвырнули его, как последнего кнехта.

Лапидиус потряс головой. Было такое ощущение, что в ней жужжат тысячи мух. Так он дальше не продвинется. Он встал, заглянул за кирпич, взял ключ от жаровой камеры и шагнул к лестнице, чтобы посмотреть, как там Фрея. И как всегда бывает, когда хочешь быть особенно осторожным, как только он ступил на нижнюю ступень, она завизжала, словно целый выводок поросят.

— Ааай! Пресвятаямадоннаместесовсемисвятыми! — Марта взвилась, словно в нее вселилось целое стадо бесенят. Каравай выпал у нее из рук и, покружившись, благостно улегся под столом. — Ооох, энто вы, хозяин! Дак откуда вы свалились? Уж второй раз за день напугали меня. Чё, не могли разбудить? — Видно, ноги не держали ее, и она снова плюхнулась на скамью.

Лапидиус не стал тратить время на объяснения, что пытался разбудить ее, а просто потопал вверх по лестнице, больше не обращая внимания на скрип ступеней.

— Фрея! Фрея!

— Да? — ее голос был больше похож на стон.

— Как ты?

Он зажег свечу и поставил ее перед дверцей.

— Я хочу пить.

— Разве Марта тебе не давала?

— Ну..

— Хорошо. Подожди, сейчас принесу.

Он вспомнил о собственных страданиях, как маялся от жажды во время своего восхождения, и ускорил шаг.

Марта все еще сидела у очага. Она уже настолько пришла в себя, что была в состоянии снять пробу со своей стряпни. Лапидиус не обратил на служанку никакого внимания, а, подхватив ведро, как вихрь, промчался мимо, к колодцу. Подле ворота стояла большая деревянная бадья, и он удивился, сколько требуется сил, чтобы вытащить ее наверх. Прежде чем оттащить ведро в кухню, он напился из него сам, долгими щедрыми глотками.

Немного погодя он уже снова был на верхнем этаже. Открыв дверцу, он опустился перед ней на колени. Ему навстречу ударил поток горячего застоялого воздуха. С каким удовольствием он поднял бы Фрею на руки и отнес ее на свежий воздух! Но курс лечения не позволял этого. Конрадус Магнус был добрейшим человеком, но каждый раз, когда Лапидиус молил выпустить его из камеры, он стоял неприступный, как скала.

Фрея, с впалыми щеками, беспомощно взглянула на него. От утреннего упрямства не осталось и следа. Лапидиус подсунул руку ей под голову и приподнял, чтобы напоить. Она жадно начала глотать.

— Ты храбрая девушка, — сказал он. — Шесть дней прошло.

Он снова опустил ее голову на тюфяк и закрыл дверь. Потом пододвинул сундук и сел.

— Но я тоже не терял времени. Теперь я знаю, что умершую звали Гунда Лёбезам. Тебе что-нибудь говорит это имя?

— Нет.

— Жаль.

Лапидиус другого ответа и не ожидал, ведь Фрея убеждала его, что не знает имени погибшей. Он заглянул в окошечко и увидел, что у нее от выпитой жидкости по всему телу выступил пот. Он пробивался сквозь толщу ртутной мази маленькими жемчужинами. Он порадовался. В потении и было все дело. Альфа и омега лечения сифилиса.

— Меня трясет. Весь день.

— Трясет?

Лапидиус знал, что озноб — неперемный спутник лечения, ничего из рук вон в этом не было, причиной такого действия был *hydrargyrum*. Необычным было только то, что симптомы появились так рано. Однако каждый пациент реагирует индивидуально.

— Озноб — обычная реакция организма на ртуть, — успокоил он. — Это значит, что твой организм борется.

— Да.

— Ну, — он не знал, что еще сказать, — понадеемся, что наша терапия и дальше будет оказывать свое действие. Завтра утром Марта обиходит тебя как обычно. Я иду спать.

— Да. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Лапидиус спустился вниз и с удовлетворением отметил, что служанка уже ушла. В лаборатории все было на своих местах. Приборы стояли, как солдаты, ждущие приказа «в бой!». Приятная волна разлилась по всему телу: он снова дома. Он быстро разделся и в исподнем нырнул в постель. Уже в полудреме ему прислышался голос:

— Откуда взялся сифилис?

Лапидиус, медленно приходя в себя, вдруг осознал, что это голос Фреи. Он шел из отверстия в тепловом канале. Лапидиус перевернулся на другой бок, чтобы его губы оказались рядом с отверстием, и пробормотал:

— А я думал, ты давно спишь.

— Я могу спать целыми днями. И не могу. Всю скрючивает, и все болит. Что день, что ночь, мне все равно. Так откуда взялся сифилис?

Голос Фреи казался идущим из глубины глубин и таким чужим...

— Ты правда хочешь знать?

— Я должна. Если знаешь врага в лицо, легче с ним сражаться.

— Ясно. Тогда слушай. Насколько мне известно, есть два объяснения. Одно повествует о том, что Колумб привез его из своего первого путешествия в Вест-Индию. Ты о Колумбе слышала?

— Ну... слышала.

— Ладно. Как говорят, команда Колумба подцепила эту болезнь в Новом Свете. А после, когда матросы вернулись домой в Испанию, сами не зная того, заразили других.

— Хм. Так почему же болезнь называют «французской», если моряки были испанцами?

— Хороший вопрос. Да будет тебе известно, что болезнь пришла оттуда с войском наемников в итальянский Неаполь.

Оно состояло под командованием французского короля Карла VIII. А от его войска зараза распространилась по всей Европе. Поэтому сифилис и называют «французской болезнью».

— Вон как.

— Второе объяснение возлагает ответственность за эпидемию... на звезды. Здесь речь идет об астрально определенной консистенции воздуха. Возбудители сифилиса, по теории, происходят из дурного воздуха, возбуждаемого определенным взаимодействием планет Сатурна, Юпитера и Марса. Противостояние этих планет наблюдалось *anno* 1484, то есть непосредственно перед эпидемией 1493 года.

— Первое мне как-то понятно, второе нисколько.

— Честно говоря, мне тоже. Ну, скажем, не совсем. Второе объяснение происходит от Фракасторо.

— Это тот, который написал стих?

— Да-да, верно.

— А можете прочесть его наизусть?

— Н-нет, не могу. — Лапидиус понял, что ей хотелось затянуть их беседу, но он так устал, что глаза слипались. — Прости, мне надо поспать, да и тебе тоже. Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Он постарался еще пару минут не дать себе заснуть, пока не услышал ее ровное дыхание. Потом перевернулся на другой бок. Наконец-то пришел благодатный сон, позволив расслабиться всем его членам. Но обрывки мыслей еще витали в его голове. Он гнал и гнал их. Но две буквы не исчезали. «F» и «S», и они торчали и торчали во лбу. Во лбу мертвой Гунды Лёбезам.

Лапидиус перевернулся, невольно отмахиваясь руками. Буквы остались. И они свидетельствовали о том, что убийцы целились в Фрею. Его пациентка обязательно должна быть оглашена ведьмой. Вот только зачем? Почему убийцам так важно, чтобы ее сожгли на костре? Из всего следовал только один ответ: Фрея должна была знать то, что им навредит. Сильно навредит. А из этого следовало, что она знала убийцу. И могла его опознать.

Всю ночь Лапидиус так и не смог сомкнуть глаз.

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ ЛЕЧЕНИЯ

В утренние часы колики возобновились. Они волнами прокатывались по телу, сотрясая и скручивая его, выжимали воздух из легких. Муки были такими сильными, что Фрее казалось, больше она не вынесет. Потом как-то справилась. Волна боли отступила, и снова можно было дышать. Озноб, который под конец пробил ее, показался просто благостью. Озноб мучением не был, так, немного неприятно, потому что конечно-сти не подчинялись и жили словно сами по себе.

Как там день, уже настал? Каждое утро она задавала себе этот вопрос, хотя вроде бы должно быть все равно. Сумеречный свет мало отличался от света лунной ночи. Он едва просачивался по левую руку через окошечко в дверце. А когда смотришь наверх, только черная чернота, правда, со временем она стала различать в ней контуры. Вот обрисовались несколько стропил — скорее угадывались, чем были видны — прямо над ней продольная балка, крошечная щелочка между кровельной черепицей, пропускающая немного света.

А поскольку видела она мало, ее слух обострился. Никогда прежде она не слышала столько звуков и шорохов: приглушенные голоса Лапидиуса и Марты, звяканье посуды снизу, шипение атанора, постукивание горшков в кухне. Смех и болтовня, доносящиеся с Бёттгергассе. Удары молота, жужжание сверла, визг пилы из мастерской Тауфлиба. Звуки, которые заполняли часы каждого дня. Часы, которые ползли мучительно медлен-

но. И жажда, вечная жажда. Из-за жары, царящей в ее темнице. Жара терзала сверлящими головными болями, ломотой в суставах, парализовывала мысли. Сегодня седьмой день лечения, ведь вчера было воскресенье, а значит, шестой день. Лапидиус заострил ее внимание на звоне колоколов. Служба в церкви Святого Габриеля. Он говорил, что в церковь не ходит. Как и она. И как она, он болел когда-то французской болезнью, которую называл сифилисом. Девять лет назад это было, в Испании. Там он заразился. Значит, спал с женщиной. Наверное, с испанкой. Фрея не имела ни малейшего представления, как выглядят испанки, но, должно быть, они очень красивые.

А она кажется Лапидиусу красивой? Сейчас точно нет. В первый день, в большом помещении со стеклянными зверюшками, он спрашивал, с кем она спала в последнее время. И при этом так строго смотрел на нее. И еще сказал, что это очень важно, знать его. И всех других. Чтобы лечить. Как ее.

Вся беда была только в том, что она едва могла вспомнить. Вообще было такое ощущение, будто ее память окутала пелена тумана. Иногда ей казалось, что какие-то картинки всплывают, но едва сознание пыталось ухватить их, как они каждый раз исчезали снова.

Лапидиус. За это время она узнала его немного лучше. От нее не укрылось, как он реагировал, когда она заглядывала ему глубоко в глаза: он смущался. В эти моменты она чувствовала себя женщиной — и в то же время беспомощной и безобразной, как никогда в жизни. Проклятая жаровня!

Ее снова скрутило от боли. Опять колики! Она сцепила зубы, чтобы противостоять приступу. Они накатывали волнами, подтачивали ее силы, вгрызались в кишки, а потом снова шли на спад и отступали. На какой-то момент она расслабилась, уступила, а потом было уже поздно. Горячая струя вонючей жижи вырвалась наружу между ягодицами. Она лежала в собственном дерьме и боролась с подступающими слезами. Она не станет плакать, ни за что! Она сильная! Сильная! Сильная! И тут же услышала собственные всхлипы. Никто не должен ее такую видеть. Никто! Только Марта. Она сможет ее обмыть. Да, Марта!

— Как у нас сегодня дела? — голос Лапидиуса был усталым.

Фрея испугалась. Ей хотелось только одного: провалиться сквозь землю. Или сбежать на край света. Но и это было не-

возможно. Она не могла убежать. Заперта, как какая-то скотина в хлеву. А тот, кому она всем этим обязана, стоял там, снаружи, и преспокойно спрашивал, как у нее дела.

— Оставьте меня в покое!

— Ну, чего ж так сварливо-то? Я тебе ничего не сделал.

Голова Лапидиуса показалась у окошечка. Фрее бросилось в глаза его бледное от бессонной ночи лицо. Она предпочла ничего не отвечать. А потом увидела, как он сморщил нос. Значит, учуял этот отвратительный запах! Она выпростала руку и потянулась заслонить оконце, но сделать этого не удалось. Рука была слишком маленькой.

— Зачем ты! Я понял, что случилось. Ничего страшного. Марта придет уберет. Только попозже, сейчас она у матери. Бедная старушка страдает подагрой.

Фрея услышала, как он возится с замком. Потом дверца открылась. Струя свежего воздуха ворвалась в жаровую камеру и повергла ее в озноб. Ее нагота! Она поспешно прикрыла грудь волосами.

— Дай-ка твою руку. — Он пощупал пульс. — Хм, так. Болезнь поражает и сердце. Это в порядке вещей.

— У вас всегда все в порядке. Если я сдохну, тоже будет нормально, да?

— Нет, разумеется, нет, — донеслось до нее снаружи. — Пора обновить слой ртутной мази. А твой ноготь на большом пальце уже выглядит вполне удовлетворительно. Как там с другой рукой? Дай-ка посмотрю. Да, и второй тоже. Поверь, я делаю все, чтобы вылечить тебя. И я прилагаю все усилия, чтобы снять с тебя обвинения. Так что нормально, если и ты внесешь свою небольшую лепту.

«К чему он клонит?» — подумала Фрея.

Лапидиус снова запер дверь. Она хотела запротестовать, но не стала, все равно это было бессмысленно. Он вытащил из замка ключ.

— Мы с тобой уже говорили о Кёхлин и Друсвайлер, о том, что они совершенно очевидно возводят на тебя напраслину. И о Гунде Лёбезам, мертвой с торговой площади, мы тоже говорили. Но я тебе тогда не сказал, что ее убили, а на лбу у нее убийца вырезал две буквы. «Ф» и «З». Буквы, которые не могут значить «Гунда Лёбезам». А вот «Фрея Зеклер» могут. По крайней мере, горожане в этом убеждены. Они думают, это ты, бу-

дучи ведьмой, пролетела по воздуху и умертвила беднягу. Понимаешь, о чем я?

— Да, — упавшим голосом сказала Фрея. Ее грудь словно сжало обручем. Обручем страха.

— Разумеется, это чушь. Но этот факт еще больше утверждает меня во мнении, что кто-то очень старается подставить твою голову. Вероятнее всего, он же велел Кёхлин и Друсвайлер, которые с ним заодно, придумать против тебя обвинения. И этот кто-то, убийца Гунды Лёбезам, похоже, идет на все, только бы увидеть тебя на костре. А из этого следует сделать вывод, что ты тоже с ним как-то связана. Возможно, он даже считает тебя опасной. Он должен тебя знать. А ты его. Подумай, кто бы это мог быть.

Фрея почувствовала, что обруч еще теснее сжал ее грудь.

Что такое сказал Лапидиус? Она связана с убийцей? Ничего более дурацкого она еще не слышала. Само собой, она знает массу людей, во многих деревнях и городах, а как же иначе с ее-то ремеслом? Только жестокого убийцы среди них нет, в этом она уверена. У нее хорошая память на лица и на имена, с этими лицами связанные. Если на то пошло, она могла бы перечислить всех своих покупателей и даже до мелочей описать, как они выглядят. Почему так, откуда ей знать. Может, оттого что она смотрит людям в глаза. Глаза — они главное на лице. Они определяют все остальное: каждую складочку, каждый уголок, каждую черточку. Фрея почувствовала, как обруч немного отпустил. И как по мановению чьей-то руки, внезапно ту часть ее воспоминаний, что касалась юности, сокрыла завеса тумана, а из глубин памяти странным образом выплыла пара глаз; она приближалась, не отрывая неподвижного взгляда. Только глаза, одни бесцветные глаза без лица. И еще голос. Мягкий покоряющий голос. И руки. Говорящие руки. Что за видение? Она хотела взглянуться попристальней, но оно снова ушло в глубину.

Имя. Какое имя было у этой пары глаз? Фрее пришлось признать, что она его не знает. Только важно ли это? Лапидиус спрашивал об убийце, о человеке из плоти и крови, а не о призраке.

— Не знаю я никакого убийцу и не верю, что тот знает меня.

— Ты уверена? Подумай хорошенько.

— Совершенно уверена.

— Этого-то я и боялся. — Лицо Лапидиуса исчезло из окосечка. — Когда Марта вернется, она все сделает, не беспокойся. А сейчас наберись терпения и будь умницей. Днем я загляну к тебе еще. А что касается нашего разговора: забудь о нем.

— Ладно.

Фрея совсем не была уверена, что ей это удастся.

В обеденное время Лапидиус стоял в передней своего дома, расправляя воротник и поправляя шапочку. Марта квохтала вокруг него, как наседка, широкими жестами разглаживая его плащ.

— Ну не совестно, хозяин? Каждый раз, как еда наготове, вы уходите. Кабы знали, чё у меня на плите!

— Ладно, Марта, хватит. Все твои помыслы и стремления касаются только пищи телесной, но в жизни есть вещи и поважнее.

— Можя, хошь хлебушка с собой...

— Нет.

Лапидиус вырвался из цепких лап служанки и выскочил на улицу. И оттуда, оглянувшись, крикнул ей, что не знает, когда вернется. В тот же миг причитания возобновились:

— Чё ж мне щё такого сготовить? Господь свидетель-охота-мне-вам-служить-уж-как-охота-хозяин-дак-ведь-что-ни-сготовлю-все-портится-как-на-стол-подавать-дак-вас-нет!

Лапидиус помотал головой, чтобы стряхнуть поток ее стенаний, и машинально направил шаг в сторону ратуши, как вдруг вспомнил, что сегодня понедельник, а значит, рыночный день. Его не вдохновляла перспектива снова столкнуться с боевыми торговками, поэтому пришлось огибать площадь, и, естественно, к цели своего пути, на кладбище, он пришел позже, чем хотел. Как он и надеялся, Кротт и сегодня был за работой. Свидетельством тому были комья земли, взлетающие с лопаты. Лапидиус подошел к могиле и приветливо поздоровался.

— Ой, и вам дай Бог! — могильщик отложил лопату и вылез из ямы.

Лапидиус без околичностей перешел к делу:

— Скажи-ка, Кротт, ту несчастную с площади, ну, ты знаешь, о ком я, уже погребли?

— Угу, господин, вчерась.

— Надеюсь, пастор прочитал молитву?

— Не-е, господин, не стал. Сказал мне сразу покласть ее туды. Дак я обустроил скат, да и спустил по настилу, по-другому-то было никак, я ж один тут горбатился. Опосля пастор вроде как хотел почитать.

— И не сделал этого? — лицо Лапидиуса омрачилось.

— Не-е. Уж я б дак заметил.

Лапидиуса окатила волна гнева. Вот, снова на деле оказывается, что только состоятельные да богатые заслуживают Царствия Божьего. По крайней мере на усмотрение церкви. А точнее, тех, кто позволяет себе замещать закон Божий на земле. А между тем сам Иисус Христос был беднейшим из бедных и нигде в Священном писании не сказано, что бедность — по-меха надгробной молитве.

— Так, значит, покойная лежит в земле без слова Божьего? — горько сказал он. — Что ж, Кротт, вот тебе клочок бумаги, на нем написаны имя и дата смерти бедной женщины. Будь добр, закажи крест с этой надписью. Подожди... — Лапидиус достал монеты, которые взял из кармана Гунды Лёбезам. А поскольку не был уверен, хватит ли этой суммы, добавил из своего кошелька еще полталера. — Вот, возьми.

Могильщик вытарашил глаза:

— О-о, господин, это лишка будет.

— Если этого много, излишек оставь себе.

— Спасибо, господин, о-о, спасибо! — Кротт ловким движением спрятал деньги, даже не попробовав прежде на свой гнилой зуб. Потом в нем заговорило любопытство: — А чё там написано, господин, в бумажке-та?

— Я прочитаю тебе: «Гунда Лёбезам, родилась около 1520 года, умерла 15 апреля 1547». А пониже еще надпись: «*Dormi in Deo*», что значит «Покойся с миром».

— О-о, вона как! — от удивления он пожевал челюстями. А потом, ободренный великодушием Лапидиуса, задал еще вопрос: — А откедова вы ё знаете, господин, и что померла пятнадцатого?

Лапидиус задумался, стоит ли распространяться об этом, но почему бы и не сказать доброму человеку?

— Кое-кто знал имя убитой и сообщил мне. А что касается твоего второго вопроса: ты же сам рассказал, что трупное окончение уже наступило, когда ты поднимал тело на телегу. Было это в одиннадцатом часу утра, а *rigor mortis* наступает при-

мерно через восемь часов после смерти, так что женщина умерла ранним утром пятнадцатого. Могло, правда, быть, что ее убили раньше, поскольку трупное окоченение держится двое суток, однако я так не думаю. Как только ее убили, так сразу и привезли на повозке Фреи Зеклер, чтобы тело было найдено в этот же день. Все другое маловероятно.

— О-о, господин, ежели так, то будь по-вашему.

— А тебе известно, что Гунду Лёбезам изнасиловали?

— Не-е, господин, медикус ничего такого не говорил.

Лапидиус собрался уходить.

— Ну вот, теперь ты знаешь. И не думай больше об этом. Покойная теперь нашла свой последний приют. Разве что когда будешь ставить крест, прочитай над могилой молитву, раз уж пастор не нашел на это времени.

— Дак я уж помолился об ней, господин.

— Ты хороший человек, Кротт.

Лапидиус направил свои стопы в центр города, к дому аптекаря, поскольку вдруг вспомнил, что ему недостает маленького аламбика. Но, как и в первый раз, снова не застал аптекаря на месте. Его жене, маленькой бесцветной женщине, было явно неловко. Лапидиус успокоил ее, мол, в этом нет ничего страшного, в конце концов, он же не договаривался о встрече заранее. Они разговорились, и выяснилось, что оба родом из Брауншвейга. Это обстоятельство сыграло Лапидиусу на руку, жена аптекаря тотчас же собралась с духом и одолжила ему прибор, не спросив у мужа. Лапидиус расшаркался в избытке чувств, к тому же она дала ему еще и корзинку для яиц, чтобы донести стеклянный сосуд до дома в целостности и сохранности.

Нагруженный таким образом, Лапидиус остановился посреди Гемсвизер-Маркт. Опасность снова столкнуться с воинственными торговками ему не угрожала — к этому времени они уже погрузили товар и исчезли восвояси. Из «Квершлага» долетал аромат наваристого мясного супа, и Лапидиус не смог устоять перед этим соблазном. Зайдя в трактир, он внимательно огляделся, так как был здесь в первый раз. Он увидел грубо сколоченные столы, скамьи и табуреты. Трактир как трактир, если не считать ламп. Здесь они были похожи на те, что применяются в руднике.

Лапидиус удивился. Сегодня понедельник, обычный рабочий день, и тем не менее собралось не так уж мало кутил, при-

чем некоторые были уже изрядно навеселе и во всю глотку требовали еще пива из бочки, стоящей на стойке. Справа трое посетителей удобно расположились за отдельным столом с четырьмя табуретами. В руках у них были ложки, которыми они черпали из большой миски. Вот он, источник восхитительно-го аромата!

Лапидиус пригляделся и в одном из мужчин узнал Крабиля. На ловца и зверь бежит! Так он может убить двух зайцев сразу: и подкрепиться, и поучить начальника стражи уму-разуму.

— Доброго дня, позвольте?

Не дожидаясь ответа, он занял свободный табурет и поставил корзину возле себя.

Крабиль застыл, не донеся ложку до рта. Воспоминание об их последней встрече оказалось не слишком приятным. Медленно опустив ложку, он сказал:

— Э... а мы как раз закончили.

Оба его приятеля подняли недоуменные взоры. Один собирався что-то возразить, но тут же скорчил гримасу боли, потому что страж порядка наступил ему на ногу.

— Зачем же так, Крабиль? Миска еще наполовину полна. Нельзя пропадать такому великолепному супу! — Лицо Лапидиуса излучало доброжелательность, но в голосе звучал металл.

— Нет... да. Ах, да. А я и не заметил, что там еще много.

Двое его спутников переглянулись. Они быстро сообразили, что ничего хорошего из этого разговора не выйдет, и убрались. Подошел хозяин и отвесил легкий поклон.

— Я Панкрац, господин, владелец этого заведения. Что вам принести? Или вы будете есть вместе с начальником стражи?

— Нет. Подайте мне суп отдельно. А еще хлеба и кружку пива.

— У меня прекрасное Айнпёклинское. Правда, оно дорогое...

— Принеси.

Панкрац поспешил выполнять заказ, а Лапидиус тем временем смерил начальника стражи строгим взглядом. Крабилю под ним стало неудобно.

— Э... Прекрасный день сегодня...

— Несомненно, — Лапидиус отодвинул корзину с аламбиком к стене, поскольку хозяин за нее чуть было не запнулся. —

Прошлая пятница тоже была прекрасной, если не считать, что в тот день на рыночной площади лежал женский труп. Женщину убили, как вам известно. Бургомистр Штальманн сообщил мне, что, по вашему мнению, это убийство дело рук Фрей Зеклер, из-за букв «Ф» и «З» на лбу. А откуда вы знаете, умеет ли Зеклер писать?

— Э...

Появился Панкрац с подносом и расставил угощение на столе. Лапидиус отхлебнул хороший глоток пива, не отрывая пристального взгляда от Крабиля. Потом отведал супу. Как он и полагал, суп был отменного вкуса, на крепком бульоне, со знатными кусками мяса, приправленный пряностями.

— Я делаю вывод, что вам неведомо, обучена ли Фрея Зеклер грамоте. И тем не менее, вы взяли на себя смелость обвинить ее перед городским советом.

— Да, но...

— Вы выяснили имя убитой?

— Нет, я...

— Далее я делаю вывод, что вам это имя неизвестно. Неизвестную зовут Гунда Лёбезам. Вам что-нибудь говорит это имя?

— Э... нет.

— Тело привезли на рыночную площадь в повозке. Вы знаете, кому она принадлежит?

— Да! — Крабиль был рад наконец-то иметь ответ хоть на этот вопрос. — Это был фургончик Зеклер.

Лапидиус не спеша съел еще пару ложек супа и запил пивом.

— Так-так. А почему вы мне этого не сказали, когда я навещал вас в субботу на вашем служебном месте и нарушил теплую беседу наедине с Кёхлин? Я спрашивал вас ясно и определенно: есть ли какие новости в этом деле.

— Я... я забыл.

— Ага, забыли. Тогда другой вопрос: могильщик Кротт отвез тело на кладбище на собственной телеге. То есть повозка Фрей Зеклер оставалась на площади. Где она теперь?

— Ну... э... я не знаю. Наверное, кто-то ее забрал.

— Да уж, такое объяснение лежит на поверхности. Вот что я хочу вам сказать, Крабиль: вы не знаете ничего, и даже меньше, чем ничего, и тем не менее преспокойно рассаживаете

здесь над своей миской супа. И то, что вы так ничтожно мало знаете, делает вас подозрительным. И почему это вы так заинтересованы свалить убийство на Зеклер?

Лапидиус тут же пожалел о сказанном. Если начальник стражи на самом деле — а исключать этого нельзя — причастен к убийству, то теперь он предупрежден.

Крабиль побелел как полотно. Он несколько раз хватал воздух, пока наконец не смог выдать из себя звук.

— Это... это неслыханно! Я представитель городской власти, вы не смеете со мной так говорить!

— Я только задавал вопросы, но вы не могли на них ответить. И я позволил себе сделать из этого выводы.

Лапидиус проглотил последнюю ложку супа. Разговор не слишком продвинул его в расследовании. Но иногда бывает полезно просто назвать вещи своими именами. Как и многие господа при власти, начальник стражи принадлежал к тому типу людей, что напускают на себя важный вид, вместо того чтобы делать свое дело.

Лапидиус и не рассчитывал получить на свои вопросы ответы, по-настоящему его интересовало только местонахождение повозки Фрей.

Могло оказаться важным пройти по следу фургончика. Правда, возможность его найти была ничтожно мала. Кирхроде — большой город, со множеством портов, складов и постоянных дворов. Повозка Фрей могла стоять где угодно, в том случае, если она вообще еще в городе.

— Был бы вам обязан, Крабиль, если вы в будущем будете держать ухо востро, на тот случай, если что-то услышите о повозке Зеклер.

— Само собой. Я свой долг знаю.

Лапидиус оставил это без ответа. Он бросил на стол пару монет, поднял свою корзину и, больше не говоря ни слова, покинул трактир.

Начальник стражи злобно смотрел ему вслед.

Чем ближе был его дом, тем больше Лапидиус радовался предстоящему уединению за экспериментами.

Но, едва переступив порог, он почувствовал что-то неладное. Слышался голос Марты, возмущенный и требовательный, а с ним другой, который Лапидиус не сразу признал.

А потом понял: Горм, подручный Тауфлиба. Голоса раздавались сверху, с чердака, где находилась Фрея. Что им там надо?

Лапидиус поставил корзину и поспешил вверх по ступеням. Примчавшись, он обнаружил, что Горм уже почти открыл дверцу в жаровую камеру. В одной руке он держал отвертку, с помощью которой удалял винты из петель засова.

— Стоп! — рыкнул Лапидиус. — Что все это значит?

Марта бросилась ему навстречу:

— Хозяин, о, хозяин, почему мне знать, велели вы или нет, а Горм говорит, так надось и что мастер то же говорит.

— Что? Как?

Лапидиус непонимающе переводил взгляд с Горма на Марту. У Горма — он заметил это только теперь — во всю щеку красовалась царапина.

— Что все это значит? — повторил он.

Горм поднялся с колен и глупо заулыбался:

— Винты надо поменять. Горму надо поменять винты.

— Зачем это?

— Не больно длинные, надо длиннее.

— Кто сказал?

— Я... ой. Надо длиннее, мастер сказал. — Подмастерье сунул ему вынутый винт под нос. И ни с того ни с сего глупо засмеялся.

Лапидиус отступил на шаг. С Гормом шутки плохи. У парня медвежья сила, а мозги воробьиные. На грани слабоумия. И пока он говорил, все время косился на окошечко в дверце.

Лапидиус понял. Наверное, Горм хотел бросить оттуда взгляд на Фрею, а она вцепилась ему ногтями в лицо.

— Покажи мне другие винты, которые длиннее.

Горм открыл рот, потом захлопнул его, снова открыл.

— Ой... я...

Лапидиус сориентировался в ситуации.

— А ну-ка, закрепи засов снова! — приказал он голосом, не терпящим возражения. Подмастерье тут же послушался. Работу он проделал с удивительной легкостью, что не редкость среди простофиль.

Марта заломила руки:

— О Боже, Боже, так я и знала, неча его пушать! Ой, хозяин!

— Ладно, Марта. Иди вниз.

Лапидиусу внезапно пришла в голову мысль: если Горм так докучливо хотел видеть Фрею, что ж, пусть получит желаемое. Разумеется, только голову, да и ту ненадолго. Посмотрим на реакцию подручного Тауфлиба! Вынув из кармана ключ, он отпер дверь.

— Фрея, — позвал он, — думаю, у Горма есть причина попросить у тебя прощения.

Она молча взглянула на него. В ее глазах была пустота. «Боже! — подумал он. — Что случилось с этой женщиной! Ее лицо похоже на печеное яблоко. Кожа все больше сжимается. Она на глазах увядает. А тот, по чьей вине она страдает, это я. Но по-другому нельзя. Если бы имелся лучший способ вылечиться, я бы первый применил его».

Горм присел перед шелкой на корточки. Рот открыт, по подбородку стекает слюна, а глаза выдают самые противоречивые чувства. В них стояло удивление, оно сменилось недоумением, а потом перешло в чистое отчаяние. Лапидиус размышлял, способен ли вообще такой недотепа на чувства, как вдруг испытал осязаемый удар. Подмастерье вскинул руки, при этом нечаянно отшвырнув его в сторону, подпрыгнув, издал утробный звук и кубарем скатился по лестнице. Мгновением позже с треском захлопнулась входная дверь.

Лапидиус поднялся. Все произошло как в дурном сне.

— Я расцарапала ему морду, — прошептала Фрея.

— И по заслугам.

Лапидиус вдруг почувствовал себя неуверенно. Надо будет поговорить с Мартой. Она не должна в его отсутствие впускать в дом никаких чужаков. Но Фрее это знать незачем, ее это только растревожит.

— Думаю, Горм вспомнил, как... какая ты хорошенькая, и по простоте душевной выдумал какую-то работу, чтобы еще раз увидеть тебя.

— Я больше не хорошенькая.

— Зато будешь. После лечения.

Он проверил ее пульс и слой ртутной мази. Потом провел эксперимент. Зажал кусочек кожи на спине между большим и указательным пальцами, приподнял и снова отпустил. Потребовалось время, чтобы складка разгладилась — явный признак обезвоживания. Фрее нужна вода.

— Марта давала тебе пить?

— Да.

— Я дам тебе еще. Иначе ты совсем высохнешь. Что-нибудь болит?

Она закрыла глаза.

— Что-нибудь болит?

— Да.

— Терпеть можешь?

— Д-да.

По ее односложному ответу ему стало ясно: мера ее терпения на пределе. Он знал это состояние. Когда мучения накапливаются в теле, когда они собираются отовсюду: от головы, тела, от всех суставов — и складываются в одну-единственную непереносимую боль.

Лапидиус больше не стал задавать ей вопросов, спустился вниз и принес обычную кружку колодезной воды и маленький кусочек мяса в придачу.

Он дал ей выпить половину, а потом дал десять капель какой-то жидкости в ложке.

— Лауданум, — пояснил он. — Это на те случаи, когда ты чувствуешь, что дальше не сможешь.

— Да, — еле выдавила она и приняла капли.

Он дал ей выпить остаток воды, чтобы прогнать дурной вкус изо рта, все время тихонько успокаивая ее.

Потом пододвинул сундук и сел.

Он ждал. Один врач говорил ему, что действие хорошего лауданума наступает после того, как сосчитаешь до трехсот. Он, помнится, тогда спросил: а что, если этого не случится? Врач только пожал плечами.

Лапидиус досчитал до двухсот, когда увидел, что на лицо Фрейи возвращается краска. Ее тело расслабилось. Он снова провел пробу на обезвоживание и констатировал, что его симптомы стали менее выраженными.

— Тебе лучше? — с надеждой в голосе спросил он.

Она молчала, но ее ровное дыхание было лучшим ответом. Фрея заснула, не успев ничего сказать.

Он тоже с облегчением откинулся назад. Ничто на свете так не истощает тело, как сильная боль, это он знал по себе.

— Спи спокойно, — пробормотал он. — Спи.

Лапидиус бесшумно закрыл дверцу и потихоньку прокрался вниз.

Variatio VII — седьмой опыт — маленький аламбик аптекаря наконец-то сделал его возможным. Лапидиус аккуратно занес результаты эксперимента в журнал. Они были всего лишь маленьким шагом на долгом пути к Великому Труду, но терпение — исключительная добродетель любого алхимика.

Сознание того, что Фрея больше не страдает болями, открыло Лапидиуса и в работе. И все же вечер пролетел слишком быстро. Он закрыл журнал, отложил перо и решил на сегодня закончить с научными изысканиями. Как там Фрея, спит? Он тоже устал. Прилечь на минутку. Поговорить с ней, если что, можно и с постели.

— Фрея, Фрея, ты меня слышишь? — крикнул он в слуховое отверстие, как только удобно утнезвился.

— Да, — спустя пару секунд пришел сверху ответ.

Его охватила радость. Ее голос больше не звучал так слабо и безразлично, как несколько часов назад.

— Как твои боли?

— Лучше. Я спала. Коричневые капли хорошо помогают. Мне бы света.

— Погоди, — Лапидиус украдкой вздохнул.

Как бы он ни желал ей выздоровления, встать сейчас было мало охоты. И все-таки он поднялся, взял кремень и кресало, чтобы зажечь керосиновую лампу, оставленную на верхнем этаже, и полез по лестнице.

— А я и не заметил, что уже темно, — крикнул он Фрее. — Сейчас зажгу.

Он подошел к окну, чтобы было лучше видно, и тут же остолбенел. Из его дома выходили двое. Они еще что-то кричали, оборотясь и грозя пальцем. Очевидно, Марте. И тут свет уличного фонаря упал на их лица.

Это были Аугуста Кёхлин и Мария Друсвайлер. Лапидиус не сразу осознал, что он видел. Что делали эти клеветницы в его доме? Какие у них могут быть дела с Мартой? Он взял себя в руки и прежде всего постарался зажечь лампу. В тусклом свете ее пламени он посмотрел на видневшуюся в окошечке голову Фрей. Она все еще выглядела расслабленной. Он мысленно вознес благодарность лаудануму и сказал:

— Я поставлю лампу перед дверцей и спущусь вниз. Мне нужно к Марте.

— А вы скоро вернетесь?

— Да, конечно. — Говорить о том, что увидел, ему не хотелось. — Но... э... я только что заметил кое-что важное.

Она привычным уже для него жестом протерла глаза:

— Заметили? Что?

— Слишком долго объяснять. Попозже зайду.

Он махнул ей на прощанье и поспешил вниз, в кухню.

Марта стояла у плиты и смотрела в очаг. Он тут же отметил, что занятие это было бессмысленное, потому что огонь горел хорошо и ровно.

— Чего от тебя хотели эти бабы? — спросил он напрямик.

— Ой! О Боже, Боже! — вздрогнула служанка. — Как напугали! И не слыхала вас. Чё-нето откушаете? У меня туточки горшочек с...

Лапидиусу было не до еды.

— Я хочу знать, — прервал он, — чего от тебя хотели Кёхлин и Друсвайлер. Прежде они никогда не являлись в мой дом.

Марта принялась разгребать огонь. А чуть погода сказала обычным голосом:

— Энти Кёхлин и Друсвайлер пряжу мне принесли, хозяин. Угу, пряжу. Хорошую пряжу.

— Пряжу? С каких это пор ты занялась вязанием?

— Э... я нет. Для матушки.

— Ты хочешь сказать, что твоя мать вяжет? С ее-то подагрой? Не морочь мне голову.

— Не-е, не-е, — Марта зашуровала кочергой беспокойнее. — На подарочек, хозяин. Она ее подарит.

— То есть Кёхлин и Друсвайлер принесли тебе пряжу, чтобы ты отнесла ее матери, чтобы та кому-то подарила? Вот я и спрашиваю, почему же они не пришли с пряжей прямо к твоей матери? Так было бы и проще, и разумнее.

— Я... мне...

— Ладно, оставим это. — Лапидиус не стал допытываться дальше. И так очевидно, что служанка врет ему. В первый раз за все время. Он почувствовал злость, злость и обиду, но не дал им выплеснуться наружу. — Есть не буду. Пойду спать. Спокойной ночи.

Не говоря больше ни слова, он развернулся и вышел из кухни. Поднявшись ненадолго на верхний этаж, чтобы потушить лампу, и удостоверившись, что Фрея спит, он вернулся в привычную атмосферу своей лаборатории. Здесь он чувствовал се-

бя уютно, даже несмотря на то, что мысль о посещении дома свидетельницами беспокоила его. Чего же они все-таки хотели от Марты? И кто их послал? Убийца? Убийцы?

У Лапидиуса было такое ощущение, что он блуждает в тумане. Прошла неделя, а он все еще понятия не имел, как доказать невиновность Фрей.

Усталый и полный дурных предчувствий, он улегся в постель, ухом к отверстию теплового канала.

ВОСЬМОЙ ДЕНЬ ЛЕЧЕНИЯ

Несмотря на прохладное утро вторника, Лапидиус стоял на дворе у колоды с топором в руках. Надо было наколоть дров для атанора. Печь поглощала уйму топлива, а с тех пор как Фрея лежала в жаровой камере, его требовалось еще больше.

Лапидиус не был особо ловким рубщиком, поэтому он широко расставил ноги, чтобы в случае чего не попасть себе топором по колену. К тому же топор не был наточен, а топориче слишком коротко. Он мучился целый час, а потом дал себе передохнуть.

Пот градом лил со лба. Вытирая его, он увидел, что на руке кровоточит ранка. Всего лишь заноза. Он вытащил ее. И вдруг ему пришло в голову, что и на топориче осталась кровь. Немного, но достаточно, чтобы быть заметной.

Он покачал головой. Делай что хочешь, но в этом было нечто, что напомнило ему обвинения против Фрей Зеклер. И собственная неумелость позволила решить эту загадку.

Колода и топориче. Во дворе свидетельниц имелось и то, и другое. И огородец с травами, правда, он не знал, растет ли там белена. И вообще, он слишком мало знал! Все еще покачивая головой, Лапидиус снова взялся за топор и замахнулся, но, к его удивлению, топор не слушался. Он так и застыл в воздухе. Внезапно и непреодолимо.

— Ха-ха-ха! Ну и умора! — позади Лапидиуса стоял Горм. Его лапища зажала топориче словно в тиски.

— Отпусти! Мне надо нарубить дров!

— Ха, ша! Горм сделает.

У исполина был собственный колун, великолепный инструмент, острый, как лезвие.

— Горм сделает, — повторил он и отодвинул Лапидиуса в сторону, как мешок со стружкой.

Ничего больше не объясняя, он начал колоть поленья. Лапидиус стоял как громом пораженный. Еще вчера Горм проник в его дом под сомнительным предлогом, а сегодня он снова здесь.

— У тебя что, нет в мастерской работы? — вкрадчиво спросил Лапидиус.

Вместо ответа подручный Тауфлиба поставил на попа полено размером с саму колоду и разрубил его одним махом.

— Фрея, — пробурчал он, — как она сегодня?

С утра Лапидиус перемолвился со своей пациенткой лишь словом, но достаточно, чтобы понять: боли возобновились. И ее губы потрескались и кровоточили.

— Не очень.

Новое полено ладно разлетелось на куски.

— Чё говорит Фрея?

— А что она должна говорить?

— Много говорит?

— Да нет, а что? — Лапидиус подал Горму очередное полено.

— Не хорошо. Говорить не хорошо, — еще удар, — не хорошо говорить... для здоровья.

Лапидиус понять не мог, что вообще хотел сказать Горм. Он пришел, чтобы помочь ему нарубить дров. Об этом явственно свидетельствовал принесенный с собой колун. С другой стороны, он начал сразу же расспрашивать про Фрею. Что притягивает колосса к этой женщине? Красота? Не может быть. Никакой красоты уже нет. А может, наоборот, ее отталкивающий вид?

Лапидиус только-только собирался спросить, как раздался сердитый голос Тауфлиба:

— Горм, поганый бездельник! Делать больше нечего, как только колоть чужим дрова? А ну, марш в мастерскую! И здесь дел по горло!

Под недремлющим оком мастера Горм поджал хвост, как побитая собака. Он закинул колун на плечо и потрусил к хозяину. Лапидиус остался стоять по колено в куче нарубленных

дров. Чтобы выйти со двора, надо было уложить их в поленницу. Он поразмыслил, не позвать ли на помощь служанку, но со вчерашнего дня ее словно подменили. От живого болтливого существа практически ничего не осталось. Утром она едва ответила на его приветствие и, что еще больше озадачивало, не спросила, чего он хочет поесть. Лапидиус, кряхтя, наклонился и принялся укладывать дрова.

Атанор не должен потухнуть.

Двумя часами позже он стоял перед домами Кёхлин и Друсвайлер. Тайна, скрывавшаяся за их визитом, не давала ему покоя. Кроме того, хотелось посмотреть, как они среагируют на имя «Гунда Лёбезам» и чем объяснят свой подъем на гору. Он постучал у дверей Кёхлин и стал ждать ответа.

Ответа не было. Только слышался шум, как будто что-то с грохотом упало, потом торопливые шаги и тишина. В доме кто-то был! Однако открывать никто не спешил. Лапидиус постучал еще раз, на этот раз громче. И снова тишина.

Он попытался достучаться в соседний дом, к Друсвайлер, но с тем же успехом.

— Что, — в сердцах буркнул он, — торчите за окнами и подсматриваете, как я тут надсажаюсь? А впускать не хотите? Ладно, тогда пеняйте на себя.

Он прошагал на их совместный двор, где виднелся огородец. Сейчас, в апреле, еще ничего не цвело, но Лапидиус был искушенным знатоком в растениях, чтобы различить их и по всходам. Майоран, шалфей, мята, тимьян... Он присвистнул. Кое-что все же обнаружилось: резные зубчатые листья, типичные для черной белены. И не одно растеньице, а сразу несколько. Это было доказательством: свидетельницы сами выращивали ядовитую дурман-траву. А у Фреи покупали только для видимости! И это значило, что на самом деле они просто хотели заманить Фрею к себе, чтобы... Вот именно, чтобы что?

— Чего вы ищете, господин? — раздался позади него голос. Широкобедрая баба с грубыми чертами лица смотрела на него с соседнего участка.

— Ничего, э... я только хотел увидеть вдову Друсвайлер. Или жену рудокопа Кёхлин.

— И в чем же дело? Они дома.

— Никто не открывает.

— Не открывают? — Баба задумчиво потерла кончик носа. — Странно, я недавно их видела. Да, эти товарки, как ни крути, особы чудные.

— Правда? — Лапидиус заинтересовался. Может, соседка расскажет ему что-то об этих двоих. — Хотел спросить их кое о чем, да, похоже, сделать это будет труднее, чем я думал.

Баба подошла поближе. Она явно была не прочь поболтать.

— Труднее, говорите? — переспросила она. — Они вообще потешные. С утра до вечера носятся вместе и кудахтают, как курица, что снесла яичко. — Она снова потерла нос. Теперь Лапидиус разглядел причину: зуд от мокнувшей экземы. — Нашему брату они, конечно, ничего не рассказывают, да мы-то все примечаем.

— Конечно, конечно, — согласился Лапидиус. — А что говорят?

— Что говорят? Да то и говорят, что денег у обеих теперь куры не клюют. А откуда взялось, никто не знает. Вальтер-то Кёхлин много домой не приносит, чтобы вы знали. А Друсвайлер, та сроду работой не горбилась. А вот поди ж ты, теперь разгуливают в дорогих шالях, накопили всяческой посуды и резной сундук в придачу.

— Да, тут дело нечисто! — Лапидиус изобразил возмущение. — И как такое может быть?

— Как может быть? Одному дьяволу ведомо. А про Кёхлинов вообще ходит слух, что они собрались покупать собственный экипаж. Представляете, экипаж, господин! Когда этот набитый дурак Вальтер ни читать, ни писать не умеет. Ну, может, благородные господа станут ездить на нем в церковь и чваниться там, да только это будет в первый раз, точно вам говорю, что они покажутся в церкви-то. Безбожные они, безбожные! Вот хоть господина пастора спросите, из церкви Святого Габриеля. Он того же мнения, хоть и не говорит, но что так думает, так же верно, что после Пасхи идет Троицын день.

— Ага. Ну, ладно, — Лапидиус почувствовал, что пора уходить. — Спасибо, что растолковали. Очень вы мне помогли. Доброго вам дня!

Он побыстрее убрался. Путь его пролегал мимо церкви Святого Габриеля, и слова соседки никак не шли у него из головы. Денег у них сильно прибавилось, так сказала болтливая баба. И думать долго нечего, явно они получали мзду от тех ор-

ганизаторов диффамации, что стояли за их спинами. Да, должно быть, так и есть. Кёхлин и Друсвайлер донесли на Фрею за тридцать сребреников. Безбожницами слыли обе, даже пастор был того же мнения. Лапидиус остановился у широкого портала церкви Святого Габриеля и, повинаясь внезапной мысли, вошел под ее своды. Надо познакомиться с пастором. Тем человеком, который других считает безбожниками, а сам не посчитал нужным прочитать поминальную молитву по бедной душе Гунды Лёбезам.

Пастор Фирбуш был в церкви один. Он стоял на коленях перед триптихом в восточном нефе и молился. Лапидиус подошел. Чтобы не мешать священнику, он тихонько присел на скамью.

Фирбуш молился долго. Видно, ему надо было о многом поведать Господу. Наконец он поднялся с видимым трудом, поскольку не относился ни к самым юным, ни к самым стройным на земле. Зрение его тоже было не из лучших, поскольку, обернувшись, он принял Лапидиуса за одного из своих прихожан.

— Сын мой, — начал он хорошо поставленным голосом, который выдавал в нем опытного проповедника. — Что привело тебя в этот час в Храм Божий?

Лапидиус встал и пошел навстречу пастору. Тот тут же заметил свою ошибку:

— О, прошу прощения, господин. Я вас не знаю...

— Я магистр Лапидиус и поселился в этом городе совсем недавно.

Произнеся вторую часть объяснения, он тут же пожалел об этом, поскольку оно звучало скорее как извинение, что он до сих пор не удосужился посетить церковь Святого Габриеля. А этого он не хотел.

— Фирбуш, уважаемый магистр, пастор местной общины. Если вы в городе недавно, то, разумеется, не сразу нашли дорогу в Дом Божий. Однако на будущее позвольте рассчитывать на ваши частые приходы.

Лапидиус молчал.

— Э... ну что ж, — Фирбуш, который ожидал утвердительного ответа как чего-то само собой разумеющегося, ибо иное было в Кирхроде немыслимо, подобрался. А потом строго спросил: — Веруете ли вы в Творца нашего, Его едиnorodного Сына Иисуса Христа и непорочную Деву Марию?

Лапидиус выдержал взгляд священника.

— Я верю в Бога в его изначальной ипостаси, господин пастор. Он рождает чудо жизни и все непостижимое, что встречается нам каждый божий день в земле, в воде, воздухе и огне. Но если позволите, я бы тоже хотел задать вам вопрос. Знаете ли вы жену рудокопа Кёхлин и вдову Друсвайлер?

Фирбуш высоко поднял брови. Это были косматые, тронутые сединой патлы, которые часто встречаются у пожилых людей:

— Я уроженец Кирхроде. И все, кто может то же сказать о себе, знают друг друга.

— И какого вы мнения об этих двух?

— Какого я мнения? Особо близко я с ними не знаком, поэтому лучше промолчу. Как сказано в Заповедях Божиих: «Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна».

Что-то вроде такого ответа Лапидиус и ожидал. Поэтому он сделал шаг в сторону и указал на деревянную с резным терновым венцом церковную кружку:

— Какая прекрасная вещь! Сразу видно, сделана рукой мастера. — Послышался звон серебряных монет, высыпавшихся из рук Лапидиуса в кружку для пожертвований.

— Э... вы совершенно правы, совершенно правы. — Фирбуш сложил руки на упитанном брюшке. — А что касается Кёхлин и Друсвайлер, то могу поведать о них и доброе, и худое. Худое, во всяком случае, перевешивает. Обе не особенно ревностные прихожанки, так что временами меня беспокоит спасение их души. Жертвуют они тоже скупой, хотя люди говорят, что могли бы... — пастор сделал многозначительную паузу, — ...дать много!

— Что вы говорите? — Лапидиус понял, что слух о возросшем благосостоянии обеих свидетельниц дошел уже и до Фирбуша. Интересно, знал ли он источник доходов? — Как это может быть, чтобы женщины были в состоянии много жертвовать? — спросил он.

— Это одному Богу известно. А что известно Господу, не всегда сообщается его пастырям на земле. К добрым же их делам я могу причислить то, что обе вступили в борьбу с ересью, донеся о блуде с сатаной ведьмы Фреи Зеклер.

Лапидиус чуть было не вспылал, но сдержал себя:

— А они единственные свидетельницы этого блуда?

Фирбуш воздел руки горе:

— Это свыше нашего разума. Я всего лишь слуга Господа и благодарен любому голосу, поднятому против ереси. А почему вы не спросите самих женщин?

«Я бы с удовольствием, — с досадой подумал Лапидиус. — Да обе вруньи прячутся от меня, как крысы в норе. И у меня нет возможности вытащить их оттуда. И ни Крабиль мне в этом не помощник, ни советник, ни судья Райнхардт Мекель. Все они верят в то, во что хотят верить: Фрея ведьма. У каждого на то своя причина: глупость, узколюбость, высокоглядство. Может, даже зависть к ее юности. Или жажда денег, как у обеих свидетельниц. Но прежде всего это удобство, потому что гораздо проще принудить кого-то пытками к признанию, а потом сжечь на костре, чем дать себе труд доказать его невиновность. Поэтому я должен ей помочь».

Вслух он сказал:

— Не всякий обвиненный в ереси является еретиком. Так что можете упомянуть Зеклер и в ваших молитвах.

Пастор насторожился. Потом по его губам проскользнула улыбка:

— Можете быть уверены, я молюсь за каждую бедную душу.

— Есть одна душа, за которую вы еще не помолились. Я говорю о мертвой, которую пятнадцатого этого месяца нашли на Гемсвизер-Маркт. Теперь она покоится в земле. Имя ее Гунда Лёбезам.

— Что? О! Мертвая с рыночной площади! — Если Фирбуш и разозлился на Лапидиуса, виду он постарался не подать. — Гунда... как вы сказали?

— Лёбезам.

— Лёбезам? Никогда не слышал. — Снова кроткая улыбка промелькнула на лице пастора. — Только как вы думаете, господин Лапидиус, чем я занимался, когда вы вошли в церковь? Правильно, молился за умершую, чье имя, как вы теперь сказали, Лёбезам. Ну, да это к делу не относится, поскольку бессмертная душа не имеет имени. — Фирбуш простер руки к триптиху. — А где можно ревностнее молиться, как не перед этим великолепным произведением мастера Матиаса Готхарт-Нитхарта? Могу я предположить, что вам известны особенности триптиха?

— Можете, господин пастор, — Лапидиус все-таки был воспитан в христианской вере.

— Этот шедевр носит название «Триптих святого Габриеля», потому что на всех трех створках вы видите архангела.

Лапидиус рассмотрел складень. В средней части архангел был изображен один. Над его белокурыми локонами виднелась надпись: «*Angelus Gabrielus*». На левой створке он стоял коленопреклоненным перед Иисусом, предаваясь с ним тихой молитве, наверху текст: «*Angelus Gabrielus orat cum JFD*». На правой он пронзал трезубцем трех дьяволов у его ног, золотыми буквами было написано: «*Angelus Gabrielus necaret FS*».

Лапидиус почувствовал, что триптих завораживает его. Особенно правая створка, там, где дьяволы выпускали дух у ног архангела. Он не мог отвести от нее взор. Разумеется, латинский текст он легко перевел, только вот не знал, что обозначают сокращения в конце изречений.

— Скажите, господин пастор, что означают буквы «*JFD*» и «*FS*». Мне кажется, художник хотел загадать ими загадку.

Фирбуш рассмеялся:

— Загадку? Готхарт-Нитхарт? Что вы такое выдумываете? Знайте, что он решал задачу, как передать исконный смысл триптиха, а именно воплощения числа три во множественности повторений. Троекратное изображение самого архангела, утроение фигуры дьявола, трезубое копье и даже три строки соответствующих текстов на створках. Как вы, может быть, заметили, второе и третье изречение не убралось бы в одну строку. Готхарт-Нитхарт был щедро одаренным художником, но менее даровитым типографом. — Пастор встал на цыпочки и указал пальцем на комбинацию букв. — Смотрите, «*JFD*» означает «*Jesu Filio Dei*». Все изречение гласит: «Архангел Габриель молится с Иисусом, Сыном Божиим».

Лапидиус кивнул. Его больше интересовала правая створка:

— А это сокращение?

— Буквы «*F*» и «*S*»? Они подразумевают «*Filii Satani*», то есть «сыны дьявола».

— *Filii Satani*? — Лапидиус внутренне обмер. — То есть «Архангел Габриель убивает сынов дьявола»?

Он не мог бы объяснить, что конкретно, но что-то в этом речении несло зло. Непостижимым образом, и все-таки это было.

Фирбуш не заметил его оцепенения. Он еще выше приподнялся на цыпочках, его лицо побагровело, и не только от на-

пряжения, но и, как показали дальнейшие слова, от негодования:

— Нечто непостижимое произошло, господин Лапидиус, осквернение святыни, о котором я даже помыслить не мог! Страшное предзнаменование грехопадений! Вы только посмотрите, рука нечестивца обезобразила правую часть триптиха!

И действительно, шея архангела была обезобразена порезом, порезом, явно нанесенным ножом, который глубоко врезался в дерево, что создавало впечатление, что преступник намеревался расправиться с архангелом Габриелем.

— Да, вижу, вы правы. — Присутствие зла ощутилось еще явственнее, однако Лапидиус постарался отодвинуть это ощущение на задний план. Конечно, для такого варварства должна быть причина. Но какая? — Может быть, это произошло из-за жажды разрушения?

— Жажда разрушения? Сомневаюсь. Кто хочет испортить образ, идет до конца. Обливает его кислотой или поджигает. Нет-нет, думаю, дело в другом.

— Тогда, может быть, жажда мести? Возможно, преступник чувствует какую-то связь с «*Filii Satani*» и поэтому хочет смерти «*Angelus Gabrielus*»?

Фирбуш засопел.

— Мечь? Кто посмеет мстить ангелу? Известно, что таковой грешит перед Господом. Боже милостивый, только сам дьявол в человеческом обличье способен на такое!

— Или человек, возомнивший себя дьяволом, — задумчиво ответил Лапидиус.

Ему вспомнился смертельный разрез на шее Гунды Лёбесам. Была ли здесь связь? Убийцы, называющие себя «сынами дьявола» и поэтому вырезавшие на лбу корзинщицы буквы «FS»? А если да, то ясно, что эти буквы означают «*Filii Satani*», а не «Фрея Зеклер», как поняла толпа. Было это специально задумано? Или чистая случайность? Могут ли вообще быть такие случайности? У Лапидиуса гудела голова. И снова он почувствовал, что все еще не продвинулся дальше.

Лицо Фирбуша приняло свой изначальный цвет.

— Чтобы у негодаев, которые это сделали, руки отвалились! И дай Бог, чтобы их скорее поймали. Однако на способности нынешнего начальника стражи надежды мало. В свое время он осмотрел триптих, но с тех пор так ничего и не предпринял.

— Вы говорите о Крабиле?

— Именно о нем.

Лапидиус сидел у атанора и растирал застывшие ноги и руки. По дороге от церкви Святого Габриеля он попал под страшный град — ничего необычного в это время года, однако очень неприятно, когда ты легко одет, а голый череп защищен одной шелковой шапочкой. Огромные, с крупный горох, градины просыпались на него с неба, и уже через минуту он был насквозь вымокшим и продрогшим. Придя домой, он первым делом послал Марту, прибивавшую в лаборатории, за сухой одеждой, а сам разоблачился донага.

Жар печи согревал. всю жизнь он плохо переносил холод, а после лечения сифилиса у Конрадуса Магнуса стал еще более восприимчивым. Что-то все-таки в организме осталось после той заразы. Он наклонился, чтобы проверить, не высохла ли шапочка, которую он натянул на колбу и поставил возле огня. Результат его удовлетворил. Лапидиус снова надел привычный головной убор и сразу почувствовал себя лучше.

— Фрея! — крикнул он в слуховое отверстие. — Ты меня слышишь?

— Да, — послышался из глубины приглушенный голос.

— Нам надо будет поговорить.

Фрея молчала. Вместо ответа в дверь постучали. Должно быть, вернулась служанка. Стоп! Сейчас она войдет и увидит его в чем мать родила! Одним прыжком Лапидиус подскочил к двери и встал за ней, приоткрыв на узкую щелочку.

— Спасибо, Марта. Просунь мне одежду в щель.

— Угу, хозяин, а как...

— Все в порядке. Спасибо.

Он мягко, но решительно снова прикрыл дверь. Марта пробормотала что-то нечленораздельное, а потом удалилась, шаркая ногами. Вздохнув с облегчением, Лапидиус облачился в свежее, пахнущее натроновым мылом белье, натянул штаны и рубашку с кружевами, а поверх надел камзол с бесчисленными пуговицами. Снова почувствовав себя человеком, он сначала проверил, как топится атанор, нашел, что жар достаточен, и вслед за этим поднялся по лестнице в чердачный этаж.

В открытую дверцу лицо Фреи казалось серым и сморщенным. Два дня назад она жаловалась на раны во рту, и теперь

Лапидиус видел, что этот недуг принял еще большие формы. Язвы виднелись даже на внутренней стороне губ, отвратительные и опасные.

Он заставил себя не обращать на них внимания, пододвинул сундук и сел:

— Это я. Марта давала тебе пить?

— Да. У меня все болит.

— Я скажу, чтобы она сделала тебе отвар. Тертая ивовая кора утишит твою боль. Старое домашнее средство.

— Мне бы лучше из той бутылочки.

— Коричневой? С лауданумом? Нет, нельзя. Такие средства применяют только в крайнем случае. Чем чаще его давать пациенту, тем быстрее организм привыкает, и тем больше его придется давать, чтобы добиться того же действия.

— Да.

— Ты и так справишься. Скажи, ты не знаешь, как свидетельницы Кёхлин и Друсвайлер недавно враз разбогатели?

— Нет.

— Кто мог дать им денег?

— Не знаю.

— В самом деле не знаешь?

— Нет. — Ее голос звучал измученно.

— Ну ладно. — Лапидиус увидел, что так он тоже далеко не продвинется. Клеветницы в любом направлении подстраивали ему тупик. Но ведь у него есть новая ниточка: *Filii Satani*! — Ты слышала что-нибудь о «сынах дьявола»?

— Что? — Фрея, видимо, задремала.

— Извини, но это важно. «Сыны дьявола» — ты слышала, чтобы кто-нибудь так себя называл?

— Нет. — Она хоть и проснулась, но головы к нему не поворачивала, так что он не видел ее лица.

— Пожалуйста, подумай хорошенько. Это очень важно. Ты знаешь кого-нибудь с таким прозвищем?

— Нет.

— А *Filii Satani*? Может быть, так?

— Нет.

В это верилось с трудом. Если буквы «FS» на лбу Гунды Лёбезам могли означать равным образом и Фрея Зеклер и *Filii Satani*, то просто должна быть какая-то связь. Почему же Фрея ничего об этом не знает?

— Можешь ты, по крайней мере, вспомнить что-то необычное за последнее время? Что-то непривычное, не как всегда. Событие, встречу или еще что?

Фрея молчала. Лапидиус начал сердиться. У него складывалось такое впечатление, словно его проблемы — на самом деле, ее проблемы — были ей полностью безразличны.

— Раз не хочешь говорить, пойду вниз за бульоном.

— Там были глаза.

Лапидиус, уже стоя на одной ноге к лестнице, снова сел.

— Что?

— Пара глаз. — Она повернула к нему голову. — Странные глаза. Такие... застывшие. И голос с руками.

— Ты говоришь загадками. Что за глаза, какой голос, какие руки?

— Больше я ничего не знаю.

— Нет?

— Нет.

Лапидиус уж было приготовился списать это на лихорадочные видения больной, как вдруг снова возникло это чувство — чувство, что в дом вошло зло. Он решил попытаться еще раз:

— Но ты должна знать больше! Какого цвета были эти глаза?

— Не знаю. Никакого.

— Глаза обычно на лице. Как выглядело лицо?

— Его не было. Только глаза и голос с руками.

Лапидиус попробовал зайти с другой стороны:

— А что говорил голос? Что делали руки?

— Не знаю. Голос был... ласковый. И жесткий. Да, таким он был.

— А руки? Это мужские руки?

— Думаю, да.

— Как это «думаешь»? Их же видно!

— Нет... там было темно.

— Хорошо, значит, там было темно, — Лапидиус ухватил нить. — Это говорит о том, что была ночь, когда ты встрети-лась с этими глазами, голосом и руками? А где произошла эта встреча?

Он видел, как напряженно она думала, и ему стало ее жаль. Он знал, как это бывает, когда память играет с тобой злую шутку, когда мозг пытается что-то ухватить, и что-то вертится

на языке, но сказать ничего не можешь, потому что провалы в памяти ставят заслон.

Однако Фрея заговорила дальше:

— За городом это было, думаю. В горах. Голос был ласковый-ласковый. И руки показывали, куда мне идти. «В одно чудное тепленькое местечко», — говорил голос. Говорил и говорил. И я пошла. Сама пошла.

Лапидиус ощутил, как зло вокруг него сгустилось. Ощутил всей кожей, как оно угрожает ему. Но он не намерен был отступать. Он знал, что есть ощущения необъяснимые, однако имеющие огромное воздействие.

— Куда ты пошла? Глаза, голос и руки пошли с тобой?

— Да... кажется, да.

— А потом? Что было потом?

Она опустила веки, пытаясь лучше сосредоточиться.

— Нет... не знаю. Голос был там, и руки, но глаза исчезли. Красное, там было все красное. И все качалось, все колыхалось...

— А потом? Что было дальше?

— Не знаю. Потом я почувствовала какую-то пустоту. Ласковый голос исчез, и руки, все... Мне вдруг стало страшно. И я побежала. Я так еще никогда не бегала... сломя голову.. Я хотела к своей повозке. А когда ее нашла, прямо завyla, так я была ей рада.

— Итак, некто заговорил с тобой за городом, заманил в какое-то место, где все неким образом было красного цвета, — подвел итог Лапидиус. — Кто это был, мы не знаем, но думаю, все-таки человек, с глазами, руками и голосом. То, что ты видела лишь глаза и руки, могло зависеть от темноты. Возможно, еще и потому, что чужак носил черный плащ. Скажи, а кого-нибудь еще ты там не заметила? Вернее, никаких других рук и глаз?

— Нет.

— Ты уверена?

— Да.

— Ну, хорошо. Если я тебя правильно понял, сначала встреча была для тебя приятной, но позже все переменялось. Ты почувствовала пустоту, страх и, как ты выразилась, убежала сломя голову. Вот я тебя и спрашиваю, что происходило между приятным чувством и страхом.

— Я... я не знаю. По-моему, я между ними ничего не чувствовала.

— Хм. А потом ты побежала к повозке?

— Да.

— Как выглядела дорога, по которой ты бежала?

— Не знаю. Под гору я бежала. Все время под гору.

— Ага. Из повозки что-нибудь украли?

— Нет.

— Прекрасно. Значит, шли не за этим. А что было потом?

— Ничего. Продавала травы, как всегда. Два или три дня.

А потом пришел начальник стражи и сказал, что я ведьма. И меня — бах! — и отвели в тюрьму.

— Это был Крабиль?

— Да...

Она снова отвернулась. Он понимал. Она была слаба, измучена, страдала болями. И больше не хотела разговаривать.

— Сейчас я оставлю тебя в покое и позабочусь об отваре. Еще только один вопрос: пострадала ли ты физически после этой встречи? Э... я имею в виду... ты сама знаешь, что.

Правда, она ему уже говорила, что не помнит, были ли у нее половые сношения с кем-нибудь в Кирхроде. Но лишний раз спросить не помешает.

— Нет. Да... у меня был такой неприятный привкус во рту. Горький. Еле от него избавилась.

— Привкус, говоришь?

Лапидиус почувствовал возбуждение. Белена! Возможно, Фрею опоили, так же как Гунду Лёбезам. Если оно так и было, Фрея находилась в той же опасной ситуации, что корзинщица. Он наклонился и повернул ее голову к себе, чтобы заглянуть в глаза:

— Скажи, это был вкус белены?

— Я не знаю, — она хотела снова отвернуться, но он не дал ей.

— Но это ты должна знать! Ты же торгуешь травами!

— Ну и что. Я знаю только, как она выглядит. Никогда не пробовала. Жить мне еще не надоело.

— Ладно, извини, — он отпустил ее и выпрямился. — Пойду сделаю ивовый отвар.

Часом позже Фрея почувствовала облегчение. Марта проверила слой ртутной мази на ее теле и наложила известь в порошок на губы. Боли утихли, и пациентка крепко заснула.

Лапидиус радовался, что Фрея благодаря этому хоть на пару часов забудется от своей болезни. Он-то знал, что чаша ее страданий далеко не осушена. День клонился к закату. Он послал Марту спать и сделал вечерний обход по дому: проверил замки, задвинул засовы, запер окна. Со дня убийства Гунды Лёбезам в дом вошло нечто, чего он раньше не знал: чувство незащищенности даже в собственных четырех стенах. Он постарался сосредоточиться на работе. Но его мысли постоянно убегали в сторону. «Сыны дьявола» не выходили у него из головы. *Filii Satani*. Если они действительно существовали в человеческом обличье, то их должно быть трое — как на правой створке триптиха святого Габриеля. Три алтарных богохульника. И, возможно, трое убийц, которые свободно разгуливали по Кирхроде и следили за каждым его шагом. И смеялись себе в кулак.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ ЛЕЧЕНИЯ

Лапидиус раньше думал, что аптекари самые здоровые люди на свете, ведь у них всегда под рукой лучшие снадобья, но в это утро убедился, что это не так. Хероберт Вайт выглядел жалко. Обвислые щеки, мешки под глазами, складки вокруг рта, типичные для больного желудка. Кожа на лице желтушная, белки глаз тоже желтоватые.

Это были маленькие цепкие глазки, спрятанные за оправой очков.

— У меня дальновзоркость, — объяснил Вайт неожиданно хриплым голосом, после того как они друг другу представились. — И это сильно мешало мне в работе. Но с тех пор как я ношу шлифованные стекла, у меня зрение снова как в юные годы. Воистину это благо для нас, переступивших порог сорокалетия, а? Ха-ха! Но, как я посмотрю, вам очки еще не нужны, магистр?

Лапидиус хотел ответить, что, к сожалению, это не так, и ему они требуются, хотя бы время от времени, но передумал. Он чувствовал себя несколько задетым, поскольку сорока ему еще не было.

— Э... да. Я пришел вернуть вам аламбик. Он мне очень пригодился. Ваша жена была так добра одолжить мне его.

— Ну, конечно-конечно. Я в курсе. Просто я его не сразу узнал в корзине для яиц. Поставьте его туда, на полку, к граненым бокалам и чайной посуде. А теперь присаживайтесь.

Я всегда говорю, что аптека, в которой негде посидеть, не аптека вовсе, да? Ха-ха!

— Э... да.

Лапидиус натянуто улыбнулся и подумал, что Вайт может страдать чем угодно, но только не молчаливостью. Он был одним из трех аптекарей в Кирхроде, и его снадобья были не хуже и не лучше, чем у других коллег. Разве что и приобрело особую известность из его ассортимента, так это горькие пилюли — искусные шарики, которые он изготавливал с большой ловкостью и поразительной быстротой.

— Так что я могу вам предложить?

— Ну, я, собственно, заглянул из-за аламбика. Да, еще хочу спросить, нет ли у вас средства против начинающейся простуды?

Желтые глаза Вайта радостно блеснули:

— Да-да, весна — самое благоприятное время подцепить насморк, как я говорю. Надеюсь, насморк у вас еще не слишком сильный?

Лапидиус покачал головой. Он не чувствовал себя простуженным, хотя это было бы не удивительно после вчерашней прогулки под градом. Просто дело в том, что он не хотел сразу уходить. Аптекари такой народ, часто знают куда больше простого люда.

— Тогда я рекомендую вам настой липового цвета. Липовый цвет полезен при начинающейся простуде. Его бы надо называть «утоли-повый цвет», как я имею обыкновение говорить, ха-ха! Но лучше всего он действует в форме пилюль. Что предпочитаете, уважаемый магистр: вкус корицы, мяты или солодки?

— Ну, наверное, мяты.

Лапидиус не стал поучать аптекаря, что липовый цвет всему миру известен как прекрасное потогонное средство, и любая хозяйка держит в доме хотя бы пару унций. Марта тоже не была исключением, что уже пошло на пользу Фрее.

— Со вкусом мяты. Очень хорошо. Достаточно будет двух дюжин? Я приготовлю их быстро, не волнуйтесь.

— Э... да. Прекрасно.

На это Лапидиус не рассчитывал. Он полагал, что у Вайта уже есть готовые, а теперь волей-неволей придется сидеть и наблюдать весь процесс.

Аптекарь между тем уже начал отмерять маленькими весами измельченный в порошок липовый цвет. Эту массу он смешал со светлой глиной, душистыми веществами и капнул туда

несколько капель масла, чтобы она стала мягкой. Прodelывая все это, он болтал без умолку и комментировал каждый шаг. Под конец, добавив еще цветных спор какого-то растения, он сделал таинственное лицо.

Лапидиус пошел ему навстречу и спросил:

— А это что за блестящие ингредиенты?

— Ха-ха! Так я и думал, что вы захотите узнать. Однако каждый фармацевт имеет свои собственные рецепты, которые он ни за что не выдаст. И у меня есть секреты. Могу вам только сказать: пилюли творят чудеса! Есть у меня свояченица, которую в прошлом году душил кашель, месяцами. Ужасно это было, просто ужасно. И никто не мог ее вылечить, ни цирюльник, ни травница, ни медикус. В конце концов она пришла ко мне, и я посоветовал ей мои пилюли. Хорошо пропотеть еще никому не мешало. И что я вам скажу? Недели не прошло, как свояченица уже чувствовала себя что рыба в воде. Вот и спрашивается, а что же она не пришла сразу ко мне? Не хочется набиваться, но я всегда говорю: «Лучше спросить лишний раз, чем не спросить вовремя»...

— А что вы делаете сейчас?

Проворные пальцы Вайта раскатали тонкие длинные колбаски, которые он уложил поперек на ребристую дощечку. Заводя на нее резательную дощечку, он объявил:

— Видите, вот начальная форма пилюль и готова.

На самом деле, в этом процессе уже образовались несколько дюжин маленьких кубических комочков, которые Вайт проворно выбрал из бороздок.

— Могу заниматься этой работой часами и, чтобы отдать должное истине, делаю это часто. Разумеется, не только с липовым цветом. Чаше я перерабатываю мандрагору, шпанскую мушку и растертый в порошок козий рог, то есть *aphrodisiacum*, средство, возбуждающее половую деятельность сильного пола, ха-ха! Вы представить себе не можете, как трудно бывает подчас подступиться к этим субстанциям. Ну, соответственно я беру и плату. Поверьте, только такие богачи, как бургомистр, судья, господа советники, медикус и некоторые из крупных торговцев, могут себе позволить регулярно заказывать такие пилюли. Однако не поймите, что я утверждаю, будто они это делают, боже упаси! Ха-ха! А как у вас с этим, если позволено будет спросить? Вас это интересует? Могу сбавить вам в цене.

Лапидиус не ответил. Но его взгляд выразил все.

— Я только спросил! — Вайт разложил пилюли в формочку и принялся ладонью делать по ним вращательные движения. Таким образом возникли маленькие, круглые, на удивление ровные шарики.

Лапидиусу пришла в голову мысль. Если аптекарь не считал зорным задавать ему бестактные вопросы, то и он может сделать то же самое.

— Действие этих дорогих пилюль ведь... э... деликатного свойства, — сказал он. — А случалось так, что вам приходилось самому относить их покупателю? Например, в вечерние часы?

Вайт, который собирался пересыпать шарики в установку для нанесения покрытий, остановился.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, это, по крайней мере, было бы объяснением, почему я не застал вас вечером пятнадцатого. К моему величайшему сожалению, должен добавить.

— Э... пятнадцатого? Ах да, конечно. В пятницу, ха-ха! Именно так оно и было.

Лапидиус подумал, что надо быть круглым дураком, чтобы не заметить: аптекарь врал. Может быть, он был у любовницы или в компании приятелей.

— А может, и в вечер накануне вы были заняты тем же?

Лапидиус имел в виду, что в ночь с четверга на пятницу произошло убийство Гунды Лёбезам. Вайт, конечно, не выглядел как убийца, но дьявол имеет много обличей, а мертвая пахла беленой, растением, которое он, без сомнения, продает. Аптекарь насыпал в устройство толченой мяты, закрыл его колпаком из самшитового дерева и начал производить круговые движения, чтобы частички мяты смешались с поверхностью шариков.

— Вечером накануне? Не помню. Вот ваши пилюли. Готово. — Он отсчитал две дюжины в баночку.

— Спасибо. Сколько я вам должен?

Вайт заломил непомерную цену, но Лапидиус заплатил, не моргнув глазом. Он взял баночку, поднялся — и тут же сел снова. Еще кое-что пришло ему на ум.

— Мне бы немного белены.

— Белены? — Вайт надул обвислые щеки. — Для чего?

— Мне надо немного.

— Количество зависит от того, на что вам надо.

— Разумеется, — его пробил пот, но он быстро взял себя в руки. — Ну, почему бы вам это и не сказать. Она мне нужна для молодой женщины, которая с недавних пор обитает под моей крышей. Об этом и без того уже говорит полгорода. Она нездорова. Я хочу ей помочь.

— Беленой? Это растение, которое называют также «чертов глаз», может отпускаться только в мизерных количествах. Тогда оно безобидное наркотическое средство. При больших дозах наступает смерть. Вам это известно?

— Да, разумеется.

— Хорошо. Я дам вам небольшую дозу. Вы сказали, женщина нездорова. Что с ней? Врач осмотрел ее?

— Ах, ничего серьезного. Полагаю, женские дела. Однако слишком обильно. Она говорит, привыкла к белене, та ей поможет. — Лапидиус очень надеялся, что его ложь не так явно написана на лице, как прежде у собеседника.

Вайт протянул ему с наперсток мелко помолотой белены.

— Фрея Зеклер зовут женщину, да? Я знаю ее. Она ведь торгует травами? Значит, могла к белене и привыкнуть. Больная может говорить?

— Она говорит мало. Сколько с меня за травку?

Вайт махнул рукой:

— Ничего. Но скажите женщине, что при ее самочувствии разговоры на пользу не идут.

Лапидиус кивнул и откланялся. Когда за ним захлопнулась дверь, у него было такое ощущение, что Вайт пристально смотрел ему вслед.

С двумя баночками в руках — одна для пилюль, другая для белены — Лапидиус шел размеренным шагом домой. Он посещал Вайта, чтобы вернуть ему аламбик, но втайне надеялся использовать эту оказию, чтобы что-нибудь еще выяснить. И теперь размышлял, насколько его надежда оправдалась. Аптекарь, без сомнения, человек примечательный. Человек с двумя лицами: с одной стороны, болтливый, беззаботный, даже простоватый, а с другой — умеющий владеть собой и всегда настороже. Метаморфоза — Лапидиус точно помнил — произошла, когда он спросил, был ли Вайт в вечер накануне убийства дома. Что он ответил? «Вечером накануне? Не помню» —

и отдал ему пилюли. Как это человек прекрасно помнит, что делал в пятницу, и не знает, где был в четверг?

И еще какое-то несоответствие, которое он чувствовал, но не мог сформулировать. Он долго размышлял, и, наконец, вот оно! Под конец Вайт сказал: «Скажите женщине, что при ее самочувствии разговоры на пользу не идут». Это могло быть добрым советом, потому что любому больному много говорить не следует. А могло быть и совершенно противоположным — угрозой. Да, угрозой. А если это было так, то, возможно, Вайт боялся, что Фрея выболтает нечто, что может ему навредить? Ему и другим?

Постой-ка, был еще кто-то, кто выражался похоже. Горм, когда колол у него дрова. «Не хорошо говорить... для здоровья», — сказал тогда он.

Лапидиус остановился. Мысли бурлили в его голове. Вокруг Фреи повисла тайна; она пережила вещи, о которых могла вспомнить лишь отрывочно. Глаза, руки, голос и красный цвет играли при этом значительную роль. Весь вопрос в том, что произошло в эти провалы ее памяти? Бесчестный поступок, совершенный такими людьми, как Вайт?

Может ли Вайт быть одним из *Filiis Satani*?

Лапидиус тяжело вздохнул и зашагал дальше. Его фантазия разбушевалась. Вайт, пилюльщик, мог быть двуличным, но не убийцей.

Или все-таки?

— Попробуй этот препарат, — Лапидиус сидел на корточках подле открытой жаровой камеры и протягивал Фрее на кончике пальца белену. — Просто лизни. — Он намеренно не хотел ей говорить, что это такое.

— Что это?

— Просто лизни.

Она выполнила его просьбу и тут же сморщилась.

— Знаю, горько. Напоминает тебе этот вкус что-то?

— Нет.

— Ладно, — он занял свое место на сундуке. — Может, надо немного подождать, пока не придет послевкусие.

Фрея подвигала белыми от известкового порошка губами:

— Кажется... я знаю, что это! — воскликнула она чуть погодя. — Противный вкус с того вечера, когда я бежала к повозке... после тех глаз и рук.

Лапидиус дал ей немного воды, чтобы прополоскать рот.

— Это белена, — сказал он, и в его голосе слышалось возбуждение. — Доказательство найдено! Тайнственные руки, к которым относились и те глаза, и голос, погрузили тебя в дурман, на какое-то время помутивший твой разум. И все-таки: одно это еще не объясняет, почему у тебя в памяти провалы.

Она пожала плечами.

Снова закрывая дверцу, Лапидиус обдумывал, как бы подстегнуть ее память. Он чувствовал: если воспоминания вернуться к ней, он узнает, какая закулисная сила стоит за всем этим злом. Кто изнасиловал и убил Гунду Лёбезам, кто подбил свидетельниц на ложный донос.

— Я должен передать тебе от аптекаря Вайта, что тебе вредно разговаривать.

Она посмотрела на него удивленными глазами, и он увидел, что она ничегошеньки не поняла. Тогда он попытался еще раз:

— Разговоры на пользу здоровью не идут.

— А, — сказала она, — я знаю аптекаря. Продавала ему травы, это же мое ремесло. Он мне не больно-то нравится. Какое ему дело до моего здоровья?

— Да, ты права. Оставим это. Попозже я еще зайду к тебе.

Лапидиус запер камеру, склонив голову, спустился вниз и прошел на кухню. Марта стояла у плиты и толкла перец для морковного супа.

— Пахнет соблазнительно, — сказал он, ожидая, что она порадуется похвале.

Но она даже не улыбнулась.

— Пока сготовлю, щё уйма времени. Можя, покамест хлеба с маслицам, хозяин?

— Марта, Марта, что с тобой? — противу обычного он обнял служанку за плечи и встряхнул ее. — С тех пор как эти две бабы побывали здесь, тебя словно подменили. Ты больше не поешь за работой, не выходишь поболтать с соседками и смотришь так, будто тебя какая-то муха укусила. Что с тобой?

Служанка отвела глаза в сторону:

— Ничё, хозяин. Ничё, так, бывает.

— Можешь поклясться?

— О Боже, Боже, хозяин, супец не сготовится, коли буду стоко болтать, — Марта высвободилась из рук Лапидиуса

и отошла к столу, где срезала с ломтя хлеба жесткую корку и густо намазала ломоть маслом.

— Вот, хозяин, покушайте покамест.

Лапидиус сел, отломил кусок и отправил его в рот. Марта снова суетилась у плиты. Он рассматривал ее белоснежный крахмальный чепец. Что происходит в голове под ним? Служанка вела себя странно, и этому могло быть только одно объяснение: она напугана. Так же, как и Фрея, которую хотят возвести на костер. Если Фрея в опасности, то и тот, кто ее укрывает, тоже. То есть он, Лапидиус. Он судорожно проглотил чересчур большой кусок, подавился, откашлялся и попытался собраться с мыслями. Белена. Она перекидывает мостик от Гунды к Фрее. Обеих одурманивали беленой. Из тех же рук? На том же месте? Гунда к тому же была изнасилована, а Фрея не знала, случилось ли с ней это, поскольку на какое-то время ей отказывает память. Но возможно, есть и другие параллели между тем, что произошло с обеими женщинами?

— Марта!

— Да, хозяин?

— Вот ключ. Сходи наверх и проверь слой мази.

— Чё? Пошто? Вчерась мазала.

Лапидиус повторил в более резком тоне:

— Поди наверх и проверь мазь. Особенно на спине.

Марта пробурчала что-то себе под нос и продолжала мешать в горшке.

— Не могу ведь то и дело смотреть за ней, я здесь служанка али кто? Супец готов.

— Марта, довольно! Делай, что говорю!

— Ладна, хозяин, ладна, коли так. — Она наполнила тарелку и поставила ее на стол. — Уже иду.

Лапидиус съел первую ложку супа и тут же обжег язык. Он зачерпнул вторую и подул. Суп имел ароматный дух каротели и острого перца, все, как он любил. Однако сейчас он не мог оценить его по достоинству, в ожидании того, какую весть принесет ему Марта. Наконец, она появилась на лестнице: сначала ноги в деревянных башмаках, потом широкая юбка с передником и только потом вся целиком.

— Ты сделала, что я велел? — весь в напряженном внимании спросил Лапидиус.

— Да, хозяин.

— И что? Тебе не бросилось в глаза что-нибудь необычное на спине?

— Чё, хозяин?

— Да или нет? Не томи меня!

— Не-е, хозяин.

— Никаких ран, никаких синяков, ничего?

— Не-е, хозяин, ничё. Поди токо парочка пролежней.

— Замечательно, Марта. Верни мне ключ.

Лапидиус откинулся на спинку стула. У Гунды на спине были гематомы. У Фреи ничего такого нет. Значило ли это, что над ней не надругались?

— Хорошо, Марта. А теперь занимайся своими делами.

Вместо ответа служанка дико закричала. Оглушительный раскат грома потряс весь дом до основания.

Гроза! Они оба и не заметили, как она напозла на Кирхроде, объяла его тьмой, посылая на землю громы и молнии.

Марта, которая с детства испытывала перед грозой необъяснимый ужас, упала на колени и зажала уши руками:

— О Боже, Боже, хозяин, энто конец! О-Боже-Боже-конец-конец!

Глаза, у которых были голос и руки, смотрели с сознанием силы на женщину, распростертую на полу.

— Ты не боишься грозы. Не боишься грозы! Сегодня не боишься, и завтра, и никогда больше. Ты не боишься грозы.

Лицо прекрасной юной девы приняло умиротворенное выражение.

— Так хорошо. Тебе хорошо... хорошо... ты не боишься грозы. Ты радуешься ей. Гроза — это хорошо, хорошо, хорошо...

Девушка совсем успокоилась.

— Хорошо. Теперь с каждым блеском молнии будешь кричать: «Я радуюсь грому!.. Я радуюсь грому!» Именно так будешь кричать: «Я радуюсь грому!»

Глаза изучали девушку, на лице которой проявилось ожидание. И когда следующий разряд молнии слабо осветил тайное место, она, не колеблясь, закричала: «Я радуюсь грому!»

Во время мощного раската она улыбалась, словно лежала на залитом солнцем лугу, а не на жестком камне.

— Так, хорошо, — похвалили глаза.

Первый сын дьявола был собой доволен. Женщина у его ног была воском в его руках, так, как он любил. И что уже не раз проделывал. С другими женщинами. Всех их он подчинил своей воле, своему господству, чтобы потом взять их. Его помощниками были Второй и Третий сыны дьявола, каждый сам по себе ничтожество, но каждый на свой лад полезен. Их только надо держать на поводке, чтобы следовали его примеру, и это он делал. Ритуалом — и наградой в конце.

Первый сын дьявола хихикнул про себя и начал песнопение из драматично звучащих клятв. Железный горшок дымился на огне. Мутно-зеленое зелье было готово. Он даст женщине необходимую порцию, чтобы усилить действие силы его глаз. Это важно, чтобы не случилось того, что произошло с Фреей Зеклер. Он подумал, что одного его влияния будет достаточно, и дал ей малую дозу — и просчитался. Фрея Зеклер освободилась от его силы и сбежала. Но эта от него не убежит. Сеть для жертвы почти сплетена. И последняя смертельная петля будет закончена еще этой ночью.

Женщина перед ним пила послушно и с готовностью ожидала его приказов. Она их получила. В манере, которую он оттачивал годами: спокойно, ласково, с многократными повторами. Заораживать помогали и руки.

И вот она лежит у его ног, нагая, широко расставив ноги. В свете пламени манит глубина ее лона. Возбуждение охватывает его. Эта женщина хочет, чтобы он взял ее, здесь, сейчас же. Он знает. Но не торопится. Тем грандиознее будет восторг потом, когда он овладеет ею. Как тогда, у той женщины, что годами жаловалась, будто не может ни ночи заснуть из-за оглушительного стрекота цикад за окном. Но она теперь спит спокойно. Он сказал ей, что с этого момента она не будет слышать ничего... конечно, ничего... конечно, ничего, потому что больше нет никакого шума... Наутро она заверила его, что не слышала ни звука. Хотя цикады трещали, как и прежде — все соседи их слышали.

Однако не все женщины подчинялись силе его глаз. А из тех, что подчинялись, не все были того сорта, что охотно возлегают с мужчиной. Тогда он был бессилен. Совсем другое дело здесь...

Он возьмет женщину, а Второй и Третий сыны дьявола под конец последуют его примеру. Они спляшут вокруг жертвы Люцифера, а потом он, поскольку это только его привилегия,

снимет маску и сунет нос в подмышки и другие дивные впадины и отверстия на женском теле. Он один упьется ароматом юности. И будет наслаждаться, пока не придет час ее убить. И вместе они будут пить ее кровь, прямо из горла...

Но сначала она должна послужить ему, ему и его похоти. Он залез на женщину. Дрожь предвкушения пробежала по его чреслам. И в тот момент, когда он с силой ворвался в нее, ритуальное место осветила вспышка. Молния! И жертва возликовала: «Я радуюсь грому!»

ДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ ЛЕЧЕНИЯ

— Тир-ли-ли... тир-ля-ля... «Квершлаг» моя судьба-а-а...

И снова старый Хольм загулял в своем любимом трактире, да так долго, что у добродушного Панкраца кончилось терпение и он выставил горького пьяницу за порог, на этот раз без утешительного глотка пива.

Светало.

— Тир-ли-ли... тир-ля-ля... — Хольм, который направил стопы на Шелленгассе и дальше из города, снова очутился на Кройцхоф. — Ух ты, ик, — он прислонился к углу какого-то дома. — Нне так уж... я и пя... пян! Здсь дл... длжна быть ше... шш... Шеленгассе, пръклятье! — С безумным взором он, шатаясь, потопал дальше, как раз в противоположном направлении, и забрел на Бётттергассе. Тут, осилив еще пару шагов, он потерял равновесие, и снова ему помог угол дома. Медленно в его затуманенном мозгу забрезжило осознание, что он напроць заблудился. — Я... ик... зпл... заплутал. — Он начал беспомощно озираться. И лучше бы этого не делал, потому что от этого движения все вокруг завертелось и он грохнулся прямо задницей о мостовую. — Ой-ё-оо!

Хольм потряс головой, словно мог таким образом вытрясти алкоголь из ушей, и поднял глаза вверх — прямо на женскую голову. Он поморгал и хрюкнул, потому что там, где у женщин было тело, была дверь. Ого-го! Он снова помотал головой и отважился на второй взгляд. И то, что он увидел на этот раз, бы-

ло так ужасно, что он отшатнулся назад и ударился головой о брусчатку. Благословенный обморок пришел ему на помощь.

Лапидиус стоял посреди Гемсвизер-Маркт. На этот раз здесь было столько народу, что перехватывало дыхание. Повсюду стояли лотки, на которых предлагались на продажу ртутная мазь и пилюли с липовым цветом. Море мази и пилюлей. А посередине стоял Вайт и ловко управлялся с разным фармацевтическим инструментом. Аптекарь? На рынке?

У следующей повозки Лапидиус повстречался с ним снова. Не может быть! Не мог же Вайт раздвоиться? И все-таки это было так. Второй Вайт держал в руке пучок белены и беспрерывно кричал: «*Hyoscyamus niger, Hyoscyamus niger!*»* Третий Вайт размахивал аламбиком и указывал им на Лапидиуса. Его лицо исказила гримаса ненависти. «Это Фрея Зеклер, ведьма! — кричал он. — Ведьма, ведьма!»

Лапидиус оцепенел, хотел разъяснить недоразумение, но аптекарь уже злобился дальше: «У нее сифилис, люди, неизлечимая зараза, вторая чума, французская болезнь! Спасайтесь!» Прямо перед остолбеневшим Лапидиусом он натянул себе аламбик на голову и смотрел через стекло выпученными жабыими глазами. «Защитим себя от ведьмы!» — снова крикнул он, и крик подхватили остальные рыночные торговцы. Голоса их звучали странным образом приглушенно, должно быть, из-за аламбиков, ибо теперь все натянули себе такие же на головы и орали изо всех сил: «Ведьма, ведьма, ведьма!»

Лапидиус, стараясь выдержать натиск, закричал: «Нет, нет, нет!» — и проснулся от собственного крика. Он был весь в поту и тем не менее испытал облегчение. Жуткая сцена была только сном. Он находился в своей постели, а не на площади. А Вайт, аптекарь, и знать не мог, что Фрея больна сифилисом. Во всяком случае... Он прислушался. Голоса все еще были здесь. «Ведьма, ведьма, ведьма!» — катилось по Бёттергассе, и это, без сомнения, сном не было.

Он вскочил с постели, бросился к окнам в передней и тут же отпрянул назад. Десятки людей толпились в узкой улочке и беспрерывно выкрикивали клеймо Фреи. Лапидиус увидел лица, в которых больше не осталось ничего человеческого, од-

* *Hyoscyamus niger* (лат.) — черная белена.

ни кровожадные глаза да протянутые к его дому руки, рты, напоминающие провалы пещер. Им овладел страх. Голый страх. «Ведьма, ведьма, ведьма!»

Отдельные рты голосили уже нечто иное: «Коли ведьму, коли ее!» Клич тут же распространился. «Коли ее! Вытаскивай и коли! Вытаскивай и коли ее..!»

Он поспешил назад в лабораторию, где стоял тяжелый ящик с образцами пород, с неимоверным усилием выволок его в переднюю и забаррикадировал дверь. Он знал, если его пациентку схватят, ее уже ничто не спасет. Разъяренная толпа истреплет все ее тело в поисках нечувствительного к боли места, которое, по народному поверью, есть у каждой ведьмы, как метка, оставленная самим Люцифером. Метка якобы невидимая, поэтому мнимую полюбовницу Сатаны будут колоть так долго, пока это место не обнаружится. А если паче чаяния такого места не окажется и ее невинность будет доказана, мертвой уже будет все равно. «Какое зверское испытание! — с содроганием подумал Лапидиус. — Ни на йоту не уступает жестокости в камере пыток».

В спешке он оделся и крикнул в слуховое отверстие:

— Фрея, Фрея! Слышишь меня?

— Да, — глухо послышалось в ответ. — Что там за шум?

— Чернь! Толпа вышла на улицу. Хотят добраться до тебя! Тебе надо бежать! Попробуй выбраться из жаровой камеры и... и... — мысли метались, — ...и беги задом из дома! Через соседние дворы! Марта уже спасается бегством, я видел ее в этом направлении. Ради Бога, поторопись!

— Я... Я не могу, я...

— Ты должна!

— Нн... нет, не выйдет!

— Ну, ну... ладно. Не волнуйся. Я успокою крикунов.

Он снова поскакал к окну в передней, одним рывком распахнул его и бесстрашно бросил взгляд в бушующую толпу:

— Люди! — закричал он. — Люди, одумайтесь! Что вы...

Удар кулаком пришелся ему прямоком в грудь. Толпа загорланила:

— Ведьмин полюбовник! — Раздались вопли и хохот. — Ведьмин полюбовник! Ведьмин полюбовник!

К нему потянулись руки, хватали за одежду, ногтями старались расцарапать лицо. Он защищался, отталкивал нападав-

ших. Посреди бьющегося в иступлении сброда он распознал свидетельниц Кёхлин и Друсвайлер. Они тянули шеи и орали вместе со всеми что есть мочи.

— Погодите, мегеры, настанет час, за все заплатите! — пробормотал он.

Пока он глазами, полными гнева, следил за разгулом, толпа разделилась на части. Стало видно пастора. Он размахивал руками и кричал что-то, чего нельзя было расслышать.

— Пастор Фирбуш! Пастор Фирбуш, успокойте же людей! Сделайте что-нибудь!

Но пастор его не слышал. Он и сам был игрушкой в руках неведомой силы. А там, слева! Это же Крабиль, начальник стражи! Он стоял перед своим домом и ни шатко ни валко старался сдерживать толпу. Почему он не принимает никаких мер? В море рук появились орудия: камни, палки, дубины. Какой-то верзила притащил топор и, как полоумный, колошматил им по дверному замку.

— Стойте! Стойте! Прекратите!

Еще один удар кулаком попал Лапидиусу в лицо, его голова откинулась в сторону. Он чуть не потерял сознание. Грубая ручища схватила за воротник, пытаясь вытащить его наружу.

— Ведьмин полюбовник! Ведьмин полюбовник!

Он ударил в ответ, но не попал. Немного погодя ему удалось отбиться от рук, мелькавших перед ним, как паучьи ноги, он отпихнул их и захлопнул окно. Скула болела, удар оказался сильным. Однако на жалость к самому себе времени не было. Под напором тел входная дверь уже вогнулась внутрь. Со страшным металлическим грохотом замок разлетелся на части. Парень с топором сделал свое дело. Лапидиус навалился на ящик, чтобы удержать дверь, но напрасно. Напор толпы был слишком силен, дерево не устояло. Вал человеческих тел ворвался в дом и отбросил его. Уже лежа на полу, он чувствовал пинки и удары, а потом внезапно его обступила тьма.

Когда он пришел в себя, толпа схлынула. В доме воцарилась необычайная тишина. Дверь висела на одной петле. Лапидиус ощупал скулу и конечности. Все болело, но, слава Богу, ничего не сломано. Он с трудом поднялся на ноги и огляделся. Ящик перевернут, его содержимое раскатилось по всей передней. Киноварь, кусочки серы, кварц, свинец и рудоносные породы пестрели вокруг. Хорошо, что и они не были

повреждены, их нужно просто собрать. Успокоенный, он бросил взгляд вглубь, в лабораторию, и с его губ сорвался крик. Того, что он видел, не могло быть. Не должно было быть! Его взору предстал полный хаос, бедлам из керамических черепков, осколков стекла и щепок — жалкие останки его опытных установок! Лабораторный стол лежал на боку. Полки сорваны. Единственной уцелевшей вещью было его любимое кресло. Лапидиус почувствовал потребность присесть, но только сел, как ему пришла на ум Фрея. Где она? Удалось ли ей спастись?

Он заторопился вверх по лестнице. На втором этаже царил та же картина: кавардак из перевернутой мебели, вытащенные ящики шкафов и комодов, разбросанные вещи. Он бросился выше, на верхний этаж. Заслонка была открыта и жаровая камера — пуста. Он обыскал каждый уголок, заглянул во все щели и наконец вынужден был себе признаться, что поиски напрасны. Лапидиус ничего не понимал. Удалось Фрее спастись? Или чернь вытащила ее из камеры, пока он был без сознания? Второе казалось более вероятным. Ее вытащили и определенно уже закололи до смерти.

На ватных ногах он спустился к себе и упал в любимое кресло. Что за бес вселился в толпу? Они ведь уже давно знали, что Фрею ошельмовали ведьмой. Откуда такая внезапная агрессивность? И то, что она жила под его крышей, всем давно известно. Да, люди драли глотки, но они всегда это делают, и это никак не объясняет, почему они ворвались в его дом.

Надрывное рыдание прервало его размышления. Марта стояла в дверях на кухню, совершенно не в себе.

— Дак как жа, хозяин? Да как жа энто? Щё бы чуток и меня бы тожа на закляние. Как порося, право, как порося! А чё я'м сделала? Ничё, Бог свидетель, ничё! Я ить бочком-бочком, через Тауфлибов двор, да и с глаз долой, о Боже, Боже! А они ить меня хотели как порося, истинно как порося! — Марта закрыла лицо руками.

— Ладно, Марта, ладно. — Лапидиус был все еще слишком погружен в себя, чтобы осмысленно ответить ей. — Ладно, ладно, Марта, — твердил он и, не понимая, что видит, глазами следил за фигурой, двигавшейся позади Марты.

Горм.

— Фрея хорошо? — спросил колосс.

Лапидиус был ошеломлен. Что снова надо подмастерью Тауфлиба в его доме? Уже в третий раз он появлялся без всякой видимой причины.

— Фрея хорошо?

— Да, надеюсь, с ней все хорошо.

Лапидиусу даже думать не хотелось, что могло приключиться, если толпа обнаружила, что у Фреи «французская болезнь». Симптомы стали так ярко выражены, что каждый полузнайка смог бы их определить. Например, пастор. Или Крабиль. Или Вайт, аптекарь. Лапидиус вцепился в подлокотники кресла так, что костяшки пальцев побелели. Он должен ее найти, прежде чем произойдет несчастье! Но где искать? Кирхроде слишком велик. А даже если и удастся найти, время, определенно, уже ушло.

— Посмотреть!

— Нет, она сейчас спит. — Непонятно по какой причине Лапидиус умолчал, что Фреи нет. Может, потому что сам не хотел в это верить. — Лучше уходи. Время еще рабочее, не думаю, чтобы мастер освободил тебя от дел.

— Грм, грм, — подмастерье напряг мозги. Наконец, слова Лапидиуса вроде бы дошли до него. Он развернулся и протопал через кухню к задней двери и дальше во дворик, где, продравшись через заросли смородины, исчез на дворе Тауфлиба. Лапидиус пощупал скулу. Марта напомнила о себе:

— Болестно, хозяин? Мне чёй-то сделать? Али поперед наверх, к Фрее?

— Нет! — Лапидиус задержал дыхание. — Все равно уже ничего не поделаешь. Приберись вначале в лаборатории. А я займусь образцами камней, разбросанными по передней. Их надо разложить по порядку. С этим тебе не справиться. Потом, пожалуй, снова придвину ящик к двери, чтобы не ворвались незванные гости.

— Угу, хозяин.

— А как закончишь с уборкой, приготовь нам что-нибудь подкрепиться.

— Ага, хозяин, все сделаю.

Лапидиус погрузился в размышления, пока Марта суежилась вокруг с веником и совком. Через некоторое время он почувствовал беспокойство. Встал, прошел в переднюю и начал рассортировывать камни. На улице порой появлялись зеваки,

с опасливым любопытством пялились на его дом и совали нос в дверь. Лапидиус не обращал на них внимания. Он обдумывал, правильно ли сделал, что не бросился на поиски Фреи. Если она была растерзана, то, скорее всего, прилюдно, на площади, куда сбегаются посмотреть все, кому не лень. А таких площадей в городе немного. Наверное, надо было пойти.

У него из рук выпал образец и с грохотом завалился в глубины ящика. Он наклонился. Снова раздался грохот. Как же так? Ведь он уронил только один камень. Должно быть, звук шел из другого места. И опять громыхание! Он понял: шум долетал с верхних этажей. Неужели кто-то из преследователей спрятался в доме? Он зажал в кулаке подходящий камень и помчался вверх по лестнице, перемахивая через ступеньки. С яростной решимостью больше не позволить захватить себя врасплох, он взлетел в чердачный этаж — и угодил в облако пыли.

Пыль поднималась из жаровой камеры. Никого не видно. И тут до его слуха донеслось слабое покашливание. В два прыжка он очутился у раскрытой дверцы.

— Они ушли? — спросила Фрея.

— Боже милостивый! — все, что смог произнести Лапидиус. — Боже, где ты была?

Фрея молчала. Она лежала, скорчившись, на боку, лицо и белокурые волосы едва видны из-под слоя пыли, покрывшей ее.

— А я уж думал, новый набег. Да где же ты была?

Она немощно повела рукой вверх:

— Под крышей.

— Под крышей? Но как...

— Я не могла убежать. С ума сошла от ужаса. Тогда залезла за стропила, — ее губы едва шевелились.

— Господь всемогущий! — Лапидиус понял, что чуть не совершил роковой оплошности, самой страшной в своей жизни. По тепловому каналу он крикнул ей, чтобы она выбиралась из жаровой камеры и бежала — а сам забыл, что заслонка закрыта. Заперта самолично им.

— Думала, все, пришел мой час, — простонала Фрея. — Тогда и залезла наверх, сама не знаю, как.

— Слава тебе Господи!

— Они сломали замок и все совали сюда головы. Плюнуть — в кого-нибудь попала бы, столько их было. Только я даже не шевелилась. Затаила дыхание и молилась.

— Я настоящий болван! Думал, смогу разыграть благородного рыцаря и спасти тебя от набежавшего сброда. И это вышло мне боком. — Лапидиус подтащил к дверце сундук. Он был обит железом и поэтому уцелел. Тяжело опустил на него.

— Не хотела слезать до темноты. Но больше не выдержала, свалилась.

Последние слова Фрея едва выдохнула. Все ее тело содрогнулось, не сразу до Лапидиуса дошло, что она тихо плачет. Слезы скапливались в уголках глаз и оставляли мокрый след на покрытом пылью лице.

— Боже, ты сильно ушиблась? Ничего не сломала?

Слезы продолжали течь, но она отрицательно покачала головой.

— Надо... надо что-то делать, — запинаясь, пробормотал он. — Марта! Марта, ты меня слышишь?

— Да, хозяин. Чё дак? — пришел снизу ответ.

— Немедленно принеси воды для умывания, мыло и полотенца. И колодезной воды. И отвар. И ртутную мазь. И порошок извести.

Несмотря на слой пыли, Лапидиус заметил, что язв вокруг рта Фреи еще добавилось. Определенно и в ротовой полости их стало больше. Из рта дурно пахло, показатель того, что из организма выделяются вещества, вызванные болезнью.

— Дак я щё здесь не кончила, хозяин!

— Брось все!

Лапидиус еще раз повторил, что ему нужно. Однако пришлось набраться терпения, прежде чем все необходимое оказалось на верхнем этаже. Марта ходила туда-сюда трижды, поскольку каждый раз что-нибудь забывала. Лапидиус не сердился на нее. После всего, что она пережила, это было не удивительно. Наконец, служанка принесла все, теперь он мог дать указания. Вначале Фрее надо как следует прополоскать рот, потом выпить воды и отвара, затем необходимо обмыть ее с ног до головы и заново втереть мазь. На внешние язвы нанести двойной слой известкового порошка. И еще кое о чем он вспомнил: следует сменить солому в тюфяке.

Когда он отдал распоряжения, ему не оставалось ничего, как только спуститься вниз, поскольку приличия не позволяют видеть обнаженную женщину. Уходя, он пообещал Фрее,

что вечером зажжет ей, как обычно, масляную лампу, и зашагал по ступеням.

Спустившись в переднюю, Лапидиус еще с полчаса раскладывал камни в ящике. Закончив, он придвинул ящик к двери. Снова мимо дома прошла компания, глазеющая на него. Лапидиус махнул рукой на ротозеев, повернулся к ним спиной и отправился в лабораторию. Сердце сжалось, когда он увидел опустошенное помещение. Марта почти закончила уборку к тому моменту, как он позвал ее. Лабораторный стол уже вывышался на привычном месте, и даже кровать заняла свое. Только вот стояла она криво-накосо, потому что одна ножка была отломана. Должно быть, попала под грубый сапог. Три склянки: «пеликан», «медведь» и «гусь» не пали жертвами вандализма. Марта составила их на полу. Большой двугорлый аламбик, покоящийся на треноге, получил значительную трещину, слава Богу, она оказалась в таком месте, что его еще можно использовать. Выжили также несколько *albarello* и глиняных сосудов.

И атанор. Печь алхимика, носитель неугасимого огня. А горит ли он еще? Лапидиус распахнул заслонку и робко заглянул внутрь. Да, угли еще теплились, правда, едва-едва. Надо срочно принимать меры. Он выскочил во двор, набрал полную охапку дров, прихватил воздуходувный мех и уже через пару минут снова был возле печи. Проворными движениями, натренированными годами, он выгреб золу, сложил в топку хорошие сухие не слишком толстые поленья и стал поддувать мехом, беспрестанно уговаривая атанор, как ребенка. Его труды увенчались успехом. Вот языки пламени лизнули поленья, и дрова принялись.

Лапидиус почувствовал, как с плеч свалилась гора. Он сел в свое любимое кресло. И снова его взгляд обратился к остаткам приборов. Немного смекалки, чуть-чуть импровизации, и работу можно будет продолжить. Правда, с *Variatio VII* придется обождать. Он возьмется за другие, более простые опыты, пока новые колбы и тигли не придут из Италии. Это может вылиться месяцев в шесть, но алхимическая посуда из Мурано не имеет себе равных, не имеет...

Он дернулся. Должно быть, задремал на минутку. И рассердился на себя. Как можно спать, когда такое творится! А с другой стороны, что еще он может сделать? Он прислушался к то-

му, что происходит наверху. Доносились причитания Марты, наверное, она все еще обихаживает Фрею. Позже он навестит свою пациентку. В открытые двери Лапидиус снова увидел любопытных, слоняющихся вокруг дома и показывающих на него пальцами. На этот раз он решил не спускаться зевакам. Он промчался по передней, перепрыгнул через ящик с образцами и выскочил на улицу:

— А ну марш отсюда! Идите, занимайтесь своими делами! — озлобленно крикнул он и с удовлетворением отметил, что все разбежались.

Он уже собирался войти в дом, как вдруг ему пришло в голову, что люди тыкали пальцем все время в одно место на фасаде над входной дверью. Что там такое? Он поднял голову — и застыл, словно громом пораженный. Прямо на него смотрели мертвые глаза. Глаза были на голове, которая торчала над его дверью, как фигура на носу галеона. Это была женская голова, но что еще больше вселяло ужас, у нее во лбу, с правой и левой стороны, торчали два козьих рога. А между ними, что Лапидиуса уже не удивило, были вырезаны две буквы «F» и «S».

К горлу подступила тошнота. Пришлось не раз сглотнуть, чтобы задержать приступ рвоты. Так вот в чем крылась причина последних событий! Он призвал на помощь весь свой разум. Сейчас он не должен совершить ошибки, банда убийц, которая наградила его дом этим «украшением», только того и ждет.

— А Фрею вы не получили! — мстительно прошептал он. — Все еще нет. И меня тоже!

Он украдкой огляделся. На улице не было ни души. Хорошо, значит, никто не увидит, как он снимает жуткую голову. Когда голова оказалась в руках, его снова затошнило, но на собственные чувства времени не было. Он быстро проскользнул в открытую дверь.

— Все, с Фреей-та, хозяин, — на ступенях показались деревянные башмаки Марты и заклацали вниз по лестнице.

«Она не должна увидеть страшный трофей! — пронеслось в мозгу у Лапидиуса. — Она и так полна страхов, а если увидит еще и это, наверняка сегодня же уйдет к матери». Поскольку ничего лучшего ему не пришло на ум, он открыл ящик с образцами и сунул туда мертвую голову. Как раз вовремя, потому что Марта уже спустилась.

— Покушать чё-нето дать, хозяин? Того у меня ничё не сготовлено. Можя, намазать хлебушка маслицам?

— Нет, не надо.

— Дак вы же давеча хотели...

— То было «давеча». А сейчас я не хочу есть. — Лапидиус порылся в кошеле на поясе. — Вот тебе талер. Сходи к мастеру Тауфлибу и передай мою просьбу. Пусть придет как можно скорее и починит замки. Нельзя оставлять на ночь двери незапертыми.

Марта исчезла.

Лапидиус вынул голову из ящика. Куда деть? Вот вопрос. В любом случае, ее надо хранить на холоде и в таком месте, где она никому не попадется на глаза. Он быстренько прикинул варианты, и решение нашлось. Самое надежное место на кухне в подполье. Под крышкой в полу есть маленький погреб, где можно стоять, только согнувшись. Он накинул на мертвую голову тряпку и засунул в самый дальний угол между глиняными горшками с разными соленьями.

Где туловище, которому принадлежала эта голова? Как звали девушку, так зверски убитую? Эти и другие вопросы не давали покоя Лапидиусу, когда он вылез из подполья. В кухне оставаться не хотелось, и он вернулся в лабораторию. Едва он успел устроиться в любимом кресле, как появился Тауфлиб в сопровождении Горма.

— Это будет вам стоить недешево, — буркнул мастер, останавливаясь в дверях.

— Для начала добрый день, мастер Тауфлиб, — сказал Лапидиус, который собирался подняться ему навстречу, но, услышав грубый тон, остался сидеть. — Спасибо, что быстро откликнулись. Надо починить замок на входной двери.

— Да уж видел, — проворчал Тауфлиб. — Только у меня полно своих дел. Если я за это возьмусь, то одним паршивым талером не обойдетесь.

— Приступайте. О цене поговорим позже.

Тауфлиб сверкнул на Лапидиуса глазами, словно тот его смертельно обидел, усмехнулся и повернулся к Горму. В двух словах он объяснил подмастерью, что надо делать. Колосс, долго не раздумывая, подхватил дверь и снял ее, будто перышко. Мастер склонился. Качая головой, он осмотрел останки механизма.

— Это нельзя отремонтировать, — брюзжал он, не удастая Лапидиуса взглядом. — Надо ставить новый.

На протяжении следующего часа он вставлял другой, более массивный замок, заменял вырванные с корнем скобы засова, навешивал петли. Лапидиус, который с удовольствием наблюдал, как работает мастер своего дела, неожиданно спросил:

— А где вы были, когда утром толпа ворвалась в мой дом?

Тауфлиб насторожился:

— Это что, допрос? Но я отвечу, мне скрывать нечего. В своей мастерской был, и Горм со мной. Посмотрел бы я на того, кто ломится в мой дом! Горм сделал бы из него котлету!

— Ха-ха, котлету... вот умора! Котлету... ха-ха! — захохотал подмастерье.

Лапидиус кивнул.

— А о том, чтобы... так сказать по-соседски помочь, вы не подумали? Могли бы послать ко мне Горма.

— От других ничего не жду, и другим ничего не должен. — Тон Тауфлиба был крайне заносчив. — Горм, давай, ставь дверь на место!

— Дверь, угу, ставить. — Великан выполнил распоряжение.

— А что с запорами в верхнем этаже? — осведомился Тауфлиб. — Марта сказала, он тоже вырван и его надо чинить.

— Да.

— А зачем? Я думал, пташка улетела из клетки.

— Похоже, вы внимательно прислушивались к тому, что кричала чернь сегодня утром.

Мастер предпочел промолчать. Вместо ответа он приказал подручному:

— Горм, иди-ка наверх да посмотри, что там надо.

— Нет, Тауфлиб! Я не желаю, чтобы эту работу делал ваш помощник. — Мысль о том, что Горм будет заглядывать к Фрее, бросила его в дрожь. — Позаботьтесь об этом сами.

Мастер пожал плечами.

— Если вам это так уж важно, пожалуйста.

Он мотнул головой, и колосс послушно затрусил обратно в мастерскую.

— Спасибо. Ваш подручный повинуется вам беспрекословно.

Тауфлиб усмехнулся и передал Лапидиусу ключ от нового замка, а потом пошел наверх. Лапидиус остался сидеть. Его

мысли улетели к Фрее. Она, несмотря на слабость, сумела спастись за стропилами чердака. Маленькое чудо. Смертельный страх придал ей силы. Даже про свои боли забыла. Удивительная реакция организма, которую он уже наблюдал и раньше: в крайней нужде тело становится невосприимчивым к мукам. Интересно, а как это происходит на костре?

А та девушка, чья голова лежит у него в погребке, она испытывала страдания? Он надеялся, что нет. Белокурая девушка, такая же, как Гунда Лёбезам. И как Фрея. Но Фрея, слава Богу, еще жива.

И снова вырезаны эти буквы «FS» на голове, голове, которую прикрепили над его дверью. Зачем? Напрашивается только один вывод: чтобы снова поставить под удар Фрею Зеклер. Они даже не поленились наставить козьи рога. Они... кто они? *Filii Satani*? Лапидиус решил при первой же возможности как следует обследовать голову. Интересно, какой там след на срезе.

Он неожиданно подумал о своем многогорлом аламбике: каждое горлышко, выступающее из его корпуса, имеет свое назначение. В этом случае должно быть то же. Есть многочисленные следы, есть подозреваемые, есть доказательства чего-то, есть отсутствующие детали, но снова и снова перед ним воздвигается стена, которая не дает дойти до цели. Где же то связующее звено, которое поможет соединить все воедино? Может, это голова, наделенная рогами? Лапидиус тяжело вздохнул. Даже испытанный метод при экспериментировании, решать проблему шаг за шагом, здесь не срабатывал.

Концы с концами не сходились. Нигде. Это приводило в отчаяние.

— Все сделано, — сообщил Тауфлиб, спустившись с верхнего этажа. — Ваша диковинная постоялица снова под замком и запором.

— Спасибо, — Лапидиус взял ключ, протянутый мастером, и спросил, сколько тот хочет за работу. Тауфлиб назвал сумму. Лапидиусу показалось, что цена из ряда вон, но он беспрекословно заплатил.

Мастер пошел к выходу, а по дороге еще раз обернулся.

— Да, вот еще что, — обронил он, будто это только что пришло ему в голову, — Горм и впрямь слушается меня по первому слову. И думаю, я единственный, кому он повинуется.

Лапидиус не знал, что на это ответить. Он встал.

Дело клонилось к вечеру. Марта ушла к матери, так и не приготовив ужина. Ладно, можно обойтись и без еды. Он пошел на кухню и приготовил для Фреи транквилизатор. Потом поднялся наверх. Дал ей питье, поговорил о том о сем, никак не касаясь своих забот и тревог. Уже кончался десятый день лечения, а в деле с обвинением Фреи он не продвинулся ни на шаг.

Заметив, что Фрея задремала, он оставил лампу гореть и спустился в кухню.

Марта уже вернулась. Она стояла, наклонясь над кружкой воды, и держала в руках какой-то предмет. Увидев хозяина, она вздрогнула.

— Чего ты так пугаешься? — мягко спросил Лапидиус.

— Я... ничё, — она попыталась спрятать предмет, — так сготовить чё-нето?

— Нет, спасибо. У меня нет аппетита. Что ты там от меня прячешь?

— Ничё, хозяин. Энто мое, не дам!

Лапидиус усмехнулся.

— Дай.

Она неохотно вложила ему в руку то, что прятала. Это был маленький образок — написанная золотистой краской Мадонна с младенцем. На одеянии Девы Марии виднелись царапины.

— Ну, и что это значит?

— Энто Пресвятая Дева Заступница, хозяин. Надоть чуток соскрести в воду али в вино и выпить.

Лапидиус ничего не понял.

— Ты пьешь воду с частицами краски?

— Ага, хозяин, энто же Заступница, коли попить, то ничё худого со мной не случится.

— Понимаю, — сказал Лапидиус.

И отдал образок обратно.

ОДИННАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ЛЕЧЕНИЯ

И снова Лапидиус огибал по широкой дуге Гемсвизер-Маркт. Была пятница, и, как всегда в этот день, торговый люд раскладывал свой товар. Среди них, он был в этом уверен, находилось немало тех, кто вчера штурмовал его дом, чтобы вытащить Фрею и отдать на заклятие. Возможно, даже убить.

Быстрым шагом он шел вдоль по Хофштрассе, мимо прудов для разведения рыбы, украдкой поглядывая в переулки, на другом конце которых виднелись лотки и палатки, стоящие на рыночной площади. Дойдя до Альтенауер-Экк, он сориентировался, что следующей улочкой справа будет Шпекгассе, на которой расположился дом Райнхардта Мекеля.

Судья ни свет ни заря прислал к нему слугу с настоятельной просьбой незамедлительно явиться с визитом. Причина названа не была, так что Лапидиус терялся в догадках. Он предполагал, что дело касалось Фрей, и задавался вопросом, уж не пришел ли ответ от высоких советников из Гослара. А если да, то он мог быть любого характера: оправдание, новое расследование дела, продолжение прежнего, возможно, с рекомендацией применять пытки до тех пор, пока признание не будет получено. Но он очень надеялся, что его опасения не оправдаются, и ускорил шаг.

Скоро он все узнает, тем более перед ним уже выросло роскошное фахверковое строение, богато украшенное резьбой. Домиций Мекеля.

Лапидиус постучал дверным молотком в виде головы льва. Открыл слуга и без лишних вопросов провел его к господину.

Райнхардт Мекель, судья и одновременно советник города Кирхроде, явился взору Лапидиуса в ночном одеянии. Он восседал за высоким столом в своей опочивальне и от души зевал.

— Мне предстоит напряженный рабочий день, господин магистр, — начал он, и голос его отнюдь не звучал заспанно. — Поэтому я просил вас посетить меня еще до одевания.

— Понимаю, — ответил Лапидиус, понапрасну ища взглядом второй стул. Он разозлился. Принимать его в ночном колпаке — уже бестактность, а уж не предложить присесть — просто наглость.

— Буду краток, — Мекель наклонился под кровать и сунул в руки слуге ночную посудину. — Унеси, Альбрехт, и позаботься о том, чтобы нам никто не мешал. Ну, — он повернулся к Лапидиусу. — Как говорится, к делу. Как вам, разумеется, известно, вы несете ответственность за небезызвестную Фрею Зеклер. Вас облекли доверием позаботиться о том, чтобы эта особа находилась под строжайшим надзором, пока не возобновится процесс. А теперь ведьма сбежала, она не находится более в вашем доме, и я спрашиваю вас: где она?

Лапидиус с трудом сдерживал себя. Он не был обвинен ни в каком преступлении, равным образом не должен был и подвергаться допросу, хотя манера Мекеля говорила об обратном. Он решил перейти от защиты к нападению.

— А с чего вы решили, что Зеклер более не находится в моем доме? — задал он встречный вопрос. — Вы проверили самостоятельно? Были среди черни, столпившейся вчера в Бёттергассе?

— Нет, разумеется, нет! — Меж бровей Мекеля залегла глубокая складка. Лапидиус отметил это с удовлетворением. Но вот лоб судьи снова разгладился. — У меня имеются собственные источники информации.

— И кто это?

Судья побарабанил пальцами по столу:

— Если вам угодно знать, Крабиль.

— Это означает, что начальник стражи был в моем доме?

— Разумеется. Почему вы спрашиваете?

Лапидиус отмахнулся. Итак, Крабиль. Начальник стражи ворвался вместе с толпой в его дом и все обыскал. Возможно,

он даже принимал участие в погроме, вместо того чтобы принять меры по защите его собственности в соответствии со своим долгом.

— Значит, Крабиль устраивает вас в должности начальника стражи?

Мекель оторопел. Барабанная дробь замерла.

— Что за вопрос? Этот человек сама надежность.

— Тогда возникает другой вопрос: зачем он ввел вас в заблуждение.

— Что? Как? Вы позволяете себе шутить?

— Ни в коем случае. Уверяю вас, Фрея Зеклер ни на минуту не покидала моего дома. Я... э... просто укрыл ее от толпы, которая, несомненно, заживо сожгла бы ее или заколола до смерти. Сейчас, как и прежде, она находится в своей камере, где продолжает лечение от сифилиса. Можете в любое время в этом удостовериться.

Мекель задумался. Ситуация переменилась. В корне переменилась. Дело шло к тому, чтобы обвинить Лапидиуса в ереси, а этот утренний допрос был маленьким удовольствием в предвкушении развязки. В конце концов, не он первый, не он последний алхимик, вступающий в сношение с темными силами. Зетон и Заксен были *анно* 1514 именно по этому подозрению подвергнуты пыткам, и Мекель не видел причины, почему бы этого не повторить в Кирхроде.

А теперь все повернулось иначе. Теперь ему придется при первом удобном случае устроить начальнику стражи головомойку и позаботиться о том, чтоб такого больше не повторилось.

Судья расслабился. Как хорошо, что он не предал это дело широкой огласке. Хорошо, очень хорошо...

— И как дела у Зеклер? — спросил он.

Лапидиус, по лицу Мекеля заметив перемену настроения, понял, что судья снова взял себя в руки. Его глаза смотрели так же холодно и расчетливо, как в начале визита.

— Она борется.

— Надеюсь, э... победит в этой борьбе?

— Я делаю все возможное.

— Разумеется, разумеется. Она много говорит?

— Почему вы спрашиваете?

— Ну, при разговорчивости могут проскочить обличающие высказывания. В том случае, если Зеклер даже намеком вы-

даст себя, вы обязаны незамедлительно донести это мне. Однако не будем педалировать это.

— Не будем.

— Итак? Зеклер много говорит? А если да, то что? — Глаза Мекеля неподвижно уставились на Лапидиуса, и тот невольно задался вопросом, уж не эти ли глаза смотрели на Фрею в го-рах.

— Нет, Зеклер говорит немного. На это у нее нет сил. Могу еще чем-то быть вам полезен?

— Э... нет.

— Тогда позвольте откланяться.

Лапидиус стоял в своей еще тускло освещенной лаборатории и размышлял, что же предпринять дальше. Он только что вернулся домой, и надо было спланировать наступающий день. Вспомнив о мертвой голове в погребке, он решил как можно быстрее обследовать ее. Но для этого надо остаться одному в доме.

— Марта! Эй, Марта!

Прошло довольно много времени, прежде чем служанка, шаркая ногами, появилась из кухни.

— Чё, хозяин?

— Сегодня рыночный день. Поди купи курицу. Молоденькую и нежную. Очень хочется зажаренной грудки с перцем в медовом соусе.

До Марты с заспанным лицом, наконец, дошло, что речь идет о еде.

— Да, хозяин. Конечно, хозяин. А я дак и не знала, что вы куренок любите.

— Теперь знаешь. Давай, иди.

Как только служанка исчезла, Лапидиус поднялся наверх к Фрее и с облегчением удостоверился, что она еще спит. Транквилизатор оказывал свое действие. Он спустился в кухню и вынул голову из погреба. Держа ее на вытянутых руках, вернулся к себе в лабораторию и поставил жуткий предмет на стол. Бездушный взгляд мертвых глаз снова поверг его в дрожь. Он приказал себе не обращать на него внимания и начал обследование именно с них. Веки были полуоткрыты, а глазные яблоки, несмотря на влажность в подполье, уже высохли и ввалились. Роговица помутилась и напоминала глаза

несвежей рыбы. Лапидиус закрыл мертвые глаза и впервые внимательно осмотрел лицо. Когда-то это была прекрасная девушка с мягкими правильными чертами. А как зубы, такие же хорошие, как у Гунды Лёбезам? Он начал разжимать губы, когда в дверь громко забарабанили. Кто бы это мог быть? Явно не Марта. Он быстро накрыл голову тряпкой, а перед ней поставил стеклянного «медведя». Потом пошел на стук. Наученный горьким опытом вчерашнего дня, он приоткрыл дверь всего лишь на шелку.

— Именем города, откройте! — официальным тоном произнес Крабиль. — У меня имеются к вам вопросы.

— Ах, это вы! — Лапидиус подобрался. — Что же вы тогда не заходите? Вчера вы вошли не стесняясь. Хоть и без приглашения. Ворвались вместе с толпой и испортили мое имущество.

Начальник стражи скрестил на груди руки:

— Откуда вам известно?

— Думаете, если я потерял сознание, так ничего и не знаю?

— Я ничего не думаю. Установлено, что вчера утром над вашей дверью висела мертвая голова, обнаруженная стариком Хольмом. На лбу присутствовали инициалы Фреи Зеклер. Непровержимое доказательство того, что ведьма снова принялась убивать. Я спрашиваю вас: где теперь череп? Пусть он и не опознан, тем не менее должен быть предан земле.

— Тут я с вами согласен, Крабиль. И очевидно, кто-то снял и унес эту голову. Другого объяснения нет.

— Это слишком простое объяснение. Я спрашиваю вас: знакома ли вам убитая?

— Нет. Если бы это было так, я бы давно поставил вас в известность.

Страж порядка, полный сознания собственной значительности, покачался на носках.

— Разумеется, вы также не знаете, у кого теперь эта голова?

— Ну, Крабиль, совершенно точно, не у Фреи Зеклер. Однако, если желаете, можете спросить ее сами.

Лапидиус, оставив входную дверь открытой, повернулся и пошел в лабораторию. Начальнику стражи не оставалось ничего другого, как последовать за ним.

— Э... Фрея Зеклер у вас в доме? — он покусал губы.

— Хотите сказать, что все обыскали и не нашли? Ну так, вы плохо делаете свою работу, Крабиль.

Лапидиус присел на краешек сломанной кровати. «Что, сунул нос во все дыры, а потом доложил судье, что Фрея сбежала. Может, ты даже установил слежку за моим домом, может, даже дежурил всю ночь в надежде, что она вернется, — злорадно подумал Лапидиус. — Только вот просчитался. Тем глупее сейчас твоя морда. И поделом!»

Крабиль снова надулся и изрек суровым голосом:

— Я вам, господин, не верю. Можете мне не рассказывать. Фрей Зеклер здесь нет, ведьма сбежала, а вы содействовали ей в этом. Судья Мекель того же мнения, и сегодня же он вас...

Начальнику стражи пришлось заткнуться, потому что Лапидиус предостерегающе поднял руку:

— Судья Мекель мне ровным счетом ничего не сделает. А вот вам он еще сегодня задаст пару неприятных вопросов. Помяните мое слово.

Лапидиус наклонился к отверстию теплового канала и крикнул:

— Фрея! Фрея, ты меня слышишь? Фрея-а-а! — «Только бы она не спала!» — воззвал он к небесам.

— Да.

— Надеюсь, ты уже оправилась, после всего, что случилось вчера?

— Сволочи. По гроб жизни не забуду, как они тут хозяйничали! — ее голос звучал глухо и слабо.

— Все прошло. Сейчас я поднимусь к тебе и принесу воды.

— У меня все болит. А во рту будто прошлись каленым железом.

— Потерпи еще немного, скоро приду.

Лапидиус поднялся и посмотрел Крабилю прямо в глаза. То, что он увидел, его порадовало. В глазах начальника стражи стоял страх. Голый страх.

— Ведьма... я... но... — у Крабиля не хватало слов.

— Как вы поняли, Фрея Зеклер находится в доме. Если желаете, можете посмотреть собственными глазами. Она, правда, сейчас неважно себя чувствует, но...

— Нет!

— Так я и думал. — Лапидиус двинулся к двери. И снова стражу порядка не оставалось другого выбора, как только поплестись за ним. — Ищите вашу мертвую голову в другом месте. И если вы уже в состоянии выполнять ваши обязанности,

потрудитесь также найти повозку Фреи Зеклер. Это ее собственность, и она стоит немалых денег. Полагаю, вы ее еще не обнаружили?

Кабиль развернулся и бросился прочь.

Лапидиус вливал Фрее по глотку воды. Дело продвигалось медленно, потому что каждый глоток давался ей с трудом. Когда кружка была пуста, он спустился на кухню за приготовленным отваром. Он между тем уже достаточно остыл. Вообще-то его полагалось пить горячим, чтобы усилить потоотделение, однако Фрея, с ее воспаленной полостью рта, горячее пить не могла. Когда и отвар был полностью выпит, Лапидиус сказал:

— Надо присыпать известковым порошком твои язвы. Открой рот.

Фрея послушалась.

Он вывернул ее губы наружу и внимательно осмотрел их. Возле язв, обильно усеявших слизистую, десны имели синюшный цвет. Скоро у нее выпадут первые зубы.

Она пошевелила губами, пытаясь что-то сказать.

— Тихо, не двигайся. — Он присыпал порошком язвы на внешней поверхности губ. — Струпья на гнойниках лица и по телу почти везде отвалились. Твои ногти тоже выглядят вполне прилично. А как дела с головными болями и болями в животе?

— Сегодня ничего. Только у меня совсем нет сил.

— Хорошо, — он удобно устроил ее голову на тюфяке. Убирая руку, он обнаружил в своих пальцах пряди белокурых волос. Вот и волосы начали выпадать. Скоро они выпадут все или почти все. Он не подал виду. — Позже я еще зайду к тебе. Вечером зажгу твою лампу.

— Не уходите. Пожалуйста!

— Нет, мне надо идти, — он подумал о предмете, который ждал обследования. — У меня дела.

— Ладно, — она отвернулась к стене, в ее голосе звучала обида.

— Послушай, у меня действительно нет времени.

Она не отвечала. Он пожал плечами, запер дверцу камеры и отправился вниз, борясь с угрызениями совести.

Немного погодя он забыл и их, и Фрею. Сидя за своим лабораторным столом, он снова изучал голову. Буквы «F» и «S» были вырезаны на лбу тем же манером, что и у Гунды Лёбезам.

Это не удивляло. А вот исходит ли от нее тот же запах белены? Он взялся за волосы и уложил предмет исследований затылком на треногу. Когда он ее таким образом зафиксировал, раскрыть губы и расцепить зубы оказалось уже несложно, тем более что трупное окоченение ослабло. Однако тот ли это запах, он не был абсолютно уверен, потому что к нему примешивались и другие: запахи засохшей крови, пота, влаги подполья. И еще: слабый сладковатый дух. Как у залежалого мяса. Пришлось сглотнуть. Слюна собралась во рту и снова подступила тошнота. Он подавил позыв к рвоте и понюхал еще раз. Нет, ничего. Наверное, белену все-таки перебивают прочие запахи.

Вынимая голову из треноги, он почувствовал, как по руке царапнул один из рогов. Рога! Он осмотрел их и пришел к заключению, что они козлиные. Причем, судя по размерам, принадлежавшие матерому самцу. Он потянул за рог, однако тот сидел так крепко, что вынуть его из лобной кости удалось, только упорно покручивая взад-вперед. Лапидиус поднес его к свету, чтобы получше рассмотреть — и вздрогнул. Прервавший его занятие звук оказался ругательством, и доносился он с улицы. За ним последовал целый град проклятий. Точно, не кто иной, как Марта, стояла перед дверью. Она вляпалась в кучу дерьма и сейчас старалась отчистить его, во все горло сетуя на свое невезение.

Лапидиус с лихорадочной поспешностью сунул рога в карманы камзола и заторопился на кухню, где крышка подполья — слава Богу! — еще стояла поднятой. Так что ему потребовалось не больше минуты, чтобы водрузить *corpus delicti** на место.

— Нешто погодить не могли, хозяин? Хошь оно с куренком-та дело нескорое, — в дверях кухни стояла Марта с корзиной в руках, из которой свисала на длинной шее мертвая куриная голова.

— Что? Ах, это ты, Марта, — Лапидиус только-только успел захлопнуть крышку и все еще стоял в полусогнутой позе.

— Чё с вами, хозяин? — Марта наморщила лоб.

— Так, ничего, — Лапидиус, не теряя присутствия духа, схватился за поясницу и сморщился. — Слегка прострелило, и больше ничего. Уже в порядке.

* *Corpus delicti* (лат.) — здесь: вещественное доказательство.

— Ай-яй, у матушки тоже был прострел, годков так пару тому, торчала, что твоя клюка, бедняжка, ни тебе повернуться, ни спрями...

— Хорошо, хорошо, Марта, принимайся за курицу.

— Щас, — служанка повязала передник. — Дак как вам грудки-та подать?

— Грудки? Какие грудки? Ах да, — Лапидиус вовремя вспомнил, что он просил приготовить. — Не спеши. Мне все равно надо уходить. Когда вернусь, не знаю.

Не успел он вымолвить это, как понял, какую сделал ошибку. Марта не заставила себя долго ждать с причитаниями:

— Хозяин, ах, хозяин, дак как жа энто? Господь свидетель-охота-мне-вам-служить-уж-как-охота-хозяин-дак-ведь-что-ни-сготовлю-все-портится-как-на-стол-подавать-дак-вас-нет! О Боже, Боже!

— Будет тебе, Марта. Если не вернусь вовремя, грудки можешь отнести матери.

Лапидиус ретировался к двери.

Немного погодя он уже снова шагал по городу. И снова, как и утром, топал мимо прудов к Альтенауер-Экк. Здесь стояли скамейки, и он, несмотря на пронизывающий ветер, уселся на одну из них. Надо было привести мысли в порядок. Когда он еще прощался с Мартой, ему в голову пришла идея. Очень простая: если бы удалось найти козла с отпиленными рогами, он был бы почти у цели. Козел привел бы его к убийцам неизвестной девушки.

Сложность заключалась только в том, что он не знал, с чего начинать поиски. В Кирхроде было изрядное количество коз, в хлевах и загонах, во дворах и на лужайках, некоторые даже держали животных в своих лачугах. Возможно, размышлял он, было бы разумнее начать от городской стены и по кругу обходить весь город. Метод, имевший преимущество еще и в том, что там, где следовало начинать, дома стояли не так густо. Сказано — сделано. Полон жажды деятельности, Лапидиус встал и направился к окраине города, зорко выискивая по дороге коз. Но уже через несколько шагов понял, насколько трудна его задача. Животных не было и в помине, лишь там и тут до его слуха доносилось блеяние. Неудивительно, успокоил он себя, он чуть ли не в центре города, а не за его чертой.

Здесь животные свободно не разгуливают, их держат в закрытых хлевах, чтобы не сбежали.

Надо было начинать как-то иначе. Надо пойти к людям и поспрашивать. Но как это сделать? Нельзя же просто прийти в дом и сказать: «Здравствуйте, нет ли у вас козла с отпиленными рогами?» Нет, так не годится. Недолго думая, он подошел к ближайшему дому и постучал. Ему открыла служанка в помятом чепце и с недовольной миной на лице. Лапидиус поздоровался и изобразил приветливую улыбку.

— Я ученый, и для исследований мне нужны козлиные рога.

— А? Чё?

— У твоих хозяев есть козы?

— Нее, — она захлопнула дверь.

Лапидиус стоял как оплеванный и пытался справиться с негодованием. Кто задает дурацкие вопросы, такие же ответы и получает. И все же. Он не позволит так легко от себя отделаться. Он постучал снова.

Снова появилась служанка. Она собиралась что-то сказать, но Лапидиус опередил ее:

— Если у вас нет коз, то можешь хотя бы сказать, кто на этой улице их держит?

— А? Чё?

Девица звезд с неба явно не хватала. Но наконец до нее чего-то дошло. Она указала на несколько домов и назвала имена владельцев. Лапидиус постарался запомнить.

— А тебе случайно не попадался поблизости козел с отпиленными рогами?

— А? Чё?

— Ну ладно. Бог с тобою.

Он не слишком расстроился. В конце концов, не всякая служанка так туго соображает, а кроме того, он экономит время, если будет сначала спрашивать, кто держит коз и есть ли среди них то, что ему нужно. Разумеется, вероятность, что кому-то его вопросы покажутся странными, была велика, но он понадеялся, что такой прозорливый встретится ему не раньше, чем он опросит множество жителей.

Именно этим он и занимался следующие несколько часов. Занятие это было не из легких, и, несмотря на его приличный вид, он часто натывался на грубость. Сам себе он казался попрошайкой, бродящей от дома к дому. Кирхродцы были не са-

мыми доброжелательными обитателями Гарца, готовыми прийти ближнему на помощь. Ближе к вечеру он уже был сыт по горло. Пришло время признаться, что он проиграл. Все, больше не сделает ни шага, не выслушает ни одного глупого замечания! Он остановился и перевел дух. Его взгляд упал на стену дома, увитую вечнозеленой розой. Согбенная старушка стояла и отстригала сухие ветки. Ну, хорошо, пусть она будет последней, к кому он еще обратится. Не ожидая ничего путного, Лапидиус подошел к ней и задал вопросы, которые задавал уже сотню раз.

Старушка склонила набок голову и повернулась к нему лицом. Оно было сморщенное, как грецкий орех.

— Безрогий козел, да-а-а... Безрогий козел, да-а-а...

Лапидиус откашлялся:

— Совершенно верно, козел без рогов. Не торопитесь, подумайте хорошенько.

— Да-а-а. Да-а-а, — старушка хихикнула. — Жутко смешно, как Нихтерляйнов козел бежит без рогов, хи-хи!

— Вы хотите сказать... — Лапидиус боялся поверить своей удаче, — ...что видели козла с отпиленными рогами?!

— Хи-хи, да-а-а. У Ганса Нихтерляйна, сегодня поутру это было.

Сердце Лапидиуса забилося чаще:

— А где живет этот Нихтерляйн?

Узловатой рукой старуха махнула в сторону скромного домишки неподалеку:

— Вон там. Только Нихтерляйна сейчас нет... Еще с рынка не вернулся. Пуговицами там торгует, он же пуговичник. А вам очень нужен этот безрогий?

— Э... да, спасибо. — Лапидиус так обрадовался этой новости, что сунул старушке монету.

Как оказалось, Нихтерляйна действительно еще не было дома. Сколько Лапидиус ни стучал, на стук никто не открыл. Чуть пораздумав, он прошел за дом, во двор, где обнаружился ветхий хлев. Вход был прикрыт откидной крышкой. Лапидиус поднял ее и протиснулся внутрь. Ему пришлось сильно согнуться. Когда глаза привыкли к полутьме, он увидел козла. Тот стоял в углу вместе с двумя козами и, мощно двигая челюстями, жевал солому. Огромный, могучий самец был безрогим.

Лапидиус не знал, как обходиться с животными, поэтому осторожно приблизился, все время бормоча какие-то успокаива-

вающие слова, которые предназначались скорее ему самому. Сердце чуть не выпрыгивало из груди. Однако опасения оказались напрасными. Козел оставался покоем, мирно жуя дальше.

— Покажи-ка мне твои обломки, — сказал Лапидиус, проводя ладонью по обоим пенькам. — Ага, рога отпилены, так-так. Те, что у меня, тоже отпилены. Хорошо. Давай-ка посмотрим, подойдут ли они...

Он полез в карман за трофеями, но в этот момент раздался звук, заставивший его застыть.

В проеме стоял человек. Мал росточком, зато готовый на все — в руках у него виднелась дубина.

— Чего вы здесь потеряли? — рявкнул он.

— Я... э... — Лапидиусу ничего не приходило в голову. Наконец он промямлил: — Вы мастер Нихтерляйн?

— Положим, — голос хозяина дома оказался неожиданно низким. — Отвечайте, а то моя дубина пройдет по вашей спине!

Как ни мал был Нихтерляйн, гонору у него хватало. Лапидиус никак не мог придумать, что бы ответить. Не мог же он ни с того ни с сего обвинить человека в убийстве!

— Ну, э... Мастер Нихтерляйн, ваши пуговицы, говорят, уж очень хороши. А мне как раз нужны новые, вот я и заглянул к вам. Стучал, стучал, никто не открывает, вроде бы вас нет... Ну, э... вот уж я и решил посмотреть, нет ли вас здесь, чтобы уж наверняка. А вдруг вы кормите коз?

— Если вам нужны пуговицы, пришли бы за ними на рынок. С понедельника по пятницу всегда там стою, — буркнул мастер, и голос его уже звучал примирительнее.

— Я не очень люблю ходить на рынок. Там всегда столько шуму, столько суеты, знаете ли.

— Хм-хм, — Нихтерляйн присмотрелся к пуговицам на камзоле Лапидиуса. — Вам и впрямь не помешали бы новые. Идемте в дом, мастерская у меня там. Может, что подберем из готовых.

— Да, да, — согласился Лапидиус, которому меньше всего сейчас были нужны новые пуговицы.

Немного позже мастер приставлял к его камзолу экземпляр за экземпляром.

— Вот эти бы подошли, но их у меня мало.

— Ах, так.

— Попробуем-ка вот эти. Мило. Как вам кажется? Нет, этих тоже не хватит. Лучше возьмите из тех. Их достаточно. Ничего не имеете против желтого? — Нихтерляйн достал многослойную обтянутую ядовито-желтым шелком пуговицу размером с талер.

— Нет, ничего, — Лапидиусу не хотелось отказываться, хотя он с трудом мог себе представить желтые пуговицы на своем черном камзоле. — Скажите, мастер, а материал под шелком, возможно, рог?

— Как это рог? Что это вам пришло в голову? Основа пуговицы делается из дерева. Из дуба, ясеня, бука. Мне их поставляет один токарь из Гослара. Конечно, дешевле было бы изготавливать самому, да вы знаете, как строго у нас в гильдиях.

— Да-да, — подтвердил Лапидиус.

Нихтерляйн между тем уже отсчитывал ему шестнадцать обтянутых шелком пуговиц и заворачивал их в тряпицу. Передав сверток Лапидиусу, он посоветовал:

— Пойдите с этим к портному. Он будет рад пришить вам такие красивые пуговицы.

— Не сомневаюсь. — Лапидиус заплатил Нихтерляйну неслыханную сумму за его изделия.

Мастер бесстыдно воспользовался ситуацией. А с другой стороны, пенять ему было нечего, в конце концов, это он застиг Лапидиуса, так сказать, на месте преступления. Теперь надо было повернуть разговор в другую сторону. Повода сменить тему не нашлось, и Лапидиус спросил напрямик:

— Если вы не изготавливаете пуговицы из рога, мастер, почему же у вашей скотины отпилены рога?

— Что? — Нихтерляйн снова нахмурился. — Хотите взять меня на пушку?

— Нет, нет, мастер, что вы!

— Послушайте, вчера утром я выпустил козла попасться, а когда вернулся, что вижу? У него нет рогов. Какая-то сволочь отпилила. Зачем, ума не приложу. Попался бы он мне! Видели бы вы соседей, покатывавшихся со смеху! И больше всех старая Грета со своими розами. Только когда тебе нанесли такой урон, уж не до шуток!

— А вы не слыхали о женской голове, висевшей вчера на одном доме в Бёттергассе?

— О женской... что? А, ну конечно, слышал, весь город об этом говорит. А что?

— Тогда, наверное, и слышали, что у нее во лбу торчали два... — Лапидиус сделал многозначительную паузу, — ...два козлиных рога.

— Два ко... — Нихтерляйн неожиданно расхохотался. — Ах да, конечно, как я мог позабыть. Да бросьте, не думаете же вы, что рога были как раз от моего козлика?.. Ха-ха-ха! Нет, к тому делу я не имею никакого отношения. Ни малейшего, будь я трижды проклят!

Лапидиус изобразил полное понимание:

— Ну, конечно, я так и не думаю. Но если вы не против, можно я это проверю?

— Ради бога! Если сумеете.

Лапидиус вытащил из карманов рога. У Нихтерляйна полезли глаза на лоб. Но он быстро пришел в себя и принялся, к удивлению Лапидиуса, браниться на чем свет стоит.

— Так вот зачем вы запоролись в мой хлев! Никаких пуговиц вам и не надо было! Шпионить за мной изволите, благородный господин? Только с Гансом Нихтерляйном это не пройдет! А может, это вы и отпилили рога у моей скотины? Может, вы тот убийца и есть? — Внезапно в руках мастера снова оказалась дубина. — А ну, вон из моего дома! Вон, пока я не позвал начальника стражи! Вон, вон!

Встречаться с Крабилем в этих обстоятельствах Лапидиусу совсем не хотелось. Поэтому он прислушался. Правда, в дверях еще раз обернулся и ядовито сказал:

— Если рога от вашего козла, мастер Нихтерляйн, я дознаюсь. И тогда вам придется отвечать на вопросы. Еще как придется.

Обманулся он или нет, но ему показалось, что в глазах Нихтерляйна промелькнул страх. Направляясь вниз по улице к Альтенауер-Экк, он размышлял над увиденным. Нихтерляйн не вышел ростом, это конечно, но тем не менее он был жутко воинственен — небывалая храбрость для пуговичника. На вопрос, знает ли он о мертвой голове, тоже ответил не сразу. Ладно, допустим, рога от его козла. Но говорит ли это о том, что он и есть убийца? Один из *Filii Satani*? Возможно, он просто отпилил рога и передал их кому-то другому? А тот умертвил неизвестную. А может, тот другой с позволения Нихтерляйна сам отпилил рога, а потом жестоко расправился с девушкой? Или — это тоже было возможно — пуговичник не имеет к это-

му делу никакого отношения, только боится быть втянутым в дело об убийстве. Лапидиус заметил, что его мысли снова пошли по кругу, и вздохнул. Единственное, что он сейчас реально имел в руках, это шестнадцать пуговиц, обтянутых желтым шелком.

Третий сын дьявола не спускал глаз с высокого поджарого мужчины, который продвигался в сторону Альтенауер-Экк. Он знал, что его имя Лапидиус. Теперь надо поспешить, если он хочет выполнить то, что ему поручил Первый сын дьявола. Потому что глаза мастера были повсюду. Он прошмыгнул по параллельным улочкам, добрался до угла, а отсюда бегом рванул к прудам, по берегам которых росла трава. Бежать ему было тяжело, потому что он хромал на левую ногу. Но вот он наконец-то у цели: за ветхим деревянным домишком смотрителя прудов. Осторожно он оглянулся по сторонам. Убедившись, что опасности нет, открыл хлев и вывел козла. Поначалу козел взбрыкнул, но, зачуйав свежую траву, послушно пошел.

Третий сын дьявола привязал животное к колышку у воды, чтобы тот не сбежал далеко. Потом спрятался за ивовыми кустами. Едва он занял свой пост, как появился этот высокий поджарый. Он шел к Хофгассе и казался глубоко погруженным в свои мысли. Тут он увидел козла. И встал как вкопанный.

Третий сын дьявола обрадовался. Он знал, что заслужил похвалу.

Лапидиус потерял глаза, но видение не исчезло. Перед ним пощипывал травку козел, у которого не было рогов. Второй! В первое мгновение он подумал, что это Нихтерляйнов, но, приглядевшись, заметил, что этот меньше размерами и моложе. Он подошел к зверюге, спокойно пережевывающему стебель. Сомнений нет, рога были отпилены. Он нащупал в кармане рога, чтобы по крайней мере здесь провести пробу, как вдруг на него выскочил человек, изо всех сил размахивающий руками. Он был пожилой, облаченный в передник рыбака.

— Это мой козел, господин! Что вы с ним сделали? Зачем вы его вытащили из хлева? О-о-о!

Старик обнаружил отсутствие рогов. С ним произошла та же метаморфоза, что и с пуговичником:

— Вы что, сумасшедший? А ну, теперь возмещайте мне ущерб!

— Я ничего не делал с вашим животным.

— Я видел, вы только что крутились вокруг его головы.

Лапидиус собрался было вынуть то, что лежало у него в карманах, чтобы объяснить, чего он хотел на самом деле, но остановился. Если рога подойдут, ни один человек на свете не поверит, что не он их отпилил. Уж старик-то точно нет. А если не подойдут, что тоже возможно, потому что на данный момент было уже два безрогих козла, то его сочтут за того, кто изуродовал второе животное. Ну и положеньице!

— Я просто случайно шел мимо и удивился увиденному, — попытался оправдаться Лапидиус, сознавая, как неправдоподобно звучит его объяснение. — А сейчас мне пора.

Он торопливо покинул место, не обращая внимания на вопли хозяина. Через пару шагов он вздрогнул от неожиданности. Рядом с ним послышалось возмущенное блеяние. Оно исходило от козла... без рогов. На этот раз Лапидиус, не останавливаясь, поспешил дальше. Хватит на него сегодня выяснения отношений с владельцами козлов! Медленно к нему приходило осознание: кто бы ни наградил женскую голову рогами, он был уверен, что Лапидиус пойдет по следу, поэтому лишил и других особей их гордых украшений. Укрывательство путем приумножения! По дороге на Бёттгергассе ему встретились еще два безрогих козла, и он почувствовал всеми фибрами: где-то рядом притаилось зло, которое к тому же держит его за дурака. Оно было впереди, позади, по сторонам. Зло, которое угрожало не только Фрее, но и ему самому. Но самым изощренным в этой угрозе было то, что убийцы ни разу не проявились во плоти.

Хотя постой! Откуда они могли знать, что он отправится к Нихтерляйну? До того как пойти, он и сам этого не подозревал. Однако они обрезали рога у многих козлов. И были уверены: где-нибудь, с кем-нибудь из хозяев у него будут неприятности. Да, они угрожали ему не напрямую. И они предгадывали ход его мыслей!

Лапидиус нащупал в карманах рога, они жгли каленым железом. Ему пришлось в голову, что лучше бы от них избавиться.

Может быть, отдать Крабилю, чтобы тот продолжил расследование. Нет, это уже невозможно, он же сказал начальнику стражи, что не знает, где находится голова, а значит, и с рогами соваться нечего.

Запутанная история. Но если уж взялся за дело, надо довести его до конца.

Его мысли нарушили удары молота. Они доносились из соседнего дома. Из мастерской Тауфлиба. Тауфлиб крутой парень. И у него есть козел. Зверь содержался на дворе в деревянном сарае. Интересно, может, он теперь тоже безрогий? Лапидиус решил проверить это. Однако в голову не приходило никакой веской причины, почему бы ему потребовалось бросить взгляд на животное Тауфлиба. А поскольку просить мастера было не о чем, он решил действовать иначе. Обогнув дом, он пролез через щель в сарай.

Козел был без рогов.

С Лапидиуса было довольно. Он повернул обратно. Что бы это значило? Что Тауфлиб один из *Filii Satani*? Возможно. А возможно, нет. Целый ряд владельцев держит свою скотину просто на привязи, но это еще не значит, что каждый из них убийца. Может быть, и Тауфлиб из их числа. А может, и нет.

Так размышляя, Лапидиус хотел прошмыгнуть через заросли смородиновых кустов к себе во двор. Вот только козла он не принял во внимание. Тот заметил, что вокруг не все как обычно, и принялся реветь что было мочи. Лапидиус постарался побыстрее улизнуть. Но недостаточно быстро.

— Что вам здесь надо? — услышал он позади голос Тауфлиба.

— Это я, — не нашел ничего лучшего в ответ Лапидиус.

— Вижу. И что дальше? — Тауфлиб не собирался отступать.

— Я... э... хотел только спросить, есть ли у вас второй ключ от замка на верхнем этаже.

Тауфлиб скрестил руки.

— Нет. А вам надо?

— Э... нет. Я тут подумал, вроде не надо. Извините. И всего хорошего.

Лапидиус смущенно улыбнулся, повернулся и прошмыгнул меж кустов.

Спиной он чувствовал недобрый взгляд Тауфлиба.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ЛЕЧЕНИЯ

Лапидиус спускался по лестнице. Он навещал Фрею, которая в это утро снова жаловалась на сильные боли в суставах. И колики опять донимали ее. И ко всем несчастьям, волосы продолжали выпадать. Целый пучок остался у него в руке, когда он приподнимал ее голову, чтобы напоить ивовым отваром. Он надеялся, что лекарство скоро окажет свое действие. А если нет, придется еще раз прибегнуть к лаудануму. Его осталось немного, на крайний случай.

— Марта! Марта! — Он вошел в кухню. — Ты здесь? Как дела у матери? Грудки ей вчера понравились?

В этот день Марта опять была замкнута. Она стояла над чаном с водой и мыла посуду. Наконец сподобилась на сухое: «Да, хозяин».

Лапидиус пропустил неподобающее поведение служанки.

— А как ее подагра? Все еще мучает?

— Да, хозяин, прям-таки мука.

— Тогда сходи к ней. Можешь прямо сейчас. До обеда ты мне не будешь нужна.

— Да... дак я же щё ничё не сготовила.

— Ладно, иди, — Лапидиус легонечко подтолкнул ее к двери.

Чуть позже Марта ушла, а Лапидиус вытащил из погреба свой трофей. Его вид красивее не стал. И запах не стал приятнее. Но что поделаешь, надо довести обследование до конца.

Нельзя же держать мертвую голову в подполье до скончания времен. Лучше всего еще сегодня отнести ее Кротту, в закрытом ящике, конечно. Дать могильщику пару крейцеров, и он зароет. Без лишних вопросов.

Содрогаясь, Лапидиус осмотрел срез с путаницей из торчащих костей, локутов мяса и пятен засохшей крови. Края свидетельствовали о том, что голова была не отрублена, а отрезана — как и Гунды Лёбезам. Ну, этого-то он ожидал. Интересно, чем был рассечен шейный позвонок? Лапидиус осмотрел это место и установил, что он был распилен. След был тот же, как на козлиных рогах. Привет от *Filii Satani!*

Нахмурясь, он продолжил осмотр, но ничего достойного внимания больше не попало на глаза. Разве что белые вкрапления на срезе. Это оказались яйца навозных мух. Должно быть, они были отложены назойливыми насекомыми, пока голова висела над дверью. Лапидиус пригляделся, он увидел еще россыпь яиц. Они прятались в уголках глаз и в буквах на лбу. Поскольку он не знал, вылупятся ли из них личинки, на всякий случай взял пинцет и удалил их. Потом еще раз осмотрел голову со всех сторон. Им овладели сострадание и печаль. Когда-то эта девушка смеялась, любила, жила, как все остальные, а теперь она была мертва. Лицо обезображено, черты заострились. С этими дырами во лбу она выглядела не по-человечески.

Он подумал, уж не вставить ли рога обратно, но решил, что не стоит. Посторонние тела ничего не исправят в ее облике. Снова и снова он осматривал ставшую уже до последней черточки знакомую голову. «Нет, Кротту я тебя пока не отдам, — пробормотал он. — Не знаю почему, но мне все кажется, что ты еще скрываешь какую-то тайну, так что пока полежи на холоде».

Отнеся голову на место, Лапидиус сказал себе, что пора отделиться от постоянного круговорота мыслей об этом. Он вернулся в лабораторию и взялся за свои алхимические штудии. Поскольку теперь он был более чем ограничен в лабораторных средствах, пришлось оставить опыты с амальгированием и попытаться прийти к цели иным путем.

Из семи принципов герметики, известных каждому алхимику, он решил применить третий. Он гласил, что в мире ничто не находится в состоянии покоя, и все находится в состоя-

нии движения, так что все постоянно производит колебания. Изменение колебания, как значится далее, у многих веществ несет в себе и качественные усовершенствования. Поскольку золото является лишь более высоким колебанием ртути, следует *hydrargyrum** перевести в соответствующее движение, чтобы получить более благородный металл. Лапидиус знал, что этим путем шли уже поколения ученых, и лишь немногие из них добились успеха. Но попытаться стоило.

От прежних экспериментов у него еще осталось железное колесо с ручным приводом. Если вертеть приводную рукоятку, колесо приходит в движение — очень простой и очень полезный механизм. На протяжении следующего часа он установил на ободе колеса деревянные головки, а над ними закрепил деревянную доску. Теперь, если вертеть рукоять, каждая головка передавала крошечный толчок на доску. Достигнув этого, он испытал глубокое удовлетворение, потому что осталось только зафиксировать на доске стеклянную колбу с ртутью, и опыт можно начинать.

Он взял аламбик в форме медведя и влил туда небольшое количество жидкой ртути. Потом запустил колесо. Как и положено, с этого момента аламбик получал незначительные толчки через равные интервалы. Ртуть внутри пришла в движение.

Лапидиус остановился. Надо подходить по-научному. А это значит, точно установить ход эксперимента. И, разумеется, придерживаться вариативности. Слава богу, его журнал пережил нашествие вандалов, так что можно было вносить соответствующие записи. Острым пером он написал:

«*Pagina 20*

Experimenta ad principium hermeticum III.

Variatio I

Воскресенье, 23 апреля, AD 1547»

Так, еще нужны минутные песочные часы. Установив их, он начал крутить колесо, одновременно отсчитывая повороты. Когда минута истекла, оно совершило пятьдесят восемь оборотов. Поскольку на ободе колеса сидело тридцать головок, ртуть получила за минуту: пятьдесят восемь на тридцать — тысячу семьсот сорок толчков. Но в колбе ничего не изменилось.

* *Hydrargyrum* (лат.) — ртуть.

В последующее время Лапидиус повышал и понижал скорость оборотов, многократно менял продолжительность вращений и все скрупулезно заносил в журнал. В монотонном верчении колеса его мысли то и дело сбивались на другое. Мертвая голова с двумя рогами стояла у него перед глазами. Без сомнения, самым этим фактом кто-то жаждал самым жестоким образом показать всем, что Фрея заключила союз с дьяволом — чтобы снова бросить на нее тень и в конце концов уничтожить. А заодно и его, Лапидиуса.

Колесо ровно жужжало. Ртуть колыбалась в аламбике... Где смерть настала бедняжку? Здесь много возможностей. Скорее всего, где-то в непосредственной близости от его двери, куда потом была повешена. Исходя из этого, логично предположить, что и козел, чьи рога здесь использованы, тоже был из ближнего окружения. И такое животное было в наличии: козел Тауфлиба. Лапидиус и не заметил, как начал крутить колесо быстрее. Тауфлиб убийца? Вон как! Чем дольше он об этом думал, тем вероятнее казалось предположение. Он вспомнил все странности этого человека. Его чудаковатые манеры, скверный характер, его холостяцкую жизнь и слабоумного подмастерья Горма. Горм, которого не хотел брать ни один мастер — а Тауфлиб взял.

Лапидиус все вертел и вертел колесо. Если это и вправду совершил мастер, то где же сам труп? Голова принадлежит какому-то телу. А если дело обстоит именно так, то оно должно как-то обнаружиться. Может, и оно находится где-то совсем рядом? Рука Лапидиуса повисла в воздухе. Может, в доме Тауфлиба? Или — что за жуткая мысль! — даже в его собственном?

Лапидиус потерял покой. Ничего ему вдруг не стало так безразлично, как третий герметический принцип для получения золота. Надо перевернуть весь дом. Сейчас, немедленно. Каждую каморку, каждый угол. Снизу доверху и обратно, и только когда будет абсолютно уверен, что под его крышей не лежат никакие части мертвого тела, он успокоится. Он вскочил и немедленно бросился претворять свои намерения в жизнь.

Но как он ни старался в следующие часы, так ничего и не нашел. Нигде.

За это время его пульс нормализовался, и он снова мог ясно мыслить. «Если бы труп был в моем доме, Крабиль бы его вчера обнаружил, — сказал он себе. — И как мне раньше это не

пришло в голову?» Он закончил поиски и, почти умиротворенный, уселся в своей лаборатории.

— О Боже, Боже! Вам чё, худо, хозяин? — Марта, вернувшись от матери, стояла в дверях.

— Нет-нет, просто я кое-что искал.

— Чё искали-та? Чёй-то надобное? Как по вам, хозяин, дак скажешь, что больно надобное!

— Нет-нет, — Лапидиусу хотелось поскорее закончить разговор. — Просто это связано с женским черепом.

— Чё-о-о?! Чё с чем? Целай город дерет про то глотки, и вы, хозяин, туда же? Да где ж энто он?

Лапидиус был готов отхлестать себя по щекам. Нет бы придумать какую отговорку, а он брякнул правду! Теперь всех спящих собак перебудит.

— Не ломай себе голову. Во всяком случае, и начальник стражи этого не знает, — он поднялся и начал разбирать свою экспериментальную установку.

— Крабиль-та? Нее, энтог точно не знает. А то бы сподобился сказать-та.

— Да-да. Ну ладно, займись едой.

Однако Мартово любопытство не было удовлетворено. С женской хитрецей она спросила:

— Можа, я найду, чё нада-та, а, хозяин? Глянуть щё разик?

— Нет.

— А где вы глядели-та?

— Везде. Ну, давай, за дело!

— Ага, хозяин. Я вот давеча тоже чё нашла, большой черпак, меднай-то, и нипочем не угадаете, где, в погребке себе лежал, дак я его обыскалась...

Холодный пот прошиб Лапидиуса. Глупая девка чуть не добралась до его тайника!

— Ну все, хватит болтать, я хочу есть!

— Ага, хозяин, щас сделаю хлебца с маслицам. Скорехонько.

— Хорошо. Этого достаточно.

Лапидиус снова погрузился в размышления. Ему было трудно, почти невозможно создать себе полное представление о Тауфлибе. Еще недавно он был уверен, что мастер — один из трех «сынов дьявола», а сейчас опять одолели сомнения.

Он заставил себя продумать все с начала. Буквы «F» и «S» на лбу мертвой Гунды Лёбезам вели прямым к Фрее, кто-то хотел таким образом обвинить ее в колдовстве и убийстве. Но эти же буквы могли означать и *Filii Satani*. Возможно, они заключают в себе двойной смысл. В любом случае, надо исходить из того, что есть некие «сыны дьявола» и Фрея вступала с ними в контакт, хоть и не может вспомнить подробности из-за провалов в памяти. Но так или иначе она видела «говорящие» глаза и руки. Принадлежали ли они Тауфлибу? Однако, что еще важнее, Фрея слышала голос. Здесь следует заметить, что она не признала его, когда мастер ставил замок на жаровую камеру. Это говорило в его пользу. И против подозрений Лапидиуса. С другой стороны, нельзя не принимать во внимание тяжелое состояние его пациентки.

Лапидиус долго ломал себе голову и пришел лишь к одному заключению: даже если Тауфлиб и является одним из «сынов дьявола», то остаются еще двое других.

Но кто они?

Третий сын дьявола стоял над постелью грузной женщины. Он не мог разглядеть ее хорошо, потому что лунный свет, проникавший в комнату через узкое окно, слабо освещал ее телеса. Однако он узнал спящую. Аугуста Кёхлин. Жена рудокопа лежала к нему лицом. Из полуоткрытого рта вылетали чмокающие звуки. Пуховое одеяло съехало на сторону и приоткрыло почти обнаженную грудь.

Третий сын дьявола почувствовал, как наливаются его чресла. Рука сама собой потянулась, чтобы пощупать дебелие округлости, но в последнее мгновение ему удалось ее остановить. Он пришел сюда не для того, чтобы позабавиться с женой рудокопа.

Вместе со Вторым сыном дьявола, стоявшим за его спиной, он пришел выполнить поручение.

Очень важное поручение.

Вальтер Кёхлин уже многие годы не делил с женой супружеское ложе. Тому было несколько причин. Одна из них состояла в том, что жена больше не была расположена к плотским утехам, по крайней мере, последние месяцы. Вторая заключалась в том, что своими телесами она занимала боль-

шую часть постели, оставляя ему лишь краешек. А третьей и самой важной причиной являлось то, что он сам жутко храпел. Храп, вылетающий из его открытого рта, был таким громким, что на него жаловалась даже их соседка Друсвайлер.

Сам Кёхлин его не слышал. Только по утрам чувствовал себя разбитым и невыспавшимся, поскольку ночью по нескольку раз просыпался, большей частью после того, как приснится, что он задыхается. А виной тому — затрудненное дыхание, которое шло рука об руку с храпом.

Этой ночью все было так же. Кёхлин храпел и хрипел, хватал ртом воздух, как рыба, выброшенная на сушу, и, наконец, перед тем как задохнуться во сне, проснулся. От нехватки воздуха в висках стучало. Он постарался дышать ровно и снова заснуть. И тут услышал шум. Он доносился из соседней комнаты, где спала жена. Это был не обычный шорох, какой бывает в доме по ночам, нет. Звук был похож на приглушенное мужское похрахтывание.

Полный дурных предчувствий, Кёхлин поднялся с кровати. В последнее время в Кирхроде поговаривали, что его Аугуста строит глазки начальнику стражи, но он над этим только посмеивался. По крайней мере, первое время. Слухи не умолкали, и постепенно он стал к ним прислушиваться.

Он подкрался к двери, соединявшей спальни, и осторожно приоткрыл ее на щелочку. Ничего не видно! Он расширил щель — и оцепенел. Перед ним стоял сам сатана. Исполинского роста в лунном свете, с рогами, козлиной бородкой и язвительной гримасой! Кёхлин хотел позвать на помощь, но чудовищный удар не дал ему произнести ни звука. Его, развернув, отбросило в сторону, и, падая, он ударился об угол стола. После этого мешком повалился на пол.

Но этого он уже не почувствовал.

Больше он никогда и ничего не почувствует.

На то, как Второй сын дьявола обезвредил выскочившего на шум супруга, Третий сын дьявола глянул лишь мельком. Он знал, что может положиться на своего сатанинского брата. Теперь его снова занимала Аугуста Кёхлин. Та от возни в комнате проснулась и, взглядываясь в темную тень над собой, взвизгнула:

— Кто... кто это?

— Тссс. — Третий сын дьявола больше не мог справиться с собой. Его рука выбросилась вперед, обхватила грудь рудо-

копши и принялась ее мять, нащупав сосок, она стала тереть его. — Тссс!

Кёхлин, ни жива ни мертва от страха, лежала, не двигаясь, только тихо спросила:

— Это ты, Крабиль?

Третий сын дьявола продолжал свое дело, он мял, тер и пощипывал до тех пор, пока в штанах не стало мокро. Тогда он оставил грудь женщины и отступил на шаг, чтобы лунный свет упал на него и на Второго сына дьявола:

— Нет.

Кёхлин заверещала:

— Господи Иисусе! Рогатый! Рогатые!

Третий сын дьявола хихикнул под маской. Первый сын дьявола, как всегда, оказался прав. Женщина дрожала от страха как осиновый лист. Теперь она будет еще послушнее и усерднее служить им.

— Первый сын дьявола хотел, чтобы ты увидела нас во плоти. Видишь теперь, как плохи твои дела?

— Да, — жалобно проскулила толстуха.

Она и вправду еще никогда не видела своих повелителей. Даже тогда, в лесу, когда отовсюду раздавались голоса, отдававшие приказ ей и Друсвайлер. Потом они получали указания в тайных посланиях, которые сразу должны были сжигать. Откажись они их выполнять, им грозили семидежды семью смертями и адским огнем. На тысячу лет в тысяче футов под землей.

Какой ее тогда объял ужас! И как часто она потом проклинала, что умела прочесть пару слов!

А потом клевета оказалась доходным делом. Даже очень доходным. Для нее. И для Друсвайлер. Они донесли на Зеклер, обвинили ее в колдовстве, придумали истории с кровоточащим топором и варевом из детских пальчиков. И уже почти довели глупую торговку до костра. Если бы не вмешался этот Лапидиус...

— Вспомнила ли Зеклер о времени, проведенном... э... в горах? — спросил Третий сын дьявола. Он так низко склонился к Кёхлин, что маска покачивалась прямо перед ее лицом.

— Нн... ннет... наверное, нет.

И снова рука потянулась к обнаженной груди. Но на этот раз она больно щипнула ее.

— Ай! Ой-ёй-ёй! Я не знаю. Правда, не знаю. Нас не пускают к ведьме.

Рука на груди немного ослабила хватку.

— А что говорит Марта? Она согласна?

— Говорит, что Зеклер больна и за ней нужен уход.

— И больше ничего? Она не разговаривала с ведьмой?

Кёхлин попыталась освободиться от руки, сдавливающей грудь, но тщетно.

— Нет, и не хочет. Говорит, что не хочет и связываться.

— Так припугни ее! Не может быть, чтобы она жила под одной крышей с ведьмой и не слышала, что та говорит!

— Хорррошо, сделаю.

Медленно хватка ослабла. Третий сын дьявола нехотя убрал руку.

— Сделай все, чтобы разузнать. Это важно. Жизненно важно. Для тебя! И помни: мы еще вернемся! — Он достал из кармана три монеты и небрежно бросил их на пуховое одеяло. — Это тебе. Но их надо отслужить!

Больше не произнеся ни слова, Третий сын дьявола повернулся, прихватил с собой Второго и, хромя, пошел вон из дома.

К соседке, Марии Друсвайлер.

ТРИНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ЛЕЧЕНИЯ

Поскольку после набега черни его кровать все еще стояла на трех ногах, ночь Лапидиус снова провел в кресле. Пусть это и любимое кресло, спал он отвратительно.

Он встал и размял косточки. В кухне все было тихо. Марта еще не принялась за будничные дела. Это пришлось кстати, можно спокойно совершить утренний туалет. Умывшись и одевшись, он постучал в комнатку служанки.

— Марта, ты проснулась?

Никакого ответа.

Его охолонуло дурное предчувствие. За последние дни так много всего произошло, что он настораживался по любому поводу. Снова постучал:

— Марта!

— Шас, чё тако? — раздалось изнутри.

— Слава богу, я уж думал, что-то случилось.

— Нее, нее. Я ж с Заступницей. Чё, поторопиться?

— Нет, поднимайся спокойно. Я пока загляну к Фрее.

Он взял воды и вчерашнего отвару и пошел наверх. Перед заслонкой камеры он поставил все на пол и отпер дверцу.

— Фрея!

Она лежала к нему спиной, скрючившись на тюфяке. Он наклонился и взял ее за плечи. И только теперь расслышал тихое поскуливание.

— Фрея, Фрея, скажи же что-нибудь.

Она так резко повернулась, что он отпрянул.

— Не хочу, не хочу больше! Больше не могу!

— Но ты ведь знаешь...

— Больше не выдержу! Выпустите меня, выпустите, выпустите, выпустите...

Ее всхлипывания перешли в безудержный плач. Лапидиус остолбенел. Он показался себе самым жестоким человеком на свете. А она снова начала умолять:

— Помогите мне! Выпустите меня, пожалуйста, выпустите!..

В его душе перемешались сострадание, умиление и беспомощность. Его вина, что она там страдает. Его и ничья больше! Ну, что он мог сказать?

— Что я могу сказать? — услышал он собственный голос, и это больше не было пустыми словами.

Она снова заплакала и отвернулась. Тогда он спустился вниз за лауданумом. А когда вернулся с лекарством, увидел, что у нее жуткие пролежни. На лопатках плоть стерлась чуть не до кости. Конечно, это должно доставлять невыносимые страдания. Не меньше, чем боль в суставах, колики и язвы во рту.

Он сказал:

— Я принес тебе лауданум, помнишь, капли из коричневого пузырька.

Она ничего не ответила, только продолжала всхлипывать. Лапидиус понял, что дальше так продолжаться не может. Надо было что-то делать.

— Давай, реви громче, — сказал он, надеясь, что его тон достаточно язвителен. — Громче реви, чтобы все слышали! Вой так, чтобы весь мир знал, как тебе паршиво! Оплакивай себя, захлебнись в собственных слезах! Тогда мне не надо будет зря тратить на тебя драгоценное лекарство. Могу его вылить, или подарить, или продать, мне-то оно давно не нужно.

Хныканье усилилось. Лапидиус уж подумал, что переборщил, как вдруг плач резко оборвался. Фрея повернулась к нему.

— Дайте, — прошептала она.

— Вот и хорошо, — он так обрадовался, что чуть было не обсчитался с каплями. Но в конце концов протянул ей десять капель. Не больше и не меньше.

Только-только начался тринадцатый день лечения, и он не знал, сколько благодатного средства еще понадобится. Запас должен оставаться всегда.

Когда Фрея выпила лекарство, он сказал:

— А теперь давай вместе считать до трехсот. Сама увидишь, что тебе быстро станет лучше.

Они начали отсчет, и Лапидиус с удовлетворением отметил, что это занятие хорошо отвлекает пациентку от жалоб. Когда счет был окончен, его наметанный глаз определил, как расслабилось ее тело. Он втайне порадовался.

— Ну, что я тебе обещал? Боли ушли?

— Да, терпимо, — она провела рукой по глазам.

— Вот и хорошо. Знаешь, я... я не для того, чтобы тебя обидеть.

По ее лицу пробежала улыбка:

— Я знаю.

Лапидиус пододвинул сундук и начал поить Фрею водой и отваром. Потом взял ее руку и проверил кожу на обезвоживание.

— Надо еще попить.

Он поспешил вниз и принес другую кружку колодезной воды. Под конец влил в нее остатки отвара. Отвар был холодным и маслянистым, но Фрея не жаловалась. Он снова сделал пробу, оттянув кожу. И на этот раз результатом остался доволен. Рука Фреи снова легла на солому, а он, сам того не желая, вдруг сказал:

— Знаешь, кажется, я довольно далеко продвинулся в расследовании твоего дела. У меня теперь есть подозреваемый, который, возможно, за всем этим стоит.

Он уже был готов рассказать о Тауфлибе и о своих подозрениях, что мастер убил обеих девушек, как вдруг сообразил, что Фрея знает о Гунде Лёбезам, но и слыхом не слыхала об отрезанной женской голове. Он об этом словом не обмолвился, чтобы пощадить ее. Марте тоже велел молчать. Так что и на этот раз решил ограничить себя в высказываниях:

— Давай попробуем еще раз вернуться к твоим смутным воспоминаниям. Я имею в виду часы или дни, о которых ты плохо помнишь. Ты говорила о глазах, цвет которых не знаешь, о руках, которые, по всей вероятности, принадлежали мужчине, и о голосе, повелительном и ласковом, который за-

звал тебя в «чудное теплое место». Я долго размышлял об этом и пришел к такому выводу: встреча с чужаком, точнее, с чужаками, ибо я уверен, что их было трое, произошла в горах. Ты ведь сама говорила, что потом бежала под гору. Проблема только в том, что Кирхроде окружен горами со всех сторон. Искать то место, где ты... э... очнулась от чар, что искать иголку в стоге сена. А найти это место очень важно. Там должны остаться следы, предметы — доказательства, которые помогли бы мне обличить преступников. Попробуй еще раз вспомнить какие-нибудь подробности. Или события, запечатлевшиеся в твоём мозгу, перед тем как ты очнулась. Ты говорила что-то о красных тонах, расплывавшихся и сливавшихся друг с другом. Так ведь, Фрея? Фрея!

Она задремала. Лауданум утишил боль и послал благодатный сон. Ну, хорошо. Вопросы он может задать и потом. Каждый час, когда Фрея забывалась от страданий, шел ей на пользу. Он окинул взглядом ее хрупкую фигурку и установил, что слой ртутной мази надо обновить.

Заперев жаровую камеру, он прихватил кружки и спустился в царство Марты. Марта стояла у стола и готовила рагу из зайчих потрохов. Воскресный обед и одно из самых любимых кушаний Лапидиуса.

— У Фреи пролежни на спине, — сказал он. — Возьми мазь, которую ты даешь матери от подагры, и наложи пару компрессов.

Марта готовила блюдо в железном горшке на гусином жиру. Жир сильно шкворчал.

— Марта!

— А, хозяин?

— Ты слышала, что я сказал?

— Ага, хозяин, шас. Дак ведь не все сразу бывает!

Лапидиус это понимал. Хотя тон, в котором это было сказано, ему снова не понравился.

— А потом наложишь известковый порошок на язвы губ, да и *diaphoretikum** не помешает — Фрея получила много жидкости. Но главное, вотри новый слой ртутной мази по телу.

— Дак ее уж нету, — Марта мелко резала морковь, лук и яблоки.

**Diaphoretikum* (лат.) — потогонное средство.

Лапидиус нахмурил брови:

— Что? Уже кончилась? Ладно, сделаю новую. А ты сначала закончи с обедом.

Как выяснилось после обеда, в высшей степени превосходного, сказать «сделаю» было легче, чем сделать. Потому что у Лапидиуса не осталось йодированной ртути. Так что пришлось действовать по старинке и вначале добывать чистый *hydrargyrum*, прежде чем замешивать мазь. Дело было несложное, но требовало многочасового труда. Он начал с того, что установил во дворе железную треногу. В ее кольцо прочно держался большой глиняный горшок, который Лапидиус извлек из сарая позади своего дома. Потом из ящика с образцами пород достал несколько крупных кусков лучшей испанской киноvari. Сложил их в горшок. После этого выскреб из атанора и добавил на два пальца золы. Утрамбовал ее буковым поленом. Первый этап работы был на этом закончен.

Лапидиус устроил себе передышку и пошел вверх по Бёттгергассе, где строился новый фахверковый дом, и попросил у застройщиков полведра песчанистой глины.

Вернувшись на свой двор, он взял второй горшок, чуть меньше первого, и, перевернув вниз горлышком, поставил на больший. Потом тщательно обмазал место их соединения глиной. Сложил под треногой дрова для растопки и запалил их. Вскоре с помощью меха он разжег потрескивающий костер — и взмолился Богу, чтобы не пошел дождь.

Он подкладывал и подкладывал поленья, потому что для того, чтобы *hydrargyrum* парился из киноvari и через слой золы возгонялся вверх, во второй горшок, требовалось время. Оттуда, если все пойдет как надо, ртуть, сконденсировавшись, будет падать на золу нижнего горшка.

И ему удалось. Его охватило чувство триумфа, когда он увидел шарики чистой ртути, переливающиеся на золе. Он, конечно, знал давно этот способ получения ртути, но сам провел эксперимент впервые.

Следующий этап он проводил в своей лаборатории. С помощью атанора нагрел *hydrargyrum* до такого состояния, что получились красные кристаллы окиси ртути. А он знал, что их можно замесить, как и йодированную ртуть, в мазь, добавив ланолина. И эта мазь тоже годилась для лечения сифилиса.

Изготовив мазь, он пошел к колодцу и тщательно вымыл руки. Потом вернулся в дом и позвал Марту:

— Чё, хозяин?

— Свежая мазь готова. Иди натри Фрею.

— А я-та как раз собиралась к матушке.

— Хорошо, иди ради бога. Только не надолго. Мазь должна непрерывно воздействовать на кожу.

— Ладна, ладна, хозяин.

Марта поспешила исчезнуть.

Лапидиус, утомленный физическим трудом, сел в любимое кресло. Изготовленной мази должно хватить до конца курса, и, с Божьей помощью, Фрея будет снова здорова. Вопрос только в том, что от этого толку, если судья Мекель со своими заседателями приговорят ее к сожжению на костре. Уже поэтому надо доказать ее невиновность, без всякого сомнения.

Женский череп, как выяснилось, не так продвинул его вперед, как он надеялся. И с рогами, ему казалось, все будет просто: стоит только найти козла, у которого они отпилены, как он сам по себе приведет к убийце. Но реальное положение дел научило его уму-разуму. Даже если бы он нашел того козла, это еще не было доказательством. Его хозяин не обязательно должен быть убийцей, ведь рога мог отпилить кто угодно, под покровом ночи и мглы. А даже если бы вина и лежала на самом хозяине, так надо еще доказать. Что при наличии бегающих по всему городу безрогих козлов практически не представлялось возможным.

По крайней мере, размышляя Лапидиус дальше, надо обладать немалой сноровкой, чтобы закрепить рога в черепе. Да, сноровкой и инструментом. Здесь нужна не только пила, но и бур. Большой бур, чтобы просверлить в лобной кости дырки. Его бросило в дрожь, когда он представил себе, как бур вгрызается в череп убитой. Стоп! Бур! Это может оказаться ниточкой.

Лапидиус подскочил от возбуждения. Ну конечно! Не у каждого в Кирхроде есть такой инструмент. А если на то пошло, так у очень немногих. У ремесленников, например, плотников, кузнецов, слесарей. Он снова сел и заставил себя успокоиться. Он уже потерпел поражение с козлом и теперь не хотел допускать ту же ошибку. Если он выищет разных людей с подходящим буром, могут ли они все подпадать под подозрение, как и владельцы козлов? Да. Снова тупик. Он размышлял

дальше. А если на инструменте окажутся следы? Кровь или частицы кожи? Тогда другое дело. Лапидиус выглянул в окно. Еще как минимум часа три будет светло. Достаточно времени, чтобы поискать подозрительных мастеров.

— Как я, скорехонько, а, хозяин? — В дверях стояла Марта, розовошечая, в облаке прохладного воздуха. — Матушка вам кланится.

— Спасибо.

Лапидиусу пришла в голову мысль. Он спросил Марту о местных плотниках, кузнецах и слесарях, спросил улицы, где у них мастерские.

— А чё тако, хозяин?

— Не задавай много вопросов. Просто расскажи.

За неимением под рукой клочка бумаги он открыл чистую страницу в своем журнале.

— Ну ладна, хозяин.

Марта начала перечислять, усиленно морща лоб, а Лапидиус все подробно записал. Под конец он отметил имена девяти уважаемых мастеров, которые жили не слишком далеко отсюда.

— Спасибо, Марта. — Лапидиус сунул книжонку в карман, прошел в переднюю и накинул плащ. — К ужину вернусь.

— А пошто вам мастера-та, хозяин. Аль сломалось чё? — не удержалась служанка и крикнула ему вслед.

— Сказал же тебе, не задавай лишних вопросов! Лучше пойдди натри Фрею ртутной мазью. Ключ от жаровой камеры я тебе дал. И смети там всю паутину.

Лапидиус захлопнул за собой дверь. Выйдя на улицу, он сообразил, что день воскресный и надо подыскать какой-нибудь верный предлог, чтобы идти к мастерам. Придумал! Тренога, на которой он утром жарил горшок, все еще стояла на дворе, и у нее была погнута одна нога. Пользоваться ею это, конечно, не мешало, но чтобы устранить повреждение, требуются тиски и молот. Вот и предлог. Лапидиус, не желая снова столкнуться с Мартой, обошел дом и взял со двора треногу. Она оказалась на редкость тяжелой, так что он просунул руку в кольцо и забросил громоздкую вещь на плечо.

Первый ремесленник, которого он отыскал, был Антон Элерс, судя по вывеске, кузнечных дел мастер. Элерс был вдовцом, его жена много лет назад умерла от грудной жабы. Когда появился Лапидиус со своей просьбой, он как раз на-

слаждался послеобеденным сном. Мастер с готовностью вызвался помочь и пригласил гостя в мастерскую.

— Раньше-то я рукой мог гнуть такие штуки, — громогласно рассмеялся он. — Но время точит нас всех. Давайте сюда! — Он взял треногу и рассмотрел ее внимательнее. — Да, надобно зажимать в тиски, иначе не выправить.

— Так я и думал, — сказал Лапидиус, мысли которого были совсем не о треноге.

Он беглым взглядом обошел мастерскую. Горн, наковальня, вытяжка. Разный инструмент, развешанный по стенам. В обязанности кузнеца входит и изготовление буров и буравчиков. И в самом деле, их здесь была целая куча. Кое-какие годились, чтобы просверлить отверстия нужного ему диаметра. Но все они были новехоньки, ими еще не пользовались.

— Два-три удара, и готово, — сообщил Элерс.

— Э... что вы сказали?

— Два-три раза стукнуть, говорю, и нога будет снова исправна. Но сегодня я вам не сделаю. Как любит повторять пастор Фирбуш? «Воскресный день оставь для молитвы», и тут, я думаю, он на редкость прав.

— Конечно, конечно, — Лапидиус выискивал глазами то, что ему сгодилось бы, но ни одного подходящего инструмента не нашлось.

— Оставьте вашу треногу. Завтра зайдете за ней, будет как новенькая. Слава богу, пока нет специальных мастеров по треногам, так что могу взяться за это дело. Вот раньше, скажу я вам, кузнец имел право изготавливать все, от гвоздя до лемеха. А теперь не то. На каждую мелочь свой мастер, разве это дело? — он снова зашелся громоподобным смехом.

— Да, да... — Лапидиус вымучил улыбку. Он чуть не забыл, что треногу нельзя оставлять ни в коем случае, она потребуетсся ему, чтобы навестить других мастеров. — Э... я как раз вспомнил, что она потребуетсся мне еще сегодня для эксперимента. Я ведь ученый.

— Ах так? Ну ладно. Забирайте. И не обижайтесь, что сегодня не могу вам помочь. — Элерс вынул треножник из тисков.

Лапидиус поспешно сказал:

— Благодарю вас. Посмотрю, смогу ли заглянуть завтра.

Снова очутившись на улице, он понял, что сегодня ему еще не раз придется объясняться. И как в воду глядел. Мастера бы-

ли все как один доброжелательны и готовы помочь, несмотря на воскресенье, но все они под конец удивлялись, когда Лапидиус не хотел выпускать свою ношу из рук.

Он и сам понимал, что выглядит чудачком. «Дурак я дураком, — ругал он себя, — собью себе ноги и заработаю горб, таскаясь с такой тяжелой штуковиной! Нет бы набросать чертеж какого-нибудь ящика и обивать пороги с ним. Пока они разбирались бы, смогут ли мне его изготовить, я мог спокойно все осмотреть. Если бы мастер согласился, всегда можно выкрутиться, что надо еще раз подумать о цене. Скажи он «нет», мне так и так этот ящик не нужен. А я тут всем на смех таскаю на горбу железную треногу, как какое-то вьючное животное!»

Лапидиус остановился, чтобы передохнуть, скинув ношу с плеч. Во всяком случае, восьмерых из девяти мастеров он уже навестил, и у троих из них — Элерса, плотника по имени Хартманн и слесаря Войгта — были буры, подходящие по размеру. Последним в его списке значился Тауфлиб.

Наносить визит ворчливому мастеру Лапидиусу не очень хотелось, и все-таки он снова взвалил треногу на плечи и зашагал дальше. Вскоре он уже стоял у дверей соседа.

— Да? — было все, что Тауфлиб выдавил из себя, открыв дверь на стук.

Он был в исподней рубашке, домашних штанах и туфлях. Лучшей одежды, чтобы соблюсти воскресенье, он не посчитал нужным надеть.

Лапидиус изложил ему свою просьбу, на этот раз почти беззаботно — теперь ему было все равно, останется тренога у мастера или нет.

— И из-за такого пустяка вы являетесь в воскресенье? — пробурчал Тауфлиб, но пошел в мастерскую.

— Ну, э... как вы знаете, я ученый, и поэтому...

— Да, да, знаю. Только вот интересно, почему вы разгуливаете со своей ношей по всему городу, вместо того чтобы сразу прийти ко мне.

— Э... что?

— Вы же спускались с ней сверху по улице. Я вас видел.

Лапидиусу ничего не пришлось в голову, чтобы ответить, и он просто сказал:

— Вы могли бы выправить ногу?

Тауфлиб только проворчал себе под нос. Он уже зажал треножник в тиски, а теперь бил по ней кувалдой. Лапидиус воспользовался такой возможностью, чтобы оглядеться. Хоть мастер и отличался самым скверным характером в округе, надо отдать ему должное: в мастерской у него царил порядок. Над верстаком, написанный красными буквами, красовался стишок:

«Коль на место все положишь,
сэкономить время сможешь».

И на самом деле, весь инструмент у него стоял по столам, словно солдаты на плацу, построенные по росту. На стенах тоже все было аккуратно развешено. Поэтому Лапидиусу не понадобилось много времени, чтобы обнаружить бур нужной величины, который лежал на полке напротив. Он подошел к нему ближе и взял в руки. Весил он немало, а на его конце виднелись темные засохшие пятна. Кровь?

— Положите на место! — резко прозвучал голос мастера.

— Извините, я только хотел...

— Хороший инструмент не для рук неумехи. — Тауфлиб взял у него бур и положил его на полку. — Забирайте вашу треногу, готово.

— Э... спасибо.

Смутившийся от отповеди Лапидиус взял треножник и откланялся. Когда он уже был в дверях, до его ушей донеслось что-то вроде:

— Как будто нельзя было с этим подождать до завтра.

Где-то, не умолкая, лаяла собака, когда Лапидиус крался ночной порой к дому Тауфлиба. Он долго сомневался, стоит ли идти на такой безрассудный шаг, но другой возможности подобраться к буру, он не видел. Этот инструмент, если на нем действительно была кровь, мог изобличить мастера, и только это шло в расчет.

В руках у него был прикрытый тряпицей фонарь, и он надеялся, что этого света будет достаточно. Потому что ему нужен был не только бур, он хотел еще найти и труп убитой девушки. Этого, он уверен, вполне хватит, чтобы взять мастера под стражу. Тогда Фрея будет спасена.

Пробраться в дом через заднюю дверь оказалось делом смехотворно легким. Заперта она не была, а Тауфлиб, как хороший хозяин, добросовестно смазал петли, они даже не скрип-

нули. И все-таки сердце Лапидиуса рвалось из груди, когда он осторожно обшаривал мастерскую. Однако его страхи оказались напрасными. Вокруг все было погружено в сон. Даже собака, брехавшая вдали, умолкла.

А вот и бур, лежит на своем месте. Лапидиус взял его за ручку и заткнул за пояс, как нож. Только был он, конечно, много больше, фута два в длину, да к тому же громоздкий и тяжелый. Воодушевленный первым успехом, Лапидиус продолжил поиски. Если голова была снабжена козлиными рогами в этом месте, то и тело должно находиться где-то поблизости. Только вот где? Шкаф с человеческий рост так и манил обыскать его. Однако там оказались только метлы да лопаты, инструмент, которым зимой разгребают снег.

То же ждало Лапидиуса и в чуланчике, и в соседней каморке. Он сосредоточенно искал дальше. Почувствовав себя увереннее, он двигался быстро и бесшумно. Рядом с основным помещением мастерской находилось еще одно, меньших размеров. Здесь он осмотрелся особо внимательно, потому что в этом закутке бывать ему еще не приходилось. Здесь тоже стоял верстак с разным слесарным инструментом. И еще один с маленькими тисочками. Лапидиус чуть не присвистнул, когда понял, что изготавливается на нем: колесные замки для пистолетов и мушкетов. Так что Тауфлиб, как многие его товарищи по цеху, был не только слесарных дел мастером, но и изготовителем оружия.

Правоту Лапидиуса подтверждали многочисленные стойки со стоящими рядами мушкетами. А вот в углу обнаружилась странная вещь, чужеродное тело в такой мастерской, как эта. Эта была огромная корзина для сбора урожая, такие Лапидиус видел у Кривой Юлии. Корзина доходила ему до плеч, а он был ростом почти в шесть футов. Но она была пуста.

Лапидиус оставил чудной предмет в покое и продолжил поиски труп. Он прошел дальше и понял, что попал в кухню. Она была не похожа на царство Марты, и казалось, ею редко пользовались. Наверное, потому что в доме не было женщины. Но и здесь имелись шкаф с посудой, стол, полки разной величины. А есть ли подполье?

С величайшей осмотрительностью Лапидиус поднял кухонный стол и переставил его к стене у очага. Потом посветил на пол. Да, под пол вела дверца. И на ней даже было кольцо.

Прежде чем потянуть за него, Лапидиус напряженно вслушался, однако, как и прежде, дом был погружен в полное безмолвие.

Он подумал о том, что погреб как раз то место, где скорее всего может находиться спрятанный труп — не случайно он сам хранил мертвую голову под полом — и потянул на себя крышку. Делать это приходилось медленно, с частыми остановками, потому что здесь Тауфлиб за петлями не следил. Они тихонько поскрипывали, но и с этим Лапидиус справился. Он откинул крышку чуть больше чем под прямым углом и прислонил ее к столу.

С бьющимся сердцем он встал на колени и осветил в подполье. Все, что он увидел, были старые горшки и паутина. На контрфорсах сконденсировалась вода, капельки сверкали в свете фонаря, как маленькие алмазы. И больше ничего.

Он еще раз осветил все и, разочарованный, поднялся на ноги. Он только-только начал опускать крышку, как вдруг снова залаяла собака. Его напряженные нервы не выдержали, он вздрогнул. Тут все и произошло. Бур за его поясом угодил прямо в дверцу, она потеряла равновесие и с грохотом устремилась вниз. Он вскрикнул, отскочил и врезался прямо в шкаф с посудой. Тот закачался. Тарелки и блюда, глиняные кружки и кувшины посыпались на пол. Весь дом наполнился адским шумом.

Лапидиус бросился вон. Сначала в маленькую мастерскую, оттуда в большую, выскочил из дома, сопровождаемый криком Тауфлиба, несущимся за ним по пятам:

— Держите вора! Держите вора! Ну, погоди, мошенник, я тебя достану! Сто-о-ой!

Лапидиус был уже у зарослей смородины, еще немного — и он в безопасности, как вдруг ему пришло в голову, что Тауфлиб его тут же опознает, если он станет продираться в свой двор. Поэтому ему ничего не оставалось, как поглубже забиться в кусты и притаиться. Он безмолвно воззвал к небесам, чтобы мастер его не обнаружил.

— Где ты, мерзавец? — На пороге показался Тауфлиб, дико озираясь и ничего не различая в тусклом свете луны. В руках он держал кочергу, которой можно было свалить и быка. — Где ты, мерзавец? Выходи, коли не трус!

Лапидиус и не думал выходить.

Худо-бедно мастер притих. Наверное, у него в мозгах забрезжило, что и для него ситуация была небезопасной. Он продвигался по двору медленно, шаг за шагом, заглядывая во все уголки и закоулки. Лапидиус возблагодарил Бога, что у Тауфлиба фонаря не было, а свой он успел погасить.

— Попадись ты мне, — слышал он бурчание мастера, шаги которого угрожающе приближались. — Отбивную из тебя сделаю! Проклятье, что Горма нет! Проклятье, проклятье! И где только торчит этот парень? Посреди ночи! Бездельник!

Тауфлиб стоял теперь так близко от Лапидиуса, что тот мог без труда пнуть его по ноге, что было бы большой глупостью, но какое-то мгновение он подумывал серьезно, не свалить ли ему мастера с ног и разок влить. Тогда будет время сбежать. Однако Лапидиус знал, что не способен применить грубую силу.

— Ничего, я подожду, — все еще не мог уговориться Тауфлиб. — Вор часто возвращается на место преступления. Вот тогда ты у меня получишь! И где этот Горм? Он быстро разделается с мерзавцем...

Прошло еще битых полчаса, пока мастер наконец не сдался и, ворча, убрался восвояси. У Лапидиуса гора с плеч свалилась. Больше бы он не выдержал ни минуты. Ноги совсем затекли, он весь продрог, и вдобавок ко всему на него напал чих, который он сдерживал из последних сил.

Но теперь все было позади.

И он добыл бур.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ЛЕЧЕНИЯ

Колокола на церкви Святого Габриеля отбивали уже полночь, когда Лапидиус на цыпочках вошел в свой дом. Он двигался так же бесшумно, как прежде в мастерской Тауфлиба. Он не хотел разбудить Марту. О его ночном походе ей не надо знать.

Войдя в лабораторию, он решил поутру снова отослать ее, чтобы обследовать бур в тишине и покое. Приведет ли его инструмент к убийце? Лапидиус подавил вздох. Пришла пора раскрыть тайны, окружающие Фрею.

Холодная сталь за поясом звякнула. Он ослабил пояс и вытащил бур. Ну, и куда с ним? Погреб в расчет не шел. Во-первых, хватит с него на сегодня тяжелых хлопающих крышек. Лучше всего положить железяку туда, где Марта не стирает пыль. Он прикинул все укромные уголки. Ну, конечно! Под крышкой его лабораторного стола была масса зажимов, которые он когда-то установил для одного опыта. Теперь они сослужат ему службу еще раз. С их помощью он может незаметно закрепить бур под крышкой.

Когда все было сделано, пришла пора отправиться на покой, что означало всего лишь снова устроиться в любимом кресле и сидя провести остаток ночи.

Он полагал, что после всех пережитых приключений сразу заснет, однако все вышло с точностью до наоборот. Сна не было ни в одном глазу. Мистерия, разыгрываемая вокруг Фреи, не давала ему покоя.

События и встречи стояли перед глазами, будто произошли только вчера. Они картинками отпечатались на его сетчатке. Люди и лица. Столько вокруг людей, которые в той или иной степени подозрительны! В первую очередь Тауфлиб, грубый человек, от которого всего можно ожидать, далее Горм, который в последнее время зачастил в его дом. Крабиль, поразительно мало знающий и еще меньше желающий знать. Нихтерляйн, пуговичник, у которого был безрогий козел, а он не имел понятия, почему. Свидетельницы Кёхлин и Друсвайлер, которым поручили оболгать Фрею. Потом старина Хольм, первым обнаруживший обеих погибших — случайность? Или за этим стоит что-то большее?

Добавим судью Мекеля, заставляющего начальника стражи шпионить на него и знающего определенно больше, чем говорит. Гесселер, городской медикус, который отказался выполнять свои обязанности в камере пыток, сославшись на падающую, от которой, однако, не лечился. Пастор Фирбуш, который не считал нужным прочитать поминальную молитву по Гунде Лёбезам, но был страшно возмущен осквернением триптиха святого Габриеля. Наконец, Хероберт Вайт, аптекарь, который по вечерам часто отсутствовал дома, продавал белену и интересовался, много ли Фрея говорит. Об этом же спрашивали судья Мекель и слабоумный Горм. Последний даже не раз.

Да и вообще все городские главы: Штальманн, бургомистр, который — искренне или для виду? — ревностно служит закону; советник Коссак, неприметный человек, к которому именно поэтому стоило присмотреться; далее советник Леберехт с тиком на глазу, который желал увидеть Фрею на костре и лучше сегодня, чем завтра.

Кривая Юлия. На нее он думал меньше всего, она не была в состоянии совершить эти убийства хотя бы из-за своего увечья. Скорее уж ремесленники, у которых имелись подходящие буры: Элерс, Хартманн и Войгт. И — Тауфлиб. Вот, опять Тауфлиб. До его слуха донесся стон, и в первое мгновение он подумал, что звук исходил от него самого, как своего рода реакция на поток клокочущих мыслей. Но понял, что это не так, потому что стон повторился и звучал он похоже на «нет!».

— Нет?

Внезапно его осенило, что звуки идут сверху через тепловой канал. Конечно, это Фрея. Она его зовет или разговаривает во сне?

— Ай-й-мень!

Нет, все-таки, должно быть, что-то страшное приснилось. Что же ему делать? Он терзался в сомнениях. Если пойти наверх, можно лучше расслышать слова. Но зато есть опасность упустить что-то важное. Остаться внизу — придется с трудом разбирать сказанное. Он поискал в кармане ключ и, разумеется, не нашел. Так что пришлось бежать в кухню, чтобы пошарить за кирпичом в стене. Проклятье, с этими вечными передачами ключа — то он Марте, то Марта ему, то тайник — была вечная путаница! Но второй экземпляр он не хотел заказывать. Слава богу, ключ был на месте! Он помчался вверх по лестнице, в спешке засветил лампу и отпер дверцу. Фрея беспокойно металась по тюфяку, будто старалась защитить голову от какой-то опасности сверху.

— ...ай-й-мень... ай... ай-мень... Камень... меня... нет...

Словно окаменев, Лапидиус прислушивался к ее словам, ожидая продолжения. Но его не было. Разочарованный, он уже хотел разбудить Фрею, как она снова заговорила:

— Нет... ззз... ззубы... зубы... ай-мень... камень... мне... сс... сстрашно... острые...

Она начала отбиваться руками в воздухе, издавая нечленораздельные отчаянные звуки. Потом опять смолкла, хрипела, стонала и задыхалась. Лапидиус ждал нового извержения, но напрасно. Фрея постепенно успокоилась, дыхание выравнилось, как видно, кошмарные картины ее сна бледнели.

Лапидиус почувствовал, что пора действовать. Он легонько потряс ее за плечи:

— Фрея, Фрея! Проснись!

Медленно она выплывала на поверхность действительности. Щурила глаза и непонимающе озиралась. Потом узнала Лапидиуса и снова прикрыла веки.

— Фрея! Проснись же!

Наконец, она повернула лицо к нему:

— Да?

— Что тебе снилось? Это может быть очень важно!

— Снилось? Я... я...

— Что это было? Что ты видела?

— Я... все было темно, потом острое и страшное... я не знаю.

— Послушай, я сейчас назову, что ты говорила во сне, а ты постарайся вспомнить.

Лапидиус сконцентрировался, чтобы правильно повторить цепочку вроде бы бессмысленного набора слов.

— Пожалуй, первое слово «камень», возможно и «ай, меня», потом точно «лицо», подожди, «зуб», да, «зубы», а под конец или «острые», или «страшно». Наверное, там было что-то острое и страшное. Может такое быть?

— Я... Я... — Фрея честно старалась, но было видно, что слова не складываются в картину.

— «Камень, лицо, зуб, зубы, острые, страшно», — почти закинул Лапидиус. — Должно же тебе это что-то говорить!

— Я... да... нет.

— «Камень, лицо, зуб, зубы, острые, страшно»?

— Я... мне кажется, там было лицо... из камня.

— Лицо из камня? Где? — Лапидиус склонился почти к ее губам, чтобы не пропустить ни слова.

— Не знаю.

— Ладно, оставим камень. А что с «зубом» или «зубами»? И «острые». Может, это относится к зубам? Зубы были острые? И поэтому страшные? Вспомни, когда я будил, ты как раз говорила это. Итак, «острые страшные зубы»? Можешь вспомнить что-нибудь такое?

Она покачала головой.

— Зубы... нет, не знаю.

— Чего ты не знаешь? Скажи, чего не знаешь?

— Зубы... не смейтесь надо мной, они... были каменные, и лицо тоже каменное.

Лапидиус откинулся назад. Его чувства сшибались друг с другом. С одной стороны, ему удалось установить видения из ее сна, а с другой — это могло ничего и не значить, а могло быть искаженными образами буйного воображения. Картинами того, чего никогда не случалось в действительности.

— Скажи, как ты думаешь, может быть так, что этот сон вовсе не сон, то есть я имею в виду, что зубы и лицо из камня реально существуют?

— Да.

Она ответила так быстро, что он вынужден был переспросить:

— Да?

Она кивнула.

— Так это замечательно! Какая-то часть твоей потерянной памяти живет во сне. Возможно, что все твои воспоминания выплывут в следующих снах. Но можем постараться и сократить ожидание. Ты знаешь, где тебе встретилось лицо из камня? Или каменные зубы? Не торопись, не будем форсировать, соберись и ответь мне.

— Я... я... — она покачала головой.

— «Камень, лицо, зуб, зубы, острые, страшно»! Ты должна постараться! «Камень... лицо... зуб... зубы... острые... страшно»?

— Нет... я... я...

— Можешь описать лицо из камня? Глаза, нос, губы? Мужское оно было или женское? Большое или маленькое? Красивое или уродливое? Молодое или старое? Серое, черное, коричневое? Раньше ты его видела?

— Я... я...

— А острые зубы? Они были на этом лице? Или ты видела их в другом месте? Какой они были длины? Много их было? Они торчали изо рта? Можешь описать их форму?

— Я... я... ничего не знаю... не знаю, не знаю, не знаю, даже если это стоит мне жизни! — Она закрыла лицо руками и заплакала.

— Ради бога, не плачь, слышишь? Это важно, это очень важно!

Она не переставала плакать, то всхлипывала, то заходилась в рыданиях, и отвернулась к стене.

Он не отважился настаивать дальше, хоть и чувствовал жуткое разочарование. Так близко подобраться к истине, и снова ничего реального не узнать!

— Послушай, Фрея, ты не виновата, просто мне трудно понять, как ты не можешь вспомнить хоть что-то.

Рыдания стихли, но плечи еще вздрагивали.

— Наверное, просто дело обстоит так, как однажды рассказывал мне Конрадус Магнус. Человеческий мозг склонён к тому, чтобы избавляться от некоторых воспоминаний, особенно если они неприятные. Тогда получается так, как будто этого никогда и не было, поэтому человек и не может вспомнить.

Вроде бы она успокоилась.

— Кто знает, что произошло с тобой в этом «чудном тепленьком местечке». Парацельс, знаменитый врач, писал о монахах-врачевателях, которые заставляли больного смотреть в кристальный шар, после чего он впадал в глубокий сон. Сон был нужен для того, чтобы внушить пациенту веру в исцеление. Некоторые из больных, когда просыпались, ничего не помнили. Послушай, Фрея, может быть, с тобой проделали что-то похожее, чтобы потом... э... заставить тебя делать такие вещи, которые бы ты иначе не стала делать? Возможно, тебе дали еще дурманящее питье, чтобы усилить действие кристального шара? Например, отвар белены. Возможно, возможно... Много чего возможно, не вини себя.

Она ничего не отвечала. А по ее дыханию он понял, что она уже спит.

Что ж, пусть спит. Ни за что на свете не станет он ее больше будить. Он закрыл и запер дверцу. Потом потушил лампу и в полумраке предался размышлениям. «Камень, лицо, зуб, зубы, острые, страшно»... Снова и снова бормотал он эти слова. Каменное лицо и острые каменные зубы — вот все, что вспомнила Фрея. А к этому еще колеблющийся красный цвет, расплывающийся и перетекающий. Что бы все это значило?

Камень. Каменное. Где есть камни? Разумеется, в горах. В горных массивах. Но каменное лицо? Такого не может быть. А каменные зубы? Тоже нет. Нет таких каменных пород, острых и страшных. Поверху гор нет. А внутри? Стой! Эта мысль казалась такой безрассудной, что он сразу отбросил ее. А потом вернулся. И теперь у него четко отпечаталось в мозгу: сталактиты! Окаменевшие натеки, сосульки, каменные, свисающие со сводов пещер. При некотором воображении их можно назвать зубами.

Лапидиус вскочил с сундука. Его каблуки со стуком ударили по полу. Торопливо он сел снова. Слава богу, Фрея не проснулась. Видела она и в самом деле сталактиты? Если да, то ее заманили в пещеру. Какая чудовищная мысль! Однако приходилось признать, что его предположение довольно шаткое, ибо в этой связи слова «чудное теплое место» и «колеблющееся красное» теряли смысл.

И все-таки мысль о сталактитах, показавшихся Фрее «каменными зубами», не оставляла его. Он потихоньку спустился вниз, сел в любимое кресло.

«Сталактиты... натечные минеральные образования... свешивающиеся с потолков пещер...»

На этой мысли он заснул.

Утром Марта казалась сбитой с толку, когда Лапидиус снова велел ей пойти на рынок. На этот раз она должна была купить свинины. Не слишком жирной, не слишком много, не слишком дорогой. И выбирать надо не спеша. «Это вообще не к спеху», — сказал Лапидиус под конец, одним глазом уже косясь на лабораторный стол.

— Не к спеху? Ну и сказанули, хозяин! Дак хто дом-та берет, коли я прохлаждаться буду?

— Ладно-ладно, иди.

Когда Марта ушла, Лапидиус первым делом вынул из-под столешницы бур, а потом достал из погреба голову. Череп между тем уже так завонялся, что чуткий на запахи Лапидиус чуть было не потерял сознание. Только делать нечего. Придется потерпеть, если он хочет выяснить еще что-нибудь. Немного поразмыслив, он повязал платок, прикрыв рот и нос, и приступил.

Вначале он вставил бур в отверстие от рога. То, что это было первым шагом, диктовала сама логика, потому что если острие не подойдет, не стоит исследовать и дальше. Это значило бы, что Тауфлиб невиновен. Тогда придется побегать по другим мастерам, чтобы под каким-нибудь предлогом выманить бур.

Острие подошло.

Оно не было ни мало, ни велико, в отверстие вошло как по маслу. Лапидиус, который от волнения затаил дыхание, облегченно вздохнул. «Тауфлиб, ты у меня в руках, — прошептал он. — Хоть пока и не подозреваешь, но я тебя уличил. Тебя и твоих сатанинских братьев. Потому что ты обязательно назовешь их имена, хотя бы для того, чтобы спасти собственную шкуру. И тогда Фрея будет оправдана».

Правда, до этого дело еще не дошло. Трупная вонь вернула его к действительности. Еще придет время, когда можно будет отдать мертвую голову. А пока пусть *corpus delicti* вернется в погреб. Только надо упаковать как следует, иначе велика опасность, что Марта учует запах через щели. После недолгих поисков Лапидиусу попалась большая коробка от старого компаса, как раз подходящая для черепа. Он с облегчением

снял с лица повязку, спустил коробку вниз и снова занялся буром. Еще раз обследовал лезвие. Это было исходным моментом и поворотной точкой в его доказательствах. В мастерской Тауфлиба он уже обратил внимание на присохшие к металлу пятна, теперь же смог рассмотреть внимательнее. Он понюхал их, но ничего определенного не установил. Ладно, определить таким образом засохшую кровь нелегко. У нее нет особого запаха — каждый ребенок, который хоть однажды поранился, знает это.

Но есть другие способы раскрыть происхождение темного вещества, и Лапидиус взялся за дело основательно.

Следующим было испытание водой. Для этого он соскоблил крохотные кусочки бурого налета в тигель. Добавил туда немного воды. Рассчитывать на быструю реакцию в этом опыте было нечего, поэтому он отставил тигель в сторону и сразу же принялся за третью пробу.

Это было испытание медью. Для такого опыта ему потребовалась соль меди, которую он ровным слоем нанес на острие. После чего протер поверхность тряпочкой. Налет исчез, открыв первозданную чистоту металла. Лапидиус довольно хмыкнул. Он знал, что медные соединения убирают следы крови. Следует, конечно, допустить, что оно может удалять и другие субстанции, но вероятность того, что тут кровь, была высока.

Четвертая проба стоила Лапидиусу особых усилий. Это было испытание на вкус. Еще раз он счистил с острия бура несколько ошметков и сунул их в рот. Потом закрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться, и прижал язык к небу, в надежде, что содержимое быстрее растворится. Ему показалось, что процесс идет недостаточно быстро, и он разжевал крошки. Наконец, он почувствовал на языке типичный вкус крови. Он выплюнул кровавую слюну в платок, которым прежде прикрывал носоглотку, и обратился к пробе с водой.

На первый взгляд в тигле ничего не изменилось, но при ближайшем рассмотрении он увидел вокруг твердых кусочков розоватые разводы. Признак того, что субстанция растворима в воде. А также того, что и она прежде содержала воду. Лапидиус прекрасно знал, что кровь содержит воду, как и весь человеческий организм, состоящий из нее на большую свою часть. Еще Таис из Милета говорил, что вся жизнь вышла из этого элемента.

Лапидиус подвел итог. Из четырех проведенных проб только первая, испытание на запах, осталась безрезультатной, три других говорили за кровь. Конечно, ни один из методов не давал точных научных доказательств — таких методов и не существовало — однако тот факт, что, по крайней мере, три пробы указывали на кровь, придавало результату высокую степень вероятности. Да, именно так: на острие бура из мастерской Тауфлиба была кровь.

На Лапидиуса внезапно навалилась усталость. Он мало спал сегодня, и природа требовала свое. Может, пойти поглядеть на Фрею? Пожалуй, нет, это он может сделать и позже. Следует ли сообщить результаты экспериментов городскому совету, чтобы Тауфлиба взяли под стражу? Нет, и это подождет своего часа. Мастер никуда не убежит, а кроме того, разумнее вначале разыскать пещеру со сталактитами. Если таковая вообще имеется.

Так что Лапидиус снова закрепил бур под столешницей и мгновенно заснул.

Прошло не так много времени, когда Марта вернулась с рынка. Она громко хлопнула входной дверью и крикнула:

— Дак прямо не поверите, хозяин, почем щас свининка-та... Ой-ёй... Звините, звините...

Она на цыпочках прошмыгнула в кухню.

Когда Лапидиус проснулся, день уже клонился к вечеру. Слишком поздно, чтобы выходить из города и отправляться в горы в поисках пещеры. Он расправил застоявшиеся члены и пошел в кухню. Марта как раз заливала жаркое соусом. Лапидиус потянул носом:

— Черт побери, пахнет восхитительно!

— О-о-ох! Господь-со-всеми-святыми-ну-и-напужали-жавы-меня! — Марта, тяжело дыша, схватилась за грудь.

— Прости, Марта. Но аромат потрясающий. Ты приготовила обед с учетом спагирики?

— Чё? Ах да, хозяин.

— Я тебе уже не раз говорил, что пища, приготовленная по всем правилам спагирики, самая здоровая на свете. Свинина должна готовиться так, чтобы она сохраняла все соки, а для этого ее сначала обжаривают на сильном огне, а потом тушат на более слабом, многократно поливая разведенным медом температуры крови.

- Ага, хозяин, — Марта со смаком облизала палец.
- А приправы ты растолкла в ступке?
- Ага, хозяин. И перчику хорошо добавила.
- Прекрасно.

Лапидиус знал, что зерна Молуккских островов не должны превалировать в общем букете, иначе они перекроют аромат гвоздики, тмина, кориандра и розмарина и обеспечат дискразию, но, как и многие представители его сословия, он был падок до перца.

- Ну что ж, тогда ты все сделала по правилам.
- Хошь по-любому называйте, хозяин, а я дак просто сжарила жаркое как надобно. Дать отведать?
- Нет, попробую позже, сначала мне надо поговорить с Фреей.

Под стенания Марты, что жаркое остынет, а потом уже будет не так вкусно, Лапидиус поднялся наверх и открыл дверцу жаровой камеры. Его пациентка не спала, и, как он сразу заметил, на глазах у нее были слезы.

- Снова боли? — участливо спросил он.
- Нет, терпимо.
- В чем же дело? А... — На тюфяке возле ее головы он увидел пучки белокурых волос, последних, которые у нее еще оставались. Вот, значит, в чем причина ее горести. Он собрал пряди и сказал нарочито бодро: — Я их приложу к другим и сохраню.

Она вытерла глаза рукой:

- Зачем?
- На тот случай, если волосы не отрастут. Тогда сделаем парик, и никто не заметит, что у тебя лысая голова. Но, поверь мне, они отрастут обязательно.
- А мои зубы? — простионала она.
- Зубы? Дай-ка посмотрю. — Он взял масляную лампу, велел ей открыть рот и посветил. Трогая верхние и нижние зубы, он бормотал: — Да, что поделаешь, сифилис берет свою дань. Три нижних резца качаются. Придется их вытащить. Не бойся, крови не будет. Знаю, не слишком приятно терять зубы, но это ведь не верхние, которые видны при улыбке, и не коренные, необходимые для пережевывания пищи...

Так уговаривая ее, он вынул большим и указательным пальцами расшатанные зубы. Сделать это было непросто, и он поразился терпению Фреи.

— Их я тоже сохраню. Больно было?

— Нет.

— Теперь лучше себя чувствуешь?

— Да.

— Есть вещи пострашнее выпавших зубов. Когда я лечился от сифилиса, потерял целых двенадцать. А так как еще раньше лишился изрядного количества, у меня в конечном итоге остались только верхние резцы, два глазных зуба и три коренных. Немного, но жевать можно.

Лапидиус растянул губы, чтобы Фрея увидела остатки белой роскоши. Прежде он этого никогда не делал, напротив, следил за тем, чтобы улыбаться нешироко и ни в коем случае не смеяться. Сегодня же он решил сделать исключение. Нарочно оскалившись, он скорчил такую комичную гримасу, что Фрея, несмотря на дурное расположение духа, хихикнула.

Лапидиус порадовался:

— Еще никогда не видел, как ты смеешься.

Она захихикала снова, позабыв на минуту о болях, горе и страдании:

— Сделай такую рожу еще раз!

Он поспешил исполнить ее просьбу, даже не заметив, что она впервые сказала ему «ты». И снова его гримаса вызвала смех.

— Говорят, смеяться полезно. Надо было давно тебя рассмешить, тогда и лечение пошло бы лучше.

— Знала я одного человека, умевшего корчить такие смешные рожи. Три месяца он бродил по дорогам со мной и моей мамой.

— Правда? Расскажи.

— Можно мне воды?

— Конечно. Сейчас принесу и ивовый отвар тоже.

Он быстренько сбежал в кухню, налил две кружки, не обращая внимания на Мартовы причитания о жарком, вернулся назад и заботливо напоил Фрею тем и другим.

— Так кого ты знала, кто умел гримасничать, как я, и четверть года путешествовал с вами? — вернулся он к разговору.

— Гансом его звали. Он был мил со мной, но под конец только и глядел, как бы чего стащить. Ну и ладно, зато он был такой же смешной, как ты... ой-ёй, прости, я не хотела... то есть простите...

Лапидиус махнул рукой. Его сердце подпрыгнуло от радости. Что с того, пусть Фрея «тыкнула» ему! Главное, она раскрепостилась и снова стала сама собой, юной жизнерадостной девушкой.

— Ничего, можешь спокойно говорить мне «ты», мы же с тобой что-то вроде... э... в одной связке против зла, правда? Так, значит, Ганс был такой же смешной, как ты сказала? А что он у вас украл?

— Да все деньги, больше полутора талеров. В тридцать пять лет это было. Мама тогда была повитухой и травницей. Она всегда говорила: «Дьявол имеет много облиций. Когда и не думаешь, что он здесь, а он тут как тут». В Гансе он тоже был. Это-то она знала с первого дня. Только потом забыла.

— Для вас это, наверное, была большая потеря?

— Еще какая! Но с этим приходится считаться, когда тащишься из конца в конец земли. Только не знаешь, когда это случится. Мама тогда недолго убивалась, в тот же вечер приняла дитя, пришедшее в этот мир. В Штассфурте это было, точнее Гарца. Дела у нас всегда шли с переменным успехом, правда, чтобы долго хорошо, никогда не бывало. Мама была лучшей повитухой из всех, кого я знала. Только в любой деревне есть мудрая бабка, которая занимается этим, поэтому и приходилось торговать лекарственными травами. «Травок не счесть, на все есть: могут дать ребеночка, могут от него и избавить», — говаривала она. Только травами она занялась позже, когда уже появилась я.

— Фрея — необычное имя, — заметил Лапидиус.

— Ага, так и есть. Это Эрик придумал.

— Эрик?

— Да. Мама рассказывала, в двадцать шестом в Хальберштадт прибыл один торговец. У него была собственная охрана, в ней-то и служил Эрик. В Хальберштадте они с мамой познакомились. Эрик был шведом. Такой высокий широкоплечий блондин. Мама в него сразу влюбилась. Только не долго это длилось, всего дня три, а потом купец поехал дальше, и Эрик, конечно, с ним. Через месяц мама заметила, что носит меня под сердцем. Само собой, уж ей-то не трудно было избавиться от плода, да теми же ягодами можжевельника. Только она не захотела, потому что все еще любила Эрика. Так вот я и появилась на свет.

— И как же Эрик связан с твоим именем?

Лапидиус заметил, что в кружке осталось еще немного колодезной воды, и дал Фрее попить.

Она с наслаждением выцедила последние капли.

— Мама еще раз встретилась с Эриком. В Брауншвейге это было. Мне уж исполнилось полгода. Эрик, говорила мама, так тогда обрадовался и спросил, как она меня назвала. Мама говорит: «Фрауке». Он расхохотался: «Насколько я выучил ваш язык, это значит «маленькая женщина»? Нет, такое имя моей дочери не годится! Пусть ее зовут Фрея. На скандинавском это «госпожа, властительница», вот такое имя ей подходит!»

— Так вот как ты получила свое имя.

— Да, а когда мама, бедняжка, умерла, и мне пришлось одной толкать тележку, каких только имен мне не давали! И «властительница травок», и «госпожа дорог», и «повелительница ведьм».

Лапидиус насторожился:

— И такое прозвище было?

— Да, каких только не было! А это потому, что я еще продавала «эликсир молодости» и говорила, что он настоян на волшебных травах. По правде говоря, там всего-то шафран, мирра, алоэ, манна да корень горечавки — все по рецепту моей мамы.

— Хм, — Лапидиус уже не слушал. Он все еще обдумывал последнее прозвище.

— Видимо, имя «повелительница ведьм» кто-то принял слишком буквально, — пробормотал он. — Возможно, именно поэтому клеветники выбрали тебя.

— Возможно, — сказала Фрея, во время всего разговора благостно вытянувшись на боку с закрытыми глазами.

— Да, да.

Какое-то время оба были погружены в собственные мысли. Под конец Лапидиус промолвил:

— Смешное совпадение, но я родом из Брауншвейга. Мой отец был бакалейщиком и тоже торговал пряностями. У него была контора на Бургплац и многочисленные торговые связи по всему миру. Его единственной страстью были деньги. Их ему никогда не было лишку. А самой большой заботой была мысль о будущем наследнике, потому что трое моих братьев умерли еще в детском возрасте.

— О, мне так жаль... — голос Фрей звучал немного сонно.

— Поэтому все его внимание было обращено ко мне. На меня он возлагал все свои надежды. Я должен был продолжить его дело. В этом заключалась только одна маленькая заковыка: я не имел ни малейшего желания идти по его стопам. Даже представить себе было невозможно, что я буду изо дня в день служить Мамону. Так я ему и сказал. С тех пор в доме воцарился настоящий ад. Дня не проходило, чтобы отец меня не попрекал, а мать не плакала бы. Чтобы как-то поддержать мир в доме, я согласился пойти к одному купцу, другу семьи, в обучение. Работа у него была для меня бичом, потому что я грезил о науке. Я хотел заниматься астрологией и философией, а не банками и бухгалтерией. Тем не менее я закончил учебу с успехом и под конец снова вернулся в родительский дом в Брауншвейге.

Лапидиус прервал свои излияния и посмотрел на Фрею. Ее глаза все еще были закрыты, и он спросил себя, не заснула ли она. Хотя, в любом случае, исповедь приносила ему облегчение. Еще никогда и никому он не рассказывал столько о себе.

— Потом начались, пожалуй, лучшие годы моей юности. Отец был мной доволен, матушка снова начала смеяться. Но чем больше проходило времени, тем беспокойнее становился я. Больше я не мог стоять за конторкой, я хотел учиться. И на этот раз ничто не могло заставить меня отказаться от задуманного. Когда я поведал отцу свои намерения, парус нашей семейной жизни снова обвис. Я неистовствовал, проклинал, умолял, а он на полном серьезе грозил лишить меня наследства. Это было самым страшным наказанием, которое он только мог себе представить. Бедный отец! Он даже не подозревал, насколько мне все равно.

Мне исполнился двадцать один год, когда я покинул Брауншвейг в поисках своего счастья. Матушка, обливаясь слезами, сунула мне в суму пару талеров на крайний случай, и я направил свои стопы в Тюрингию. Поначалу в Эрфурт, потом в Падую, это в Северной Италии, а под конец в испанский Толедо.

От семестра к семестру приходилось делать перерыв, чтобы заработать денег на жизнь и учебу. Вот тогда-то я и познакомился с Конрадусом Магнусом В Леоне это было, на севере Испании. Он тогда искал в свою лабораторию помощника,

и мне посчастливилось занять это место. Магнус был тем, кто посвятил меня в тайны алхимии и пробудил настоящий интерес к этой науке. Вообще-то, учитель был тогда еще молод годами, но уже заслужил прозвище «Магнус», что значит «Великий».

Ночи напролет мы проводили эксперименты, спорили о принципах герметики, о трансмутации, о спагирике, каббале, гнозисе и многом другом.

Со временем он стал мне братом, которому я мог безоговорочно доверять. Он понял меня, и когда я в один прекрасный день заявил, что хочу идти в Толедо на юге, чтобы там продолжить учебу. Все, что он мне на это ответил, было: «Помни, я всегда с тобой».

И я ушел. Неопытный юнец, каким тогда был, я не скрывал своих пристрастий, наоборот, трезвонил о них где ни попадая. Каким же для меня было удивлением, когда псы инквизиции схватили меня. Я тогда ни сном ни духом не ведал, что алхимики вечно стоят одной ногой в пыточной камере, потому что церковь боится как смертного греха, что кто-то может оспорить божественное право на всеведение. Ну, не хочу тебе плакаться, скажу только, что все муки пыток я испытал на собственной шкуре, так что могу понять, что тебе пришлось перенести. Как мне удалось бежать от инквизиции, это отдельная история. Не буду вдаваться в детали. Во всяком случае, посчастливилось.

Я добрался до Толедо и в последующие годы обучался там. Когда я посчитал, что получил достаточно знаний, решил вернуться в родной город. Перед этим я, конечно, хотел навестить Конрадуса Магнуса, чтобы сказать своему учителю слова благодарности и последнее прости. По дороге в Леон все и случилось. Я угодил в дурную компанию, там и заразился сифилисом. Сначала я даже не заметил и предавался дальше разгульной жизни. Почти два месяца. Наверное, это можно понять, после стольких лет затворнической жизни. Но в конце концов, такое времяпрепровождение мне наскучило, и я направил свои стопы к Конрадусу.

Когда я переступил порог его дома, увидел, как его глаза расширились от страха. Он тут же распознал шелудивые мокнущие гнойники, характерные для продвинутой стадии сифилиса. С крайней осторожностью он поведал мне, какая на-

пасть меня одолела. У меня земля ушла из-под ног. Я почувствовал себя последним из последних живущих на земле. Но Конрадус ухаживал за мной, как за своим сыном. Когда я попытался выразить ему благодарность, он сказал все то же: «Я всегда с тобой». Три недели я валялся в жаровой камере и претерпевал все муки ада. Но я поднялся на ноги и даже выздоровел.

— Это ты уже рассказывал.

— Что? — Лапидиус вздрогнул. Все это время Фрея лежала так тихо, что он решил, будто она задремала. — Да, правда, припоминаю. Ну, да там и говорить-то не о чем. Когда я оправился от болезни, с тяжелым сердцем попрощался с Конрадусом, потому что знал: больше мы никогда не увидимся. «Мне пора», — сказал я. И он ответил в третий раз: «Я всегда с тобой». Думаю, он хотел этим выразить, что не телом, а духом он всегда будет рядом. Так оно и есть, мысль о нем вселяет в меня уверенность, особенно в последнее время.

Остальной рассказ много времени не займет. Вернувшись в Брауншвейг, я узнал о смерти отца. Он и в самом деле лишил меня наследства, и сегодня я был бы без гроша в кармане, если бы не матушка. Родом она была из влиятельной купеческой семьи в Аугсбурге и сама владела немалым состоянием. Двумя годами позже того как я вернулся, она умерла и все завещала мне. Я взял деньги и покинул родной город. Потому что не хотел больше иметь дел с торговлей, а собирался служить науке. Я пробовал осесть не в одном городе, но всякий раз убеждался, что алхимики нигде не пользуются расположением. Да, к несчастью, это так. Служители тайного учения везде подвергают свою жизнь опасности. Наконец, с полгода назад я прибыл в Кирхроде. Городок излучал мир и покой, мне даже помогли с покупкой дома. Я перебрался сюда и начал свои исследования, даже не предполагая, во что это выльется в скором времени... Да, Фрея, вот и вся моя история. Фрея?

На этот раз она и вправду спала.

Лапидиус улыбнулся. Поднявшись с сундука, он взглянул на свою пациентку. В желтом свете лампы на ее лысом черепе блестели многочисленные капли пота. Этот день и еще шесть следующих ей придется все так же потеть. Целая вечность. Для нее. Для него же слишком короткий срок, чтобы найти

Filii Satani. Он поймал себя на том, что его губы невольно шепчут молитву:

«Отец наш небесный,
«Кто из вас без греха,
пусть бросит в нее камень», —
сказано в Писании.
Только вот кирхродцы
забыли слова Господни.
Вразуми их, Господи,
пусть опомнятся!
А мне дай силы и мужества
поймать жестокосердных
и предать Твоему суду.
Фрее же пошли здоровья
и избавления от тяжкого недуга!
Амен!»

Уже много лет он не молился и сейчас удивлялся сам себе. Молитва к Создателю наполнила его благодатью и дала утешение. Он потихоньку закрыл камеру и спустился на первый этаж.

Где ждало жаркое Марты.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ЛЕЧЕНИЯ

— Нее, хозяин, энто не гоже. Как жа пущать вас эдак? Давеча наснежило, чисто зима пришла сызнова. Куда ж без тепловой поддевки-та?

Лапидиус оставил причитания служанки без внимания:

— Ты Фрею сегодня смотрела?

— А как жа. Лежит, бедняжка. Про вас вона спрашивала. Скоко ей там щё потеть-та?

— Пока лечение не будет окончено, — вдаваться в подробности Лапидиус не хотел. Чем меньше Марта знает, тем меньше может разболтать. — Ну ладно, мне пора.

— Дак как жа энто. И куда жа энто? Неуж не скажете?

— Дай Фрее ивового отвара, а потом проследи, чтобы она получала довольно жидкости. Проверь слой мази. Еще раз обработай губы порошком извести. Вчера я заметил, что снова появились язвы.

— Ладна, хозяин.

— И посмотри, чтобы в камере не было пауков.

— Ладна, хозяин, а пожевать чё-нето все жа надо ба.

— Вернись, поем холодного жаркого. Так что не все относи матери.

— Дак нешто я...

— Хорошо. Я пошел.

Не обращая внимания на причитания Марты, он вышел из дома.

Лапидиус направился сразу к Шелленгассе, которая вела к восточным воротам. Через них он покинул город и взял курс на Цирбельхё. Направление выбрал не случайно. Поразмыслив, он решил, что надо бы потолковать со старым Хольмом. Он, как и в первый раз, пошел короткой дорогой и тут же снова заблудился. Проклиная свое неумение ориентироваться, он закричал:

— Хольм! Хольм, отзовись! Хоооольм!

Долго ждать не пришлось. Кусты раздвинулись, и старик показался собственной персоной. Лапидиус испытал облегчение, что Хольм еще не слишком под мухой. Слезливые глаза пьянчужки были не такие мутные, да и качался он умеренно.

— Вот, хотел заглянуть к тебе, — сказал Лапидиус, подходя ближе. — Ты ведь меня помнишь?

— Чё? Сроду вас не видал, ик... нее, не припомню. — Как у всех предавшихся безудержному питию, в трезвости Хольм чувствовал себя погано, соответственным было и настроение. — Да и знать не желаю, — закончил он, исчезая в лесу.

— Постой, постой, конечно, ты меня знаешь! Я магистр Лапидиус, — Лапидиус нагнал его и схватил за рукав ветхой одежки. — Пару дней назад я был здесь. Мы с тобой встретились и поболтали. Ну, и ты тогда даже... — он замолчал, потому что лишку сближаться тоже не хотелось.

— Да не знаю я вас, черт побери!

Лапидиус все еще удерживал старика. Как это Хольм его не помнит? Не может такого быть! Пьян в стельку он не был, они даже поговорили! Что-то здесь таится другое. Ну, конечно! Его платье! В тот день было тепло, и Лапидиус был одет в свой любимый испанский костюм, изрядно поношенный. А сегодня из-за собачьего холода на нем теплый плащ, соответствующий его положению.

— А шапочку мою не узнаешь? Я никогда ее не снимаю, и в прошлый раз она была на мне. Мы сидели возле твоей хижины. Я еще попросил у тебя воды, но воды не было. Потом ты заснул, а я...

— А-а-а, приятель, так это ты? Токо странно ты как-то выглядишь. Деньжатами, что ли, разжился? Ладно, ладно, старина Хольм, ик... не станет завидовать. Слушай, во рту прямо все пересохло! Пошли ко мне!

Лачуга старика выглядела так же, как Лапидиус ее и помнил. Покосившаяся, продуваемая всеми ветрами, открытая

всем дождям. Перед входом все так же лежало поваленное дерево.

— Заходи, ик...

— Давай лучше посидим здесь.

— Ты чё? В доме же теплее, у меня даже огонек есть... Ну, как хочешь.

— Спасибо. — Лапидиус присел на бревно.

— Обожди токо, — Хольм исчез в развалюхе.

Прошло довольно много времени. Лапидиус уже собрался сходить за стариком, как тот появился на пороге с перекошенным от горя лицом.

— Где-то точно было, провалиться мне на этом месте! А шас нет. Где ж оно... ик... запропастилось?

— Ты что-то ищешь?

— Ага, приятель, ище как ищу!

Хольм с удвоенным усердием принялся обшаривать каждый уголок перед лачугой: заглянул за бревно, пошарил за бочкой с дождевой водой, чуть не на коленях оползал опушку леса. И, наконец, исторгнул вопль облегчения:

— Вот оно! Я же помнил, что там оставалось!

Из густых зарослей папоротника он извлек большую кружку и набросился на ее содержимое. Он пил большими глотками, прикрыв глаза и закинув голову. Его кадык ритмично ходил вверх-вниз.

— Будь я проклят, как мне его не хватало! — Старик вытер рукой рот. Глаза у него заблестели, лицо обрело цвет. — Хлебнешь, и снова можно жить! Хошь, приятель?

— Нет, нет, спасибо. Если у тебя есть, то немного воды.

— Воды? Фу ты ну ты, такого сроду не держим.

— Я был почти уверен.

— Что? Ах, ты про это? Так уж вот, нет да и токо. — Хольм снова присосался к кружке. Его настроение быстро поправлялось. — Прекрасный сегодня денек! Чуток холодновато, ик... но денек, прямо скажем, отличный!

Хольм выглядел почти счастливым.

Лапидиус был не склонен обсуждать со стариком прелести погоды, хотя лес вокруг в снежных шапках производил потрясающее впечатление.

— Скажи-ка, Хольм, это ведь ты нашел на площади мертвую женщину, правда?

Хольм, присевший тем временем рядом с Лапидиусом, ответил:

— Я, а что?

— А дня два спустя обнаружил женскую голову над дверью на Бёттергассе, так?

— Прятель, до чертиков я не напиваюсь, не-е, не до чертиков, ик... Но голову видел, ик... Мертвую голову с рогами. Я уж подумал, в ад меня угораздило... токо нее, была голова, мертвая голова, как есть мертвехонькая, дааа... — Хольм тряхнул головой.

— Что меня удивляет, как это ты оба раза находил мертвецов, именно ты, хотя в Кирхроде сотни горожан. Тебе это не кажется странным? Сначала труп на площади, потом мертвую голову над дверью... — Лапидиус многозначительно смолк.

Было видно, как черепушка Хольма работает. Он силился понять сказанное. Вдруг у него отвалилась челюсть:

— Черт бы меня... Прятель, чё, хошь сказать, найду и третью? Думаешь? Нее, ик... такого я больше не вынесу.. нее, не вынесу, ик!

Лапидиус молчал, внимательно наблюдая за Хольмом.

Тот принял еще внутрь. Постепенно алкоголь оказывал свое благотворное действие. Хольм успокоился.

— Аль думаешь, на меня, ик... хочут пп пьвесить всех собак, ик... так, прятель?

Лапидиус между тем пришел к заключению, что это действительно была чистая случайность, что на Хольма свалились все несчастья. Невозможно было себе представить, чтобы эта человеческая развалина спланировала два таких извращенных убийства. И тем более невозможно, чтобы привела их в исполнение. Или заставила кого-то другого. Нет, Хольм был всего лишь безобидным старым пьяницей, над которым зло посмеялась судьба. И не более того.

— Нет, что ты! Я уверен, ты просто дважды оказывался не в то время не на том месте.

— Хе?..

— Не беспокойся, все в порядке. — Лапидиус отвернулся, потому что перегар изо рта Хольма в который раз ударил ему в лицо, а выдержать это долгое время было попросту невозможно. Так, глядя в сторону, он спросил: — А есть в окрестностях пещеры?

— Пещеры?

— Да, ты же здесь все знаешь, как свои пять пальцев. Так есть? И где?

Хольм хлебнул глоток. Последний.

— Ппь... ик... пьщеры? Кн... кнъешно 'ссть. Ккуча.

У Лапидиуса упало сердце. Если их здесь столько, вероятность найти нужную сводилась к нулю. А ее надо было не только найти, но еще и своевременно обыскать. Настолько быстро, чтобы успеть спасти Фрею.

— И ты знаешь их все?

Старик таращился на донышко пустой кружки, как всегда держа ее четко вертикально перед собой, потом вздохнул и бросил наземь.

— Да уж мъжешь пльжиться.

— И где они находятся?

— Значится так: Пьщера мертвыца, раз. Вас...Вассертальская... ик... пьщера, два. Грот на Грате, трр... трри. Майерская пьщера, чтьре и... И все.

Лапидиус, который сначала намеревался уточнить, где находятся все перечисленные пещеры, вдруг понял, что старик, как бы ни был пьян, о чем-то умалчивает.

— Мне кажется, ты забыл еще одну.

Хольм скосил глазки вниз и принялся мять руки.

— Ты ведь собирался назвать еще одну, разве нет?

— Ннее... ннуу... нне знаю. Я ё нне знаю.

— Это неважно. Просто скажи, как она называется.

— Шшшш... Шшшшшабаш... ик... Шшшшшабашная пьщера. — Старик, то ли от выпитого, то ли по какой другой причине с трудом ворочал языком, произнося название.

— В ней есть что-то особенное?

— Нее, нее.

— Ну ладно, — Лапидиус снова повернул голову к старику. Долго разговаривать, отвернувшись, было невозможно. Придется потерпеть. — И где находятся эти пещеры?

Старый Хольм немного поупирался, а потом четко описал все местечки.

— Это четыре. А где расположена пещера Шабаша?

Хольм снова застопорился. Лапидиус терпеливо ждал. Чуть погодя старик все-таки собрался с духом:

— В Оттернберге, в сс... ссотне футов до вършины. Выше всъх она. Как пьдымешься, там такая глыба нъвисает... круг-

лая и... и тѣжелая... дѣсятков мужиков не обхватят... ё ик... надо приметить, а то вход не найдешь.

— Хорошо, спасибо тебе.

Лапидиус отвернулся. Какое-то время его занимал вопрос, почему старику так трудно далось описание пятой пещеры, но потом он принялся раздумывать о том, как получше применить полученные сведения. Если Фрея была завлечена незнакомыми руками и глазами в пещеру — вот именно: если — то теоретически это могла быть любая из пяти. Надо как-то сузить круг поисков. Ну, конечно! Он тут ломает голову, а надо было просто спросить о пещере с каменным лицом и сталактитами. И почему он этого не сделал сразу? Второго такого дурня не найти!

— Послушай, а не таится ли в какой-нибудь из пещер что-то вроде каменного лица?

— Хе?

Старик так выпучил на него глаза, что Лапидиус не стал продвигаться в этом направлении.

— Или сталактитов. Есть в какой-нибудь сталактиты?

— Ик... не-е.

— Ты ведь знаешь, что такое сталактиты?

— Кк... кѣнешно, знаю.

Лапидиус испытал горькое разочарование. Столько времени он убил на расспросы, а так и не знает, с чего начать поиски. Ни в одной из пещер не содержалось «каменных зубов». А это значит, ни одна из них не подходит для его расследования. Ни одна? Постой-ка! Разве Хольм не сказал, что не бывал в пещере Шабаша? Правильно, о ней он знает только, где находится вход, и больше ничего. То есть в этой пещере могут быть сталактиты. А может, и каменное лицо.

— Скажи-ка, Хольм, ты мог бы отвести меня к Шабашу?

— Не-е, не могу, — старик опять замаял руками.

— Почему?

— Не могу.

Лапидиус вынул талер и сунул Хольму под нос.

— Я бы тебе заплатил.

— Не могу, не могу, да не могу я! — Глаза старика полыхали жадным огнем. Ему явно уже рисовались чудные картины бесчисленных кружек пива, которые можно получить в «Квершлагге» за талер. И все-таки он потушил этот огонь. — Не могу.

Какая же веская причина должна быть на это?

— Тогда скажи, почему не можешь? — Лапидиус не прекращал искушение талером.

— Не могу, и все! — прохрипел старик, который мгновенно протрезвел. — Там нечисто. Там ведьмы на метлах, тролли и всякая нечисть.

Лапидиус спрятал талер.

— Пусть будет по-твоему, Хольм. Принуждать я тебя не могу. Может, еще увидимся.

Он встал. К его удивлению, старик тоже поднялся. Лапидиус уж было решил, что он передумал, но Хольм просто уставился на пустую кружку долгим немигающим взглядом.

Тогда Лапидиус все-таки дал бедолаге талер.

Дверь в хижину Кривой Юлии была распахнута, так что Лапидиус вошел, не постучавшись. Он решил заглянуть к увечной корзинщице, потому что ее дом стоял по дороге на Оттернберг.

— Эй, есть кто-нибудь! — крикнул он. — Эй!

Кривая Юлия не отвечала. Может, вышла куда поблизости.

— Э-э-эй!

Что-то тут было не так. Лапидиус огляделся. Ему сразу бросилось в глаза, что нет обеих больших корзин для сбора урожая. «Кража!» — первое, что пришло ему в голову. «Чепуха!» — было следующей мыслью. Он выругал себя за панику. Кривая Юлия изготавливала свой товар на продажу, и ничего не говорило за то, что здесь произошло разбойное нападение.

— Э-э-эй!

Лапидиус принялся протискиваться между рядами готовой продукции, как вдруг остановился, словно громом пораженный. Теперь он знал, что было не так: пропавшая корзина стояла теперь в Кирхроде. В мастерской Тауфлиба. Снова этот Тауфлиб!

— Э-э-эй! Юлия, ты здесь?

Да она была здесь. Она лежала по пояс под скамьей с инструментом для плетения. И она была мертва. Лапидиус истошно закричал. Ему не верилось в то, что он видел. Но глаза не обманывали его.

Ноги не держали, и пришлось опуститься на скамью. Мысли кружили в его голове. Кривая Юлия. Она была ему симпа-

тична. Спокойная, приветливая, разумная. Она не сдавалась на милость судьбе, наградившей ее жестоким увечьем. И вот она лежит бездыханной, и все говорит за то, что умерла она не своей смертью.

Лапидиус резко поднялся и взялся за дело. Он осторожно вытянул из-под скамьи тело и перевернул его так, чтобы взглянуть в лицо. На лице застыла паника. Должно быть, Кривая Юлия испытала смертельный страх, перед тем как умереть. Он подвигал ее конечностями, они легонько сгибались. Трупное окоченение еще не началось? Или уже отступило? Ответ дали широко раскрытые глаза Юлии, по их состоянию он определил, что она была мертва гораздо больше пары часов. Лоб чист. Никто не вырезал на них жуткие буквы «F» и «S». А вот на височной кости зияла страшная рана, окаймленная засохшей кровью. Это она стала причиной смерти. Но где же орудие убийства?

После недолгих поисков оно нашлось. Клюка Юлии. Она была убита собственной подпоркой. На нижнем конце палки виднелись следы крови и присохших волос.

Лапидиус снова сел. Надо сохранять холодную голову. Ясно одно: нельзя оставить тело просто лежать. Первой пришла мысль бежать в Кирхроде и позвать кого-то, кто может похоронить несчастную. Кротта, например. Но против этого есть основания. Прежде всего то, что убийство могут приписать ему. А второе: на это нет времени. Придется потратить часы, и, значит, сегодня он уже не сможет отыскать пещеру Шабаша.

Ответ напрашивается сам собой. Надо самому предать останки земле. Только вот где? Хижина Юлии стоит на скале. Хотя под раскидистым буком на опушке достаточно мягкой почвы. Да, хорошее место, пусть она там и упокоится.

Лапидиус работал лопатой в одном камзоле, и все-таки пот градом катился с него, потому что земля была еще мерзлой. Тем временем его мысли снова и снова возвращались к похищенной корзине. Если ему не изменяет память, именно ее он видел позапрошлой ночью в мастерской Тауфлиба. А потому как Кривая Юлия мертва уже не один день, естественно было связать ее смерть с пропажей корзины.

И с мастером.

Выходит, это он убил увечную женщину? Вполне возможно. Но зачем, ради всего святого, ему понадобилась эта огромная корзина?

Сам собой напрашивался вопрос: Если Тауфлиб один из *Filii Satani*, почему он даже не попытался буквами «F» и «S» бросить еще одно подозрение на Фрею?

Лапидиус покачал головой и выкинул последнюю пару лопат земли. Неопровержимы две вещи: корзина для сбора урожая находится в мастерской Тауфлиба и Кривая Юлия убита.

Немного погодя он заботливо уложил тело в яме, положил туда же и клюку. Закапывая могилу, он невольно зашептал молитву, которая звучала скорее как упрек высшим силам:

«Отец наш небесный,
знаю, что сказано:
богатый помоги бедному,
а также расслабленному, слепому
и калеке.
А сам Ты многое ли дал
этой несчастной?
Она была одинока, была увечна,
а под конец и Ты ее оставил,
попустил страшное убийство!
А ведь она могла еще жить.
Не понимаю деяний Твоих, Господи!
Она была хорошей женщиной.
Сколько поганых
Ты мог бы призвать к себе вместо ее.
Не понимаю Тебя, Господи!
А если Ты еще и откажешь ей
в Царствии небесном,
я вообще отказываюсь что-либо понимать!
Дай ей вечный покой, Господи!
Амен!»

Лапидиус отложил лопату и облачился в плащ. За короткое время он уже дважды молился, но на этот раз молитва не принесла облегчения.

Смерть так бессмысленна. Особенно смерть Кривой Юлии. И, конечно, такой молодой женщины, как Фрея.

Надо сделать все, чтобы хотя бы ей сохранить жизнь.

Час спустя он стоял, успокаивая дыхание, перед круглым валуном, о котором Хольм говорил, что и десять мужиков его не обхватят. Под ним виднелся Цирбельхё с раскидистым бу-

ком, зеленая крона которого была покрыта снегом. В его сени, невидимая, покоилась могила Кривой Юлии.

Когда дыхание пришло в норму, Лапидиус провел мысленную линию между буком и валуном и продолжил ее дальше в горы. Отметив себе его конечную точку, он обошел массивный камень. Ему бросилось в глаза особое обстоятельство. Камень оказался действительно огромен, а вот поверхность, на которой он держался, была страшно мала. Не больше фута в квадрате. Сильный парень или двое могли столкнуть его с места. С другой стороны обломка Лапидиуса ожидал еще один сюрприз: горного кряжа за ним, как он предполагал, не оказалось. Сначала шла небольшая впадина, потом склон плавно поднимался вверх. Отсюда было всего несколько шагов до входа в пещеру. Только вот ее разверстой пасти он не увидел. Вместо этого обнаружили следы. Следы сапог. Они вели с противоположного конца Энсбахского лога. По размерам и глубине отпечатков он определил, что их было трое. Трое мужчин. Лапидиус припал на колени, чтобы разглядеть что-нибудь еще. Следы не были свежими, легкий покров снега припорошил их. Сегодня снег не шел, значит, их замело прошлой ночью. Или днем накануне.

То есть не менее суток прошло с тех пор, как они отпечатались. А может, и больше. Потому что никто не мог точно сказать, когда и как долго пуржит в Верхнем Гарце, не задевая Кирхроде. Разве что Хольм, но от него мало толку. Да и сидит он сейчас, скорее всего, в «Квершлагге», пропивая подаренный ему по доброте душевной талер.

Проклиная неопределенность, с которой он то и дело сталкивался, Лапидиус склонился еще ниже над следами. Теперь ему стало ясно, что они вели к вершине, а оттуда обратно. То есть мужчины сначала пришли, а потом ушли оттуда. И тут он заметил нечто необычное: один из незнакомцев хромал. След левого сапога отпечатался только внешней и передней частью, а не полной ступней. Это говорило о том, что человек хромал на левую ногу.

Лапидиус пошел дальше по следу. Шаг за шагом он продвигался сначала в ложбину, потом снова наверх. Отсчитав двадцать девять шагов, он остановился. Здесь следы устроили настоящую свистопляску, но входа как не было, так и не наблюдалось.

— Шабаш, откройся! — крикнул Лапидиус, сам не понимая, что делает. — Где твой вход? Объяви себя!

Ничего не изменилось. Он вперил взгляд наверх, но кроме чахлого, гнувшегося под ветром кустарника ничего не увидел. И тут, словно по какому-то наитию, пришел ответ, что вход за этими кустиками.

Так оно и было. Вход, действительно, находился за этой порослью. Не больше четырех футов в высоту и с локоть в ширину. Протиснуться в него представилось делом нелегким. Согнувшись в три погибели, Лапидиус заглянул внутрь и уставился во тьму. В нос ударило застоялым влажным духом. Он полез в карман за огнивом, но наткнулся лишь на козлиные рога, которые так и таскал с собой с похода к Нихтерляйну. Обшарив все карманы, он все-таки обнаружил искомое: маленькую лампу, какая стояла и у Фреи на чердаке, а к ней кремень и кресало. Засветив лампу, он поставил ее на пол и вытащил еще одну, очень нужную вещь, а именно: клубок шерсти. Привязав конец нити к толстой ветке куста перед входом, он пробормотал:

— Определенно нить Ариадны, с которой Тезей входил в пещеру, была тоньше, но уж чем Бог послал. Надеюсь, пряжа Марты сослужит ту же службу.

Подхватив источник света, он осторожно ступил в пещеру. Сразу за входом свод стал выше, и Лапидиус облегченно вздохнул. Через двадцать шагов, в гору, как показалось ему, обнаружилась развилка. Еще прежде чем броситься в эту авантюру, он решил для себя, что будет двигаться все время влево, чтобы не потерять направления. Сейчас его обступали влажные неровные скальные породы, время от времени обнаруживая еще и нависающие пласты. Приходилось быть предельно внимательным, чтобы не наскочить на один из них. Он ступал все осторожнее и медленнее, так что холод все больше забирался ему под одежду. Мельком он вспомнил о Марте, которая причитала, чтобы он пододел что-нибудь теплое. Сейчас он пожалел, что не послушался ее. Еще одно разветвление. И снова он пошел налево. Вообще-то он намеревался считать шаги и только теперь вспомнил об этом. В досаде на себя самого устремился вперед, разматывая нить. Клубок просто таял в руках. Далеко он так не продвинется. На третьей развилке действовал по тому же принципу, но вскоре уперся в стену.

Здесь был тупик. Лапидиус поднял над головой лампу. Крохотные мотыльки и паучки копошились в ее луче, белесые, никогда не видевшие света.

— Жалкие насекомые, — пробормотал он. — Не слишком-то вы приглядны.

Он развернулся и пошел обратно, сматывая нить. Действие не из легких, потому что на это ему требовалась третья рука. Две, чтобы мотать клубок, и еще одна держать лампу. Он вышел из положения, делая два шага вперед, потом, поставив лампу на землю, сматывал нить.

Нить на предыдущем разветвлении показала ему, откуда он пришел. На этот раз он повернул в другую сторону и через несколько шагов наткнулся на новую развилку. Он едва сдержал проклятие. Похоже, все подземелье было испещрено ходами и развилками. Не давая сбить себя с толку, он придерживался того же принципа. Чуть погода клубок кончился. И что теперь? Возвращаться? Ну нет! Не теперь, когда он почти у цели! Положив кончик нити наземь, Лапидиус двинулся вперед на свой страх и риск. Десять шагов, пятнадцать, двадцать...

С каждым следующим шагом он все отчетливее ощущал, что оно снова окружает его: зло. Неосязаемое и непостижимое. Позади, впереди, подле... И там, где еще недавно была стена, теперь воздвиглось Ничто. Черное Ничто.

— Господь всемогущий! — вырвалось у Лапидиуса, и он невольно отступил назад, потому что отзвук собственного голоса испугал его.

Подавив дрожь, он посветил лампой по всем направлениям. Похоже, он угодил в огромный грот, в подземное царство.

Помедлив, он сделал пару шагов вперед и уперся в стену, от которой расходились два коридора. Памятуя о своей плохой ориентации, он вернулся назад и пометил проход, из которого вышел, крестом. Потом, продвигаясь к центру, он старался создать себе более точное представление о пещере. Возможно, она была площадью двадцать на тридцать шагов, хотя бы приближенно, потому что говорить о ровном прямоугольнике было явным преувеличением — там и тут она перемежалась нишами и выступами.

Внезапно нос Лапидиуса уловил новый запах. Пахло ладаном. Как это могло быть? Он закрыл глаза, чтобы сосредоточиться. Нет, сомнения не было, по воздуху плыл тяжелый дух

фимиама. Открыв глаза, он содрогнулся от ужаса: прямо перед ним было каменное лицо.

Рельефное изображение на скале между двумя проходами. Жуткое, пугающее, видимое только под одним углом. Лапидиус позабыл о запахе. Ради эксперимента он сделал три шага вперед, три назад, три в сторону, и каждый раз лицо исчезало как по мановению волшебной палочки. Если кто и не верил в духов и демонов, здесь бы он этому научился.

Дюйм за дюймом Лапидиус принялся освещать пол пещеры. Поначалу это ничего не дало, но потом он обнаружил пять желтоватых конусообразных выступов, которые поставили его в тупик. Причуда природы? Он распрямился и тут же вздрогнул. Ему за шиворот упала капля. Такая большая, что сразу промокло полворотника. Откуда она здесь взялась?

Лапидиус поднял лампу и вперил взгляд в темноту. И то, что на этот раз представилось его взору, он узнал сразу: сосульки капельников свисали над ним, острые и опасные. Ровно пять штук.

Сталактиты! «Каменные зубы». Сочащиеся с них капли образовали сталагмиты внизу.

Лапидиус опустился прямо на каменный пол, не чувствуя ни холода, ни сырости. Разом все прояснилось. Он был у цели. Это и есть та пещера, в которую заманили Фрею. Здесь, в пещере Шабаша, это и было. Здесь она видела каменное лицо и каменные зубы.

И Гунду Лёбезам завлекли сюда. Этому есть подтверждение, явное при ближайшем рассмотрении: расположение сталагмитов. Как и гематомы на ее спине, они напоминали пятерку на игральной кости. Да, Гунду Лёбезам повалили на эти натеки, чтобы потом обесчестить и убить.

Снова сверху спустилась капля. Она упала на усеченную поверхность конуса и брызнула во все стороны. Лапидиус знал, что на этом месте остался крошечный, невидимый глазу след извести. Ожидая вторую каплю, ему пришлось набраться терпения. Когда она, наконец, упала, на коническом конце осталось следующее количество извести. Сколько должно пройти времени, чтобы вырос такой сталагмит? Десять тысяч лет? Сто тысяч? Невозможно, если верить догматам святой матери церкви, потому что, по ее учению, мир был создан за шесть дней и сейчас ему не более тысячи лет. Может ли такое быть?

Лапидиус оставил еретические рассуждения. Он вспомнил о Фрее. На ее спине не было кровоподтеков, значит, она не подверглась насилию. Хотел бы он на это надеяться. Снова он занялся полом пещеры. Черноватые неровные остатки курений было следующее, что он обнаружил. Нос его не подвел.

Посветив дальше, он заметил возле сталагмитов темные пятна. Кровь. Это его не удивило. Гунде Лёбезам здесь жестоко перерезали горло. После этого ее перевезли в Кирхроде на повозке Фреи. Какая демоническая сила стоит за этими зверствами?!

Лапидиус приблизился к каменному лицу. У стены обнаружился след костра, а чуть поодаль были сложены дрова. За кучей он увидел железный горшок. Он-то зачем здесь? Кто-то готовил в пещере пищу? Отгадка нашлась, когда Лапидиус исследовал содержимое. На вид бурая масса, а когда он проткнул образовавшуюся корку пальцем, под ней оказалась густая клейкая субстанция. Ему стало плохо. То, во что угодил его палец, было застоявшейся кровью.

Он боролся с приступом тошноты, но тщетно. Его вырвало, раз и еще. Содрогаюсь в конвульсиях, он тем не менее испытал облегчение, хоть и стыдился своей слабости. Столько отвратительных вещей он уже видел в своей жизни, и ни разу не допускал такого! Взять хотя бы мертвую отрезанную голову. Боже упаси! Ужасающее зрелище. Однако, по всей очевидности, тела, которому когда-то принадлежала эта голова, в этом гроте не было. Так же как не было и в его доме. И в мастерской Тауфлиба. Где же оно?

Лапидиус оставил вопрос открытым. Надо позаботиться об испачканном пальце. Платка у него с собой не оказалось, а вытереть кровь было необходимо. Наконец, он сунул палец в пепел от костра и несколько раз повернул его. Добившись сносной чистоты, продолжил поиски. В одном углу он нашел многочисленные факелы, обгоревшие и еще не использованные. Они стояли прислоненными к стене и почти заслоняли стеклянную бутылочку с кружкой. Лапидиус взял пузырек, расковырял восковую затычку и понюхал. Он ожидал почуять запах белены, однако уверен не был. Забрать бутылочку с собой и исследовать жидкость дома? Нет. Хозяева пещеры, кто бы они ни были, обнаружат пропажу и поймут, что кто-то идет по их следу. С другой стороны, его ведь вырвало, а последствия

этого трудно скрыть. Они так и так его выдадут. Так что Лапидиус сунул бутылочку в карман и отправился в обратный путь.

Он непременно заблудился бы, не будь креста, которым он отметил выход. Так что вскоре ему удалось найти конец нити и по ней устремиться из пещеры.

Навстречу ему ударил свежий порыв горного воздуха. Он начал спускаться. Оставив позади шаткий валун, он направил стопы в долину, постоянно озираясь по сторонам. Но ни одна душа не нарушала заснеженный мир гор. Одолев Энсбахский лог, он очутился на Цирбельхё с его одиноким буком, домиком Кривой Юлии и ее последним приютом. Отсюда на Кирхроде вела торная дорога. Лапидиус глубоко вдохнул чистый воздух. Теперь-то он не заблудится. И никто его не видел.

Глаза бесшумно смеялись, провожая взглядом удаляющегося Лапидиуса. Они заметили его, когда он выходил из пещеры. А потом наблюдали, как он вертел головой, осматривая окрестности, ожидая опасности со всех сторон, будто трусливый зверек. Лапидиус, наивный дурак!

Первый сын дьявола безмолвно хихикнул. Лапидиус, Лапидиус! Считаешь себя чертовски умным, думаешь, сделал шаг к твоей великой цели одолеть меня, только потому, что нашел пещеру Люцифера. Ничего у тебя нет! Ты блуждаешь во тьме, ты понятия не имеешь, кто обложил тебя и эту Зеклер. И так оно и останется. Тебе никогда не узнать, кто я, даже тогда, когда для тебя будет уже поздно. Тогда сила моих глаз помереется с твоим разумом, и посмотрим, кто выйдет победителем. Мои глаза, мои руки, мой голос — они подчинят тебя моей воле, а если будешь противиться, сладко-горький напиток сделает свое дело.

Не каждый повинуетсЯ мне, не каждый внимает моим ласковым словам, знаю. Знаю, с тех пор как обнаружил в себе тайные силы. Известно мне и то, что не на веки вечные могу я погасить человеческую память, поэтому-то и слежу за этой Зеклер с той поры, как она сбежала из пещеры. От Марты, хоть она и строптивая. Только выполнит она свой урок, выполнит, как и две свидетельницы, а не то... Ты же, Лапидиус, — мой! Уже сейчас.

Если бы ты знал, что тот, кого ты ищешь, это я, если бы уяснил себе, что я слежу за всем, что ты делаешь, ты бы завыл, за-

скрежетал зубами и по своей воле предался бы мне. Ты бы от-
рекся от своих жалких потуг защитить эту Зеклер!

Я видел тебя, когда ты торопился на Гемсвизер-Маркт, и видел, в какую дрожь повергла тебя мертвячка с «F» и «S» на ее лбу. Я видел тебя, когда ты силился защитить свой дом от черни, не подозревая, чего это она вдруг взбесилась. Я видел тебя, когда ты обнаружил мертвый череп над своей дверью и чуть не грохнулся в обморок. Я видел тебя, когда ты метался по Кирхроде в поисках безрогого козла, и я потешался над тобой. Я видел тебя, когда ты пытался раздобыть аламбик и ушел ни с чем. Я видел тебя множество раз.

А ты меня не видел.

Ты умен, Лапидиус, умен, несмотря ни на что. Поэтому я знаю, мы встретимся с тобой не позже чем через четыре дня. Ночью. В пещере Шабаша, которую мы, Сыны дьявола, зовем пещерой Люцифера. И это будет час твоей гибели. Потому что уже решено, что ты умрешь. Как и Фрея Зеклер, которую сожгут на костре. Многие живут, но многие и должны умереть. А подчас и сама их смерть становится бессмысленной, как смерть Кривой Юлии. Я благодарен тебе, Лапидиус, что ты закопал ее и уничтожил все следы.

Первый сын дьявола, довольный собой, дождался, пока Лапидиус медленно не исчезнет из виду. Теперь он мог выйти из своего укрытия и пойти в пещеру, чтобы подготовить последний ритуал. Он захохотал.

Иногда он сам верил, что он — дьявол.

Когда Лапидиус добрался до дома, уже стемнело. Он отряхнул снег с сапог, повесил плащ на крюк и в одних чулках пошел в кухню. Проведя весь день на трескучем морозе, он продрог и проголодался как волк. Он уже предвкушал холодное жаркое. А может, Марта даже подогреет его.

— Марта? — тихонько позвал он, помня о ее пугливости.

Служанка не отвечала. Она стояла на коленях перед стулом и казалась погруженной в молитву. Перед ней, на сиденье, стоял складень с образами Иисуса, маленькая золоченая вещица.

— Марта!

— О Боже, Боже! О Боже, хозяин!

— Я опять тебя напугал? Что это у тебя такое?

Марта засопела и разжата молитвенно сложенные руки.

— Карманной алтарек, хозяин. Теперича он всегда при мне. Каждый раз могу помолиться, что тебе в церкви. О Боже, Боже, ужась-то какая!

— В последнее время ты стала такой набожной, Марта. То Мадонна-Заступница, то карманный алтарь. Раньше ты такой не была. — Мысли Лапидиуса снова обратились к земному. От одного воспоминания о жарком у него потекли слюнки. — Можешь подогреть мне свинины?

— Ужась-то какая, хозяин! Наш колодезь, колодезь на дворе! Его стравили!

— Что? — Лапидиус забыл о жарком. Колодец представлял собой большую ценность. У кого имелся собственный, тот не зависел от общедоступных источников. Для Лапидиуса наличие собственного колодца было весомой причиной при выборе дома, потому что чистая вода часто использовалась в его экспериментах. — Отравлен, говоришь? Наш прекрасный колодец?

Марта сложила складень и спрятала его под передником:

— Ужась, хозяин, уму непостижимо! А я-та давеча не заметила, набрала ведро да и оставила стоять, к Трауте надось было. Траута, энто жена Ханзекена Шотта с того конца улицы, рецептик у ней взять, кролика с клетками хотела сготовить, а клетки у ней знатные, почитай ни у кого таких нету, ее-та ни пошто не развалятся, вот я и...

— Марта, давай к делу!

— Ага, хозяин. Вот значит, вернулась я, а тут котишка мертвая валяется. Прыгнула, видать, на ведро, испила водички, да и дух вон. Так и лежит, бедняжка. Стравлен колодезь-та, хозяин, истинной Бог, стравлен. А уж как справна котишка-та, кругленькая, полосатенька, токо чья, никто не знает. Траута и та не знает. О Боже, Боже, хозяин, ужась-та кака! Мож, вы эту котишку признаете?

Лапидиус уже не слушал Марту. Ему разом стало ясно, что покушались на него и Фрею. И на Марту тоже. И тем, что остались живы, они обязаны маленькой кошечке, захотевшей попить. Что бы все это значило?

Он стал рассуждать логически. Конечно, могло быть случайностью, что чья-то кошка забежала на его двор попить. Но возможно, что кошку специально подбросили и позаботились о том, чтобы она попила и умерла. Второе ему казалось вероятнее, поскольку никто из соседей не знал животного. Он

вздыхнул. Если так, то это скорее предупреждение, чем покушение на его жизнь. Пришлось признать, что угрозы ему и его жилищу все множились. Только он не даст себя запутать! Не оставит охоту на *Filii Satani*! Сегодня он решительно сел им на хвост, теперь ему было известно, где они собираются на шабаш, где убивают при свете костра и факелов. Там надо их и застигнуть. Легко сказать, да трудно сделать — он ведь один против троих. И помощи ждать неоткуда. Да и от кого?

Лапидиус почувствовал, что его ноги все больше замерзают. Холод с пола безжалостно забирался ему под чулки.

— Марта, принеси мои домашние туфли и подай жаркое. Подогревать не надо. А пока я ем, сходи к колодцу в конце улицы и принеси свежей воды. Мне потом надо будет посмотреть Фрею. Может быть, она захочет пить. Дай ключ!

— Дак он в стене, хозяин, как было велена. Я же не беру его, коли вы не спите, и щё...

— Ладно, ладно, дай мне ключ... Спасибо. Как Фрея, в порядке?

— Ага, хозяин, нее, хозяин, бедняжка кричала от боли, да щё как! Дак я сготовила ей питье из ивы, старое-та вчерась все вышло. Вроде как полегчало. Вот откушайте, хозяин, а я побегла к колодцу, рада сил нет, что вы дома, пужаюсь одна-та, вона ведь опять эти две... ох... ах...

Лапидиус, который тем временем удобно устроился за кухонным столом, наострил уши.

— Что? Две свидетельницы? Они снова были здесь, после того как приносили тебе пряжу?

Марта покраснела как рак.

— Нее, нее, хозяин, я... я...

— Кёхлин и Друсвайлер приходили тебя расспрашивать? Они тебе угрожали? Поднимались вверх к Фрее? Это они отравили наш колодец? Отвечай!

— Не-е, хозяин, о Боже, Боже, я... я...

— Отвечай! Это важнее, чем ты думаешь!

— Я... я скорехонько сбегаю за водицей.

После трапезы, обретя новые силы, Лапидиус еще не один раз пытался что-нибудь вытянуть из Марты, но служанка была нема как рыба. Он ласково увещевал ее, говорил с ней необычайно строго, даже пригрозил, что им придется расстаться. Напрасно: Марта стояла насмерть.

В конце концов он сдался. Отослав ее спать, он зачерпнул кружку воды и запил ужин.

Вода с Бёттергассе оказалась не такой вкусной, как в его колодце, но выбора у него не было. Он заново наполнил кружку и поднялся наверх к Фрее. Маленькая масляная лампа перед дверцей камеры лила свой свет. Она показалась ему источником вечного огня. В ее мягком свете он увидел, что пациентка спит.

— Спи спокойно, — пробормотал Лапидиус. — Скоро твои мучения кончатся.

Он подтащил сундук и сел. Уходить не хотелось, близость Фреи была ему уже необходима. Вскоре глаза его стали закрываться, он спустился к себе, оставив кружку на сундуке возле дверцы. Если Фрея захочет пить, сможет дотянуться до нее через окошечко.

Обойдя дом и пододвинув тяжелый ящик с каменными об-разцами к входной двери, он уселся в любимое кресло.

Надеясь, что этой ночью будет спать крепко.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ЛЕЧЕНИЯ

Ее пробирала дрожь. Она сотрясала все тело, начинаясь где-то у век и кончая пальцами ног. Фрея попыталась повозиться, но дрожь осталась. С трудом она подтянулась к окошечку. Утро уже настало. Уже угадывались очертания сундука, на котором обычно сидел Лапидиус. Сегодня сундук стоял у самой дверцы. А на нем кружка. Внезапно она ощутила сильную жажду. Есть ли в кружке вода? Она собрала последние силы и просунула руку в окошечко. Ухватив кружку за ручку, осторожно потянула ее к себе, в темноту. В кружке и вправду была вода, потому что несколько капель пролилось. Проклятый озноб! Она немного отпила, прополоскала дурно пахнущий от тягучей слюны рот, а потом жадными глотками осушила кружку до дна. Кружка выпала у нее из рук и со стуком упала на пол.

На питье ушли ее последние силы. Но, слава богу, дрожь унялась. Фрея опустилась на тюфяк, мыслями улетаая к Лапидиусу. Конечно, это он оставил ей воды. Он поставил кружку так, чтобы она могла дотянуться. Очень благородно с его стороны. Он вообще относился к ней с уважением. Ни разу не воспользовался ситуацией, чтобы поглазеть на ее наготу. И больше не спрашивал, часто ли она спала с мужчинами. Хотя на это она и не смогла бы ответить. С тех пор как она одна колесила по дорогам со своим фургончиком, она делала это раза два-три, и при всем желании не смогла бы вспомнить ни имен, ни места.

Помнила она только то, что перед этим парни наливали ей выпить. Если бы мама была жива, такого с ней не случилось бы. Но вот случилось. Каждый раз она испытывала противную боль, и ничего в этом не было такого приятного, о чем все толкуют. А парни, они, получив свое, навсегда исчезали.

Другое дело Лапидиус. Он человек большого ума и тонких манер. И вид у него порядочный. Правда, старый он, очень старый.

Задергался глаз. Фрея зажмурилась и почувствовала сильную боль. Ресница попала в глаз и колола. Только с нескольких попыток ей удалось вынуть ее. Однако неприятное ощущение не исчезло. Она еще раз проверила глаз. Ресниц уже больше не осталось — выпали все, и, как на смех, последняя уколола ее. Она торопливо ощупала брови — волос и там не было. Подступили слезы. Сначала она потеряла длинные белокурые локоны, а теперь вот брови и ресницы. Она принялась исследовать свое лицо. Ощупала кожу с почти уже отвалившимися струпьями от сифилиса, провела пальцами по язвам на губах и во рту, потрогала зубы — и неожиданно один из них оказался у нее в руке. Она удивилась, что почти не почувствовала боли, потом решила, что это оттого что десны и без того жжет как огнем. Снова подумалось о Лапидиусе. Он обещал сохранить и ее волосы, и зубы. Зачем? Она все равно уже никогда не будет выглядеть так, как раньше. Наверное, ей лучше всего расстаться с жизнью — мысль, которая уже не раз приходила в голову в ее отчаянном положении. Вот только она была давно неосуществима. На это у нее просто не осталось сил. Сейчас она бы уже не смогла и забраться в стропила, как еще несколько дней назад, когда спасалась от толпы. Такая она сейчас слабая и беспомощная, и... безобразная...

Она вздрогнула, когда совсем поблизости повернулся ключ в замочной скважине и дверца открылась.

— Али уронила кружку-та? — заглянула в камеру Марта.

Фрея молчала. Яркий свет ослепил ее.

— Ну ничё. Хозяин сказал тя обиходить. — Она поставила корзину с лекарствами рядом. — Чудна у тя болесть-та. Имя-та у ей есть?

Фрея молчала. Она обещала Лапидиусу не говорить о своем сифилисе и слово держала. Марта отодвинула сундук в сторону, чтобы было где развернуться.

— Сувай сюда ноги, я тя вытяну. Во-о-от, эдак ладна. Давай-ка поднатужимся... Во-о-от. Не пронесло ночью-та? Ну и ладна. Тады солому-та ворошить не буду. Дай-ка я тя на сундук пристрою. Во-о-от.

Фрея безропотно позволяла делать с собой все. Она наслаждалась недолгой свободой, тем, что можно сидеть, вытянуть ноги, подвигать руками.

— Пить хотца? — спросила Марта. — Я прихватила. С уличнага колодезя. Наш-та стравили. Ай, чё-та я разболталась. Да ладна, ужо и так узнашь.

Фрея пила большими глотками из кружки, которую держала служанка.

— Отравили? — наконец спросила она.

— Ужась, дак уму непостижимо, — Марта стирала тряпкой остатки старой мази с тела Фреи. — Ты вот скажи, что энто за напасть така, твоя болесь-та? Чёй-то с ней не то, а чё, людям и незнамо. Все судачат, вот и Траута Шотт, подружка моя, дак та тоже не знат. И Кёхлин энта с Друсвайлер давеча меня пытали, токо я ни-ни. Дак и знать не знам.

— Так, ничего, — Фрее с трудом удавалось держаться прямо.

— Скажи-ка, а не было их вчерась туточки, на чердаке, Кёхлин-та с Друсвайлер?

Фрея молчала. Перед внутренним взором всплыли картины вчерашнего дня, и она как наяву увидела перед собой обеих свидетельниц, попеременно увещающих ее через окошечко в дверце.

— Ты уж скажи мне, — Марта начала втирать в кожу Фреи свежий слой ртутной мази. — Я дак прикемарила чуток, а как глаза-та открыла, обе и торчат передо мной, что твои пни. Токо знать о том никому не надоть, особливо хозяину. Я щё и опомниться не успела, а они уж меня умучали разговорами. Чё у тя за напасть, да чё ты сказываешь. А как я отшила их, дак враз обнаглели, как надясь. Ну, тут уж я их погнала взашей, любо-дорого посмотреть! Дак чё, были они у тя али нет?

— Да, были.

— Ну дак сказывай!

Фрея не знала, хорошо ли это, рассказывать о той странной истории, но было ясно, что Марта не отстанет, и она сказала:

— Да, обе были здесь. Ты не поверишь, но они так ласково разговаривали со мной, что, мол, зла никогда не держали, ни-

когда не говорили ничего плохого, никогда. Все сплошное недоразумение.

— Вот это да! — Служанка слушала, открыв рот, даже натирать перестала.

— Спрашивали, помню ли «приключение» в горах.

— При... чё?

— Это они сказали «приключение», то есть помню ли я, что там было. Я сказала, что ничего не помню и чтобы они оставили меня в покое.

— Ай-яй! А ты чё помнишь? — Марта принялась втирать красноватую массу в кожу Фреи.

— Только глаза и руки. И голос.

Марта снова остановилась:

— О Боже, Боже! Ужась, да и токо! Чё, ведьмачьи глаза да голоса?

— Да нет, просто глаза и голос. — Фрее было уже трудно говорить. — Положи меня обратно в камеру. Пожалуйста. Больше сидеть не могу.

— Щас, щас, бедняжка. Погодь, токо губы присыплю. Во-о-от... Скоко же ты натерпелась! Ладна, можа скоро полегчает. Ты, девка, верь. Поправде-та плоха ты щё, ох, плоха. Ну да ладна, пожием увидим. Щас я тя снова положу, нее... погодь, я сама... во-о-от эдак ладна.

— Спасибо, — Фрея вытянулась на тюфяке, почти радуясь жару в камере, там, снаружи, она уже начала мерзнуть.

— Дак мне не трудна. А энто, про Кёхлин да Друсвайлер останетса промеж нас, ладна? Нето хозяин узнает, что я вздремнула-та, а он таперича и так все на меня серчает.

Фрея кивнула. Она была смертельно измучена.

— Дак и ладна. Хозяин придет погода, питье тебе принесет. — Марта собрала все снова в корзину и заперла дверцу. Тяжело ступая, она поплелась к лестнице. — О Боже, Боже, добром энто не кончится, как пить дать, не кончится...

Лапидиус посыпал песком письмо, которое только что закончил, сдул песок. Это было письмо в стеклодувную мануфактуру в Мурано, где он заказывал в последнее время большую часть своей алхимической посуды. Вообще-то он уже давно собирался отправить этот заказ, но события последних

дней все время мешали. Он встал и прошел на кухню, где Марта занималась обедом.

— Марта, ты обиходила Фрею?

— Ага, хозяин, все сделала. Уж эва скоко прошло-та.

— Как она?

— Ничё. Кабы не так, сказала б.

Лапидиус оставил без внимания неподобающий ответ и вынул из стены кирпич.

— А где ключ от жаровой камеры?

Служанка пошебаршила в кармане фартука.

— Вот, хозяин.

— Я же сказал, чтобы ты клала его в тайник, если меня нет дома. И наоборот, если я дома, ты должна отдавать его мне.

— Ага, хозяин. Дак забыла. А у меня супчик с куренком.

Лапидиус пробурчал себе под нос что-то невразумительное, налил кружку ивового отвара и пошел на верхний этаж.

— Вот, принес тебе отвар, — сказал он, останавливаясь перед камерой.

Фрея молчала.

Только теперь он заметил, что она спит.

— О, не буду тебя будить, — он пошел обратно.

И тут раздался ее голос:

— Еще один зуб выпал.

— Зуб?

— И брови, и ресницы. Я потеряла все.

Лапидиус вернулся и открыл дверцу:

— Вижу. Но не горюй. Волосы обязательно отрастут, а зуб мы сохраним. Где он?

— Не знаю.

Он распахнул заслонку как можно шире и пошарил по тюфяку возле ее груди.

— Надо посмотреть, подожди.

Немного погода зуб нашелся.

— Верхний резец.

— Да, — прошептала она, — я становлюсь все безобразнее.

Лапидиус поднес зуб к свету.

— Чепуха. Когда-нибудь он снова сядет на место. Мы постараемся.

— Закрой дверцу.

Лапидиус почувствовал, как краска заливает его лицо.

— Конечно, извини.

— Как это?

— Что?

— Как это может быть, что зуб снова будет на месте?

— Ах, вон ты о чем, — Лапидиус пододвинул сундук, поставил на него кружку с питьем и сел рядом.

— Мечта о вечно здоровых зубах сродни мечте о вечной юности. Я читал, что многие ради этого долгие годы питаются только травой, щавелем и морковкой, как кролики.

— Как кролики?

— Да, чтобы резцы постоянно росли.

Фрея тихонько засмеялась.

— До чего только человек не додумается, когда дело касается его тела! Но я знаю и достойные внимания случаи, когда восстанавливали нормальные челюсти. Из слоновой кости, ребер или твердых пород дерева. Лучше всего подходит слоновая кость. Искусно отшлифованная, она почти не отличается от человеческого зуба. Вся беда только в том, что эти протезы не могут прочно держаться в деснах.

— И свои зубы тоже нет?

— И они не могут. Что однажды выпало, то уже не вырастет снова. Поэтому остатки собственных зубов служат мостом для вставных. Их соединяют проволокой, скобами, но, честно говоря, все это ненадежно, и приходится рано или поздно снова обновлять. Если же не хочешь всем этим довольствоваться, придется обходиться тем, что осталось.

Фрея кивнула:

— Как ты?

— Как я. — Лапидиус снова скорчил рожу, которую она уже знала.

И снова Фрея рассмеялась.

— Тогда мне тоже не нужны фальшивые зубы!

— Вот и хорошо. А ивового питья хочешь? Отвар уже немного остыл.

— Да.

Лапидиус дал ей попить.

Она снова задремала. Он посидел возле нее еще немного, а потом спустился вниз.

— А зубы твои я все-таки сохраню, — пробормотал он по дороге.

Лапидиус оттиснул печать со своим знаком на сложенное вчетверо письмо, сунул его в льняной пакет с адресом мануфактуры в Мурано, скрепил печатью и его, обвязал прочной нитью, еще раз все перепроверил и направился в переднюю, где на крюке висел его плащ. Он едва успел накинуть верхнюю одежду на плечи, как из кухни вышла служанка.

— Покушать сготовлено, хозяин. Перчику положила, как вы любите, свежемолотого.

Лапидиус проклял свою медлительность. Если бы он поспешил, давно бы уже был за дверью.

— Спасибо, Марта, потом поем. У меня еще есть дела.

От возмущения Марта едва не потеряла дар речи:

— Хозяин-чё-опеть-за-новости-делаю-чё-могу-обихаживаю-вас-дак-вы-даже-чё-сготовлю-гнушаетесь! Шас все выкину в окошко, ежели не станете есть! Помяните мое слово, штоб я вам еще чё сготовила, хоть на коленях просите!

— Ладно, ладно, Марта.

Лапидиус понадеялся, что служанка не слишком долго будет лютовать, и испарился. На улице в нос ему ударил все тот же запах мочи и отбросов, сгустившийся за ночь при оттепели. Солнце сияло, птички пели, с гор задувал легкий весенний ветерок. Лапидиус, стараясь глубоко не вдыхать, обошел кучи мусора и талого снега и вскоре оказался на Гемсвизер-Маркт, откуда в этот день отправлялась почтовая карета через Инсбрук в Северную Италию. Порасспросив, он выяснил, что возница сидит в «Квершлагге» за кружкой пива, подкрепляясь перед дальней дорогой. Передав ему письмо, Лапидиус велел хранить его как зеницу ока и заплатил положенную пошлину.

Оказавшись вновь на рыночной площади, он вздохнул свободнее, потому что теперь спокойно мог заняться хромоножкой, оставившим свои следы у пещеры Шабаша. Поначалу ему показалось самым разумным пойти в ратушу и расспросить там, но потом он передумал. Мысль о том, чтобы встретиться с бесстыдным судьей Мекелем и его советниками, отвратила его от такого шага. Вместо этого он повернул к церкви Святого Габриеля.

Фирбуш и церковный служка находились в алтаре, где вставляли в серебряные подсвечники новые свечи. Они были

так погружены в свое занятие, что не заметили вошедшего в церковь Лапидиуса.

— Нежели ты не видишь, Якобс, что алтарные свечи стоят криво? Разуй глаза! — обычно благочестивый елеинный голос пастора на этот раз звучал раздраженно. — Отойди на три шага и увидишь!

Лапидиус покашлял.

— А, магистр! Бог с вами. Что привело вас в дом Божий? Исповедаться пришли в тиши и покое? — Фирбуш снова впал в привычный тон.

Лапидиус смутился. На такой поворот дела он не рассчитывал.

— Ну, э... если уж быть честным, мне нужна ваша помощь. Я ищу одного человека, одного хромого. Возможно, он из Кирхроде.

Пастор высоко поднял брови:

— А как его зовут, не знаете?

— К сожалению, нет.

— А что-нибудь еще вам о нем известно?

— Подождите, дайте подумать... мужчина должен быть в соку, здоров настолько, чтобы, несмотря на хромоту, мог проходить большие расстояния.

— Странное пожелание. Не могу не признать, что меня разбирает любопытство, однако не хотите ли пояснить, зачем вам это нужно?

— Вполне резонный вопрос. Если я найду этого человека и добьюсь, чего хочу, то это будет богоугодное дело.

— Ну, раз так... конечно, помогу вам. — Фирбуш махнул службе, который все это время пытался выправить свечи. — Якобс, принеси мне книги записей о смерти. Вниз спусти, к большому амвону, на нем достаточно места, чтобы их пролистать.

Фирбуш подхватил Лапидиуса под руку и повел его к месту, объясняя по дороге:

— Вообще-то книги смертей могут также называться и книгами записей о рождении. Или о крещении. Или о венчании. Поскольку в них заносятся все эти важные события.

— А также книгами пороков и других приметных черт? — пошутил Лапидиус.

— Не всегда. Но в общем-то вы правы. Все мы человеки, и кто из нас не без греха. А, вот и ты, Якобс. Спасибо, можешь

дальше заниматься свечами. Ну, магистр Лапидиус, боюсь, у меня нет столько свободного времени, чтобы помочь вам просмотреть все эти книги, долг зовет, знаете ли... — Фирбуш бросил выразительный взгляд на церковную кружку.

Лапидиус понял намек и бросил в нее пару монет. Послышался звон.

— Что ж, тем не менее приступим. Никто не может упрекнуть меня в бесчувствии.

Последующие изыскания заняли немало времени, как показали колокола на башне. Под конец они отобрали тринадцать мужчин, после имени и даты рождения которых стояло не «здоров», а следовало указание увечья. «Левая нога короче правой», например, или «срослись пальцы правой ноги», или просто «косолап на правую ногу».

— Думаю, можем исключить всех, у кого увечна правая нога, — сказал Лапидиус, припоминая следы на снегу. — Тот человек хром на левую.

— Пусть будет так, пусть будет, — согласился служитель Божий. — Но не приходило ли вам в голову, что человек мог родиться здоровым и охрометь позже в результате несчастного случая или болезни? Такие наказания Господа нашего в эти книги не занесены.

— Да, об этом я думал. Но хочу рискнуть. Не могу же я обегать весь город в поисках хромого.

— Понимаю. — Фирбуш закрыл две книги. — Тогда остаются семеро. — Он зачитал имена, потом добавил: — Райнхарда Грота можем тоже вычеркнуть. Он уже полгода как слег с кровохарканьем. Фридрих Ляйдекер тоже в расчет не идет. Ему к семидесяти, и он давно не выходит из дома. Также и Адальберта Кунца. Насколько я знаю, он уже много лет не живет в Кирхроде. Говорят, он уехал с женой и ребенком в Кёльнские земли. Так что осталось четверо.

— Ага, — рассеянно сказал Лапидиус, которому при последнем замечании пастора пришла в голову мысль. — А эти четверо семейные?

Фирбуш снова порылся в книгах, а потом сказал:

— Только трое, господин магистр. Это...

— Нет, нет, назовите лучше неженатого.

— Вильгельм Фетцер.

— Вильгельм Фетцер, — задумчиво повторил Лапидиус.

Тот факт, что этот парень был неженат, бросал на него подозрение, поскольку трудно себе представить, чтобы добропорядочный отец семейства оказался причастен к злодеяниям в пещере Шабаша.

— А сколько лет Фетцеру? — спросил он.

— Тридцать два, — чуть помедлив, подсчитывая, ответил пастор.

— Вы его знаете?

— Так, шапочно. Он служит писарем в ратуше.

— Ага, городской писарь?

Лапидиус схватился за голову. Какой же он болван! Он же сам встречался с этим человечком несколько дней назад, когда его вызывали в ратушу по поводу необоснованных обвинений, выдвинутых против Фреи.

— Тогда я его там и поищу. Спасибо.

— И потерпите неудачу, — покачал головой Фирбуш. — Его соседка, очень благочестивая женщина, которая каждый день приходит отдать Богу Богово, как раз вчера сказала мне, что он слег с простудой.

— Ах вот как, ну что ж. — Лапидиус быстро прикинул. — Раз вы знаете его соседку, значит, вам известно и где он живет?

Фирбуш скрестил толстые пальцы на животе.

— Знаю, точнее, знал. Что-то по воле Божьей с моей памятью в последнее время неважно... — Он красноречиво посмотрел на церковную кружку.

Лапидиус снова внес свою лепту.

Фирбуш неспешно назвал улицу и дом, морща лоб, словно припоминая.

— Спасибо, — сказал Лапидиус. — Я знал, что вы меня не разочаруете.

Лапидиус любил детей. Ему нравились их блестящие глаза, сопливые носишки и неистребимое любопытство. Даже их гвалт.

Чего он не любил, так это когда они наседали на него, прося подаяния, особенно если перед ним торчали великовозрастные подростки.

— Дайте крейцер, господин, дайте крейцер, дайте, дайте, дайте! — Самый старший из них повис на рукаве Лапидиуса, так что тот едва не потерял равновесие.

— Вы уже получили! — Лапидиусу удалось вырваться. — А за это я просил сказать, где живет писарь Фетцер. Так где его дом?

Он забрел в ту часть Кирхроде, где царила нищета. Ветхие приземистые домишки определяли картину — перенаселенные строения со слепыми окнами и закопченными фасадами, между которыми болтались на ветру веревки с бельем. Вонь, еще более непереносимая, чем в Бёттгергассе, насыщала воздух.

— Дайте, дайте, дайте! — не переставая, голосил старший. Ему доставляло явное удовольствие причинять неудобства благородному господину.

— Нет, черт побери! Исчезни, или заработаешь пару оплеух!

— Жадина, жадина, жадина! — озлобился парень, но разумно отступил. — Жадина, жадина!

— Кто тут кричит?

Невдалеке открылась дверь. На пороге стоял человек невзрачной внешности, с топорщащимися усами, которые едва прикрывали его верхнюю губу, близорукими глазами и плешью на голове. Его платье было еще менее примечательным, однако чистым.

— Это я, — сказал Лапидиус, пытаясь представить себе, как выглядело бы это лицо с рогами во лбу. Попытка оказалась неудачной.

— Вы? — Человечек, сощурился, вопросительно посмотрел на него, одной рукой отгоняя мальчишек. При этом он сделал пару шагов вперед, и Лапидиус заметил, что он хромает.

— Да, я. Мы с вами уже встречались. В ратуше. Вы ведь Вильгельм Фетцер, городской писарь?

Человечек настороженно кивнул.

Лапидиус быстро прикинул, как вести разговор, чтобы выведать то, что ему нужно. Разыграть из себя невинность, задавая случайные вопросы? Или назвать вещи своими именами? Наверное, из-за досады на орущих мальчишек он решил оставить в стороне учтивость.

— Что ж, я рад, что вы так быстро оправились, как слышал, вы слегли с простудой. Вероятно, спешите в ратушу, чтобы заняться своими делами?

Фетцер молчал.

Из-за угла донеслось:

— Жадина, жадина!

Лапидиус не обратил на крики ни малейшего внимания. Он понимал, что действует не слишком искусно, но отступить было некуда:

— Или вы направляетесь в небезызвестную пещеру?

Черты Фетцера исказились. Но он быстро взял себя в руки.

— Вам известно, о какой пещере я веду речь?

— Нет, понятия не имею, — городской писарь говорил тихим бесцветным голосом, в котором, однако, слышались визгливые нотки.

— Так что же вы тогда испугались?

— Я... я не испугался.

Лапидиус понял, что так дело не пойдет.

— Давайте зайдем к вам, то, что я хочу вам сказать, предназначено не для посторонних ушей.

Фетцер неожиданно оживился. Он похромал к своей двери, взвизгнув на ходу:

— У меня жар, господин, сильный жар. И я понятия не имею, о чем вы говорите.

— Тогда придется вывести вас из неведения. И я сделаю это во весь голос, чтобы все слышали. Я полагаю, что вы убийца. Я полагаю, что вы один из так называемых «сынов дьявола», поскольку я...

— Жадина, жадина! — перебил Лапидиуса оглушительный ор.

—...поскольку я нашел ваш след, примите это буквально, наверху, в Оттернберге, возле входа...

— Жадина, жадина, жадина! — раздалось из-за угла.

На этот раз Лапидиус не намерен был больше спускаться. Он резко обернулся, чтобы дать озорникам отповедь, как вдруг услышал возле уха свистящий звук, в затылок ударила струя воздуха. Что это было? Он повернулся назад к писарю, и его взору предстал покачивающийся нож, который вонзился в косяк двери Фетцера. Если бы он нечаянно не отклонился, нож угодил бы в него.

У Лапидиуса подкосились ноги. А Фетцер исчез.

Лапидиус огляделся, но больше никого не было видно. А потом побежал, так быстро, как несли ноги. И пока он бежал, в него вселилась уверенность:

Городской писарь Вильгельм Фетцер на самом деле был *Filius Satani*.

Лапидиус сидел в своей лаборатории и злился на себя, как еще никогда в жизни. Все он сделал не так. Высунулся с распросами и попался, как глупый мальчишка. Вместо того чтобы расположить Фетцера к себе и постепенно все выведать, он только ожесточил его — и сам едва не лишился жизни. С другой стороны, как бы он принудил писаря к признанию? А возможности упрятать его за решетку, чтобы прижать, не было. Слишком неубедительны пункты обвинения. Следы хромоножки у пещеры Шабаша? Они давно растаяли. Брошенный в него нож? Его давно вынули. Нет, это не доказательства. Фетцер может и дальше наслаждаться своей свободой.

Лапидиус вздохнул и поднялся со своего любимого кресла. Надо набраться терпения и укладывать кирпичик за кирпичиком, чтобы выстроить прочное здание аргументов против убийц. Прежде всего надо перепроверить содержимое бутылочки из пещеры Шабаша. Вытащив ее, он снова удалил восковую пробку и понюхал. Как и в первый раз, жидкость на запахах не определялась. Хоть и улавливался легкий аромат белены, уверен он не был. Тут ему пришла в голову мысль. У него еще остался пузырек с образцом от Вайта, аптекаря. Вынув и его, он сунул туда нос. Да, сходство явно было. Но, возможно, в содержимом бутылочки находилось не только *hyoscyamus niger*, но и другие вещества. Надо было знать точно. Поэтому он решился на следующий шаг. Надо самому попробовать питье, а заодно и проверить его действие. Вопрос только в том, какую принять дозу. Он закрыл глаза и сделал глоток. Напиток и на вкус оказался таким же горьким, как на запахах. И все-таки он принял еще два глотка и снова заткнул пробку.

Он сидел и ждал действия. Его не было. По крайней мере, пока. В памяти всплыл нож, который едва не попал в него, и по спине побежали мурашки. Снова окатила дрожь. Тот, кто бросал нож, явно имел причину посягать на его жизнь, потому что Лапидиус слишком близко подобрался к месту их дьявольских ритуалов и может выдать тайну. Кто же метнул нож? Наглые мальчишки? Нет, они прыгали за углом. Скорее всего, некто, кто все время следил за ним...

В его размышления вторгся громогласный рык Горма со двора. Что он вешал, слышно не было, только вслед за этим раздалась брань Марты:

— И куда энто ты опять прешься? Пошел отсюда!

Лапидиус вышел во двор. Горм и Марта стояли у колодца, как два бойцовых петуха. Как только исполин увидел Лапидиуса, тут же спросил:

— Фрея... как сегодня?

— В порядке.

Горм отодвинул Марту, словно сдул пушинку, и подошел ближе:

— Чё говорит Фрея?

Лапидиус покачал головой:

— Ты опять за свое. Зачем тебе знать?

— Много говорит?

— Кто тебе велел задавать вопросы?

— Говорить нехорошо... для здоровья.

В Испании Лапидиус как-то видел попутая, забавную птицу, которая умела повторять одни и те же слова, не меняя тона. Это животное ему сейчас и вспомнилось. Горм был на него очень похож. Или ему это только казалось? Подмастерье вроде бы качнулся в его сторону, но тут же снова оказался на месте. Лапидиусу захотелось повторить это движение, но он сдержал себя. Хотя это не совсем удалось. Происшествие повторилось. Лапидиус нашел это забавным. Горм, могучий небезопасный колосс, выглядел сегодня тоже забавным, таким забавным...

Лапидиус опомнился. Он чуть было не поддался влиянию напитка, а этого нельзя допускать. Горм здесь, и это надо использовать.

— Марта, иди к себе на кухню... да, прямо сейчас. Ну, Горм, давай, скажи, что делает корзина в вашей мастерской? Помнишь, такая большая, для сбора плодов?

Горм больше не выглядел забавным. В примитивных чертах его лица наблюдалась напряженная мыслительная работа.

— Должон был принести, — наконец выдавил он и тут же прикрыл рукой рот.

— От Кривой Юлии? Ты знаешь, что с ней произошло?

— Я... я... не скажу. — Горм отвернулся.

Лапидиус попробовал по-другому.

— Знаю, что ты не должен мне говорить. Но то, что сказал мастер, ты ведь можешь передать? Он сказал тебе: «Горм, принеси от Кривой Юлии большую корзину», да?

Подмастерье тупо уставился перед собой. Но таким уж тупым он не был. Он молчал. Лапидиус вдруг почувствовал себя

как на облаке, тогда он широко расставил ноги, чтобы не улечь. И зашел с другой стороны:

— Это мастер Тауфлиб сказал тебе: «Горм, спроси, много ли говорит Фрея, может, о пещере?»

Великан сглотнул слюну.

— Он сказал: «Горм, отрави колодец Лапидиуса», да?

— Я... не скажу, а... мастера нет.

И снова Лапидиус ощутил на спине мурашки. Интересно, виноват в этом напиток или то обстоятельство, что Тауфлиба не было дома? Может, он как раз прогуливался по городу? Может быть, с ножом?..

К мурашкам на спине добавилась распирающая боль в висках. И ярость. Вполне вероятно, что это Горм отравил его колодец, вот пусть он же его очистит! Лапидиус махнул рукой в сторону деревянной бадьи:

— Хватит у тебя сил вытянуть его сто раз подряд?

Горму потребовалось одно лишь мгновение, чтобы понять вызов. Лицо его прояснилось. Мускулами он играл лучше, чем владел языком.

— Сто много, да? Хо... умора!

То, как подмастерье сказал «Хо... умора!», снова показалось Лапидиусу страшно забавным. Он собрался с силами и приказал:

— Тогда за дело! И смотри, вычерпай все, что мутит колодец! Листву, мусор, мертвых животных и что там еще есть. Выливай воду в кусты смородины. Столько, пока она снова не станет прозрачной.

— Хо... умора!

Лапидиус оставил великана стоять и пошел в дом. Голова трещала. Он устремился через кухню прямо в лабораторию, чтобы прилечь, но служанка не дала ему выполнить благих намерений. Она сидела у стола и выла — перед ней Мадонна-Заступница и карманный алтарь.

— Ну, что опять? — спросил Лапидиус слегка раздраженно.

Марта запричитала:

— О Боже, Боже, хозяин. Забежала-к-Трауте-Шотт-на-минутку-токо-на-минутку-порази-меня-Бог. А-она-мне-чё-скаывают-чё-все-знают-токо-я-не-знала-токо-я. Траута-та-давай-смеяться-потому-как-думала-я-знаю-а-я-не-знаю-целай-день-кручусь-с-готовкой-чищу-мою-носу-из-дому-не-кажу. Ничё-не-вижу-ничё-не-слышу...

— Марта, Марта, давай к делу!

— Дак вот. Вальтер, Кёхлинов муж, помер намедни. Ужо не первой день как его нашли. Совсем мертвехонького. Пьянай, говорят, был. И кружка все щё в руке.

— Ну, и что здесь необычного? Не он первый, кто упивается до смерти, — Лапидиус помассировал гудящие виски.

— Дак то-то и оно. Не пил он, совсем не пил. А упокойного начальник стражи самолично увез. Народ и говорит, вместе с Кёхлин они и прикончили. Потому она и не оплакиват мужа-та, вона как! Ох, чё делается! Ужась, ужась! У-у-у-у... у-у-у-у!

Лапидиус не мог для себя решить, что больше взяло Марту за душу, загадочная смерть рудокопа или то, что она только сейчас об этом узнала. Если подумать о том, как падки люди до пересудов, то Вальтер Кёхлин вполне мог умереть собственной смертью.

Чернь склонна к преувеличениям и часто видит такое, чего и в природе не существует. Ну, кто, например, сказал, что рудокоп не пил? Не всякий пьяница являет свой порок миру так бесстыдно, как старый Хольм.

Куда важнее было утверждение, что Аугуста Кёхлин завела шашни с Крабилем. Разве сам он не видел, как ворковали эти голубки? А Крабиль при этом еще и развязывал пояс. В помещении вахты это было, вспомнил Лапидиус. Есть ли связь между свидетельницами и Крабилем, между свидетельницами и «сынами дьявола»? Был ли начальник стражи *Filius Satani*? Третьим, помимо Тауфлиба и Фетцера?

— Марта, — сказал Лапидиус, жаждущий добраться до любимого кресла, — не бери в голову. И не спрашивай, не хочу ли я поесть. Я хочу отдохнуть.

Лапидиус проснулся от крика. Он вскочил со своего кресла посвежевшим и отдохнувшим, хотя головная боль и не совсем прошла. Снова послышался рев. Кто-то выкрикивал имя Горма.

Он поспешил в кухню, к окну, выходящему на двор. Во дворе он обнаружил Тауфлиба, который тянул своего подручного за рукав от колодца.

Все это время Горм черпал?!

Поддвора было залито водой. Лапидиус чуть не расхохотался. Надо было сообразить, что Горм не способен сосчитать до ста. Он просто черпал и черпал. Как автомат.

Мастер и его подручный скрылись за кустами смородины. Лапидиус вернулся в лабораторию. Где, интересно, Марта? Наверное, понесла еду матери. Голова была полна мыслей. Нашел же он забот на свою голову!

Внезапно опять раздался шум. Кто-то молотил кулаками по задней двери. Тауфлиб? Лапидиус прошел в кухню и увидел в окно мастера, который, задыхаясь от ярости, прыгал перед дверью. Чего ему надо? Открыть и обрушить на его голову, что он «сын дьявола»? Нет уж, памятуя о неудачном разговоре с Фетцером и принимая во внимание головную боль, этого делать не стоит. Пусть себе стучит, сколько хочет — он не откроет!

Лапидиус добрался до любимого кресла и сел. Тем временем Тауфлиба уже не было слышно, видно, убрался восвояси. Тауфлиб. И Фетцер. И возможно, Крабиль. В отношении первых двух он был уверен, что они причастны к убийству Гунды Лёбезам и обезглавленной девушки. А вот что касается начальника стражи, надо поразведать. И прежде всего выяснить, на какой повозке он увозил тело Вальтера Кёхлина. Если это фургончик Фрей, то сам этот факт уже доказательство его виновности.

Вообще о доказательствах. Каким наивным он был, когда начинал свои расследования! Он полагал, будет достаточно того, чтобы выяснить, кто скрывается под маской *Filii Satani*, а теперь видел, что это еще далеко не все. Необходимо их уличить, и лучше при свидетелях. Смелое предприятие, которое казалось невыполнимым.

И ко всему требовалось еще кое-что: прежде чем уличать кого-то, надо было самому убедиться, что тот является убийцей.

Уверен ли он, что это Тауфлиб, Фетцер и Крабиль? Честно говоря, нет. Были и другие в высшей степени подозрительные личности. Все еще были.

Лапидиус застонал. Так много всего он узнал! И все-таки недостаточно. Приведет ли его это к неоспоримым доказательствам? Существуют ли они вообще, «неоспоримые доказательства»?

Очевидно да, и это потрясало. Единственное, что было несомненным, установленное убийство двух женщин. Больше ничего. А дальше начинались его домыслы, потому что даже

то, что обе были зверски убиты в пещере Шабаша, еще не являлось фактом. Одну, Гунду Лёбезам, нашли на рыночной площади. Другая, чьего имени никто не знал, была обезглавлена, а голова повешена над его дверью. Тело же так нигде и не всплыло. Но где-то же оно должно быть. Если не в пещере, не в его доме и не у Тауфлиба, то где?

Лапидиус прикидывал так и эдак. И пришел к единственному решению: придется еще раз подняться на Оттернберг.

СЕМНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ЛЕЧЕНИЯ

— Мастер Тауфлиб спрашивал вас, хозяин. Ярился да ругался почему зря. Чё тако?

Лапидиус протер глаза. Он с трудом приходил в себя. Марта стояла в дверях и с любопытством таращилась на него.

— Дак я его отшила. Хозяин спит, говорю, и будить его не буду. С тем и убрался.

— Умница. Поговорю с мастером Тауфлибом, когда сам сочту нужным.

Лапидиус с наслаждением потянулся и почувствовал, что сегодняшним утром ему было гораздо лучше. В отличие от прежних, нынешнюю ночь он провел намного спокойнее. И головная боль исчезла. Похоже, действие дурманящего напитка кончилось. По результатам эксперимента следовало констатировать, что содержимое бутылочки вызывало нарушение координации, головную боль, искажение восприятия окружающей реальности и сверх того необычайную веселость.

— Плесни-ка мне горячей воды в тазик, а потом иди, намажь хлеба маслом. И налей кружку пива.

— Ага, хозяин, шас, хозяин.

Окрыленная радостью, что Лапидиус наконец-то что-нибудь из ееготовки поест, Марта принялась за работу.

Чуть погодя хозяин дома сидел за кухонным столом и вкушал завтрак. Марта сияла, подкладывая ему на тарелку очередное яйцо.

— Щё, хозяин? Полужу щё чуток?

— Бога ради, я сейчас лопну.

— Дак как же я рада, хозяин! Дак неужто я вам не говорила, что будет вкусно! А колодезь-та опеть справнай. Горм вытащил оттудова пару крыс, мертвах, как есть мертвах. А вода-то снова годна. Старай Кётер забрел сёдня, цело ведро вылакал, и ничё. Снова годна вода-та.

— Ну и прекрасно. — Новость была утешительной. — Скажи, ты уже была у Фреи?

— Нее, хозяин. Дак ключа-та у меня нету.

— Ах, да.

Чтобы доставить Марте удовольствие, Лапидиус доел все до крошки и встал:

— Тогда пойду, взгляну на нашу пациентку.

Поднявшись наверх, он постарался принять бодрый тон:

— Привет, Фрея, пошел семнадцатый день твоего заключения, а там еще три дня, и все позади.

В ответ послышался лишь слабый стон.

— Фрея? — Лапидиус поспешно открыл замок и тут же отпрянул назад.

Больная лежала, скрючившись, на тюфяке. Голова, руки, плечи, блестя потом, беспорядочно подергивались. Она плакала? Или это были судороги, вызванные лечением?

— Фрея! Послушай! — он протянул ей кружку. — Фрея!

— Я хочу... умереть, — ее слова были тихим шепотом.

Он отставил посудину и встал на колени.

— Чепуха! Ты что, не слышала? Осталось только три дня, только три!

— Нет!

— Но... но вчера еще все было в порядке... Марта сказала... ты разговаривала с ней, все вытерпела... — Лапидиус застыл.

То, что происходило, было естественным признаком болезни, которая выматывала душу так же, как тело. То чувствуешь себя сносно, то падаешь духом. Необходимо преодолеть долину отчаяния, потому что за каждой долиной снова находится вершина. По крайней мере, это было утешением, так говорил ему Конрадус Магнус. Лапидиус покусал губы. Ну почему ему так трудно найти слова?

— Фрея?..

Она внезапно принялась безудержно плакать и извиваться на своем ложе. Он решил, что причиной тому непереносимые боли, и уже подумывал, не принести ли последние капли лауданума. Тут он заметил, что ее движения вовсе не хаотичны: она потихоньку отодвигалась от дверцы к задней стенке. Она не хотела, чтобы он ее видел!

Хотела ли она и вправду умереть, забившись в угол, как раненый зверь?

Не вполне осознавая, что делает, он протянул руку и погладил ее затылок:

— Фрея, Фрея, останься со мной!

Ну что ему делать? Что тут можно поделать? Ему вспомнилась песенка из детства, та, которую пела мать, качая его колыбель. Он забыл многие слова, но помнил, что она утешает. Он начал петь, громко и немного фальшиво, сам себе он казался смешон, но пел и пел. Постепенно старинный напев успокоил и его. Губы выпевали слова, а руки гладили голову Фрей.

Она затихла.

— Фрея, Фрея, — он протиснулся в глубь камеры и, не переставая напевать, вернул ее на прежнее место. — Ты принадлежишь живым. Ты принадлежишь свету. Ты принадлежишь мне.

Она повернулась к нему лицом, и ее вид потряс его до глубины души. Еще никогда не приходилось ему видеть столько горя, столько муки, столько смертной тоски. Ее глаза, еще недавно зеленые и полные тайны, сейчас были пусты.

— Я больше не могу, — прошептала она. — Такая боль! Я хочу умереть, только умереть...

Тогда он наклонился и поцеловал ее в губы.

— Вы к мастеру Тауфлибу, хозяин?

Марта спустилась с чердака. Она дала Фрее последние капли лауданума, напоила и присыпала ей губы. Лапидиус все это время прислушивался к тому, что делалось наверху, и теперь знал, что больная воспряла и душой, и телом. Он собрался уходить.

— Нет, я не собираюсь бегать за мастером по пятам. У меня другие дела.

— Дак куда вы, хозяин?

— Ты задаешь слишком много вопросов. Ключ пусть остается дома, на всякий случай. Ты паутину смела?

— А как же. Можете, возьмете с собой...

— Нет. И ничего не готовь. Я не знаю, когда вернусь. Запрись и никого не впускай.

— Ага, хозяин, а то я жуть как пугаюсь одна-та.

Лапидиус уже спешил. Он набросил на плечи плащ и сказал:

— Подожди дверь ящиком с камнями, как я делал это в последние дни.

— Дак разве я дотащу?

— Ну да. Тогда как следует задвинь засов, думаю, этого хватит.

— Но...

— И никаких «но». Я скоро вернусь.

Он быстро вышел. До пещеры Шабаша надо было добрать-ся до полудня.

Утро было солнечным, денек обещал быть погожим. Последние следы снегопада растаяли. Повсюду пробивалась зеленая трава. Лапидиус шел быстро, ступал твердо и чувствовал удовлетворение, что походы последних дней укрепили ножные мышцы. Он маршировал по торной дороге на Цирбельхё, потому что не хотел снова заблудиться и звать на помощь старика Хольма.

Так что до входа в пещеру он добрался меньше чем за два часа. Здесь, наверху, дул сильный ветер, овевая его разгоряченное тело прохладой. Он огляделся, Никого не видно. Под ногами поблескивала голая скала, местами поросшая мхом. Следы на снегу, которые привели его прошлый раз к пещере, растаяли. Лапидиус пожалел, что их нет — тогда бы он знал, пуста ли пещера. Но что поделаешь. Если он хотел еще что-то разузнать, придется войти, как бы там ни было.

Немного погодя он стоял в полутемном проходе и зажигал маленькую лампу. На этот раз нити ему не требовалось, он помнил, что надо все время поворачивать налево, чтобы добрать-ся до большого грота. И держаться правой стороны, чтобы выйти наружу.

Медленно он двинулся вперед, миновал три развилки и вдруг снова оказался в тупике. Проклиная свою рассеянность, он повернул обратно и, держась левой стороны, достиг наконец большой залы. По дороге он обдумал, как будет действовать, чтобы отыскать пропавшее тело. Возможность была

только одна: поскольку в прошлый раз он основательно обыскал залу, оно могло находиться только в одном из двух отходящих от нее проходах.

Лапидиус ступал осторожно — и вдруг резко остановился.

Впереди кто-то был!

Об этом говорили попавшиеся на пути миска с кусочками ладана, крепкая веревка и нож, клинок которого слабо поблескивал в свете лампы.

Не тот ли это нож, которым были совершены убийства? Он поднял его и увидел, что это охотничий нож. Лезвие было заточенным и острым, рукоятка из рога. На ней вырезаны буквы. Лапидиус со страхом ожидал, что его взору предстанут хорошо знакомые «F» и «S», только он ошибся.

«DRJO», — разобрал он. Хотя последняя буква могла быть и «G». Сколько он ни раздумывал, что обозначают эти буквы, ничего не придумал.

Кладя нож обратно, он обнаружил еще и пилу. Не обычный инструмент, которым пользуются ремесленники, а костную пилу. Не ею ли рассекли позвонки, отрезая голову бедной девушке?

В поле его зрения попались два железных горшка. Памятуя о горшке, наполненном кровью, который попался ему в прошлый раз, он осторожно заглянул в них. Слава богу, оба были пусты.

Лапидиус двинулся дальше. Прошел мимо факелов. Может быть, он ошибался, но ему показалось, что их стало больше. Наконец он добрался до прохода по другую сторону. Осторожно шмыгнул туда, оглядываясь по сторонам. У стены показалась пара конских попонок, небрежно сложенных и брошенных в кучу. Кто бы ни совершал в пещере сатанинские ритуалы, он здесь спал, укрываясь ими.

И тут проход кончился тупиком.

Лапидиус на ощупь пробрался обратно и вошел во второй вход, ничего особого от него не ожидая. И здесь та же картина: неровный пол, влажные стены, мелькающие в свете лампы насекомые. Впереди, за двадцать пять или тридцать футов, на дороге громоздились камни. За ними виднелся тупик. Лапидиус чувствовал себя разочарованным. Он все-таки надеялся найти здесь тело. Но ничего необычного не обнаружил.

Разве что запах.

Он все сгущался по мере приближения к камням. Этот тошнотворный запах был ему хорошо знаком. Так пахнут трупы. Лапидиус присел и отвалил один камень. Показалась голая ступня. Еще камень, и стала видна другая, потом ноги, уже белые и раздутые, как сырой каучук. Подступила тошнота. Он справился с ней и продолжал разгребать дальше, кусочек за кусочком, камень за камнем. Наконец, труп открылся, женский труп, голый и неприкрытый. И обезглавленный.

Несмотря на холод в пещере, Лапидиуса пробил пот. Он нашел, что искал. И что теперь делать? Снова заложить его камнями? Нет, сначала надо осмотреть со спины, есть ли там кровоподтеки, как под лопатками на теле Гунды Лёбезам. Числом пять и расположены как пятерка на игральной кости.

Но для этого придется поднять лампу куда-нибудь повыше, а найти такое место не так-то просто. Наконец он приметил выступ скалы, который подходил для такой цели. Лапидиус, все еще сидя на корточках, поднял лампу и потянулся к выступу. Тут все сразу и случилось.

Он увидел дьявола.

Отпрянул и упал навзничь.

Уронил лампу.

Мгновенно его объяла черная тьма. Лапидиус лежал на спине между камнями, труп прямо под ним. С трудом ему удалось собраться с мыслями. Разумеется, то, что он видел, не было нечистым духом, это была маска. Однако выглядела она так страшно, что могла бы повергнуть в ужас и более сильного мужчину.

«Никакого сатаны в этой пещере нет, — сказал он себе. — Это всего лишь маска. Маска и ничего больше!» Он начал шарить в поисках лампы и с облегчением вздохнул, когда вскоре действительно нащупал ее. Она лежала на полу, всего-то на расстоянии вытянутой руки. Теперь надо ее зажечь. Кремень и кресало были у него в кармане, он порылся в нем. Вот они. После нескольких попыток пламя показалось на кончике фитиля, теперь Лапидиус снова мог видеть. Стараясь не смотреть в сторону маски, он хотел прибавить огня, но тут заметил, что масла осталось на донышке. Значит, если он хочет покинуть пещеру при свете, придется поторопиться.

Он быстро повернулся к трупу, почти физически чувствуя спиной взгляд дьявольской рожи. «Это всего лишь маска», —

повторил он и перевернул труп на спину. Вот! Пять гематом. Доказательство того, что тело прижимали к сталагмитам.

Лапидиус осмотрел остальные части трупа, других следов применения силы не было.

Лампа замерцала.

Лапидиус понял, что времени остается немного. Что ж, придется оставить труп лежать как он есть. Он взял лампу, собрался с духом и посмотрел на маску. Хотя на этот раз он и был подготовлен, ему стоило мужества не вскрикнуть при виде ее. Кроваво-красная, ядовито ухмыляющаяся рожа с выступающим вперед подбородком, изогнутыми рогами и дырами глазниц тарасилась на него из полутьмы. Справа и слева от нее две такие же мерзости. Маски несли в себе зло, разрушение, осквернение всего божественного. Они были так искусно сработаны, что казались живыми.

И они ожили.

Они надвигались на него!

Смешно. Этого не может быть. Лапидиус понадеялся на свой разум. Он ученый, а значит, человек здравомыслящий. Движение, несомненно, кажущееся. От колеблющегося пламени. Но проверять этого не хотелось, так что он поспешил убраться. Сначала в залу, там с первой попытки нашел проход наружу, не заплутался и дальше, и вскоре... снова очутился в темноте. Лампа погасла. Не слишком рано, в чем он со вздохом облегчения убедился, ибо в конце туннеля брезжил свет. Свет, небо, простор! Горя нетерпением, он поспешил вперед и вскоре оказался у выхода.

Ступив на тропу к дому, он позволил себе определенный энтузиазм. Два из его предположений оказались верными. Во-первых, *Filii Satani* существовали на самом деле. А во-вторых, их было трое, как на триптихе в церкви Святого Габриеля. Доказательством тому были маски.

Об убитых женщинах тоже можно было сделать бесспорный вывод: и Гунда Лёбезам, и незнакомка — обе были изнасилованы в пещере. Гематомы на их спинах не оставляли сомнений. Лапидиус так погрузился в размышления, что на повороте дороги машинально пошел вперед и тут же оказался в густом кустарнике. Вырутавшись, он попытался освободиться от цепляющихся веток, и с некоторым усилием ему это удалось. Тут он невольно присвистнул. На земле мелькнуло не-

что, что к лесному хозяйству явно не относилось. Он снова осторожно раздвинул ветви и теперь разглядел большую заплечную корзину, какую и сам таскал в своих путешествиях. В ней находились меньшие корзинки разнообразных форм. А возле — лоскут ткани, в котором Лапидиус опознал платье. Тут же он нашел дешевые башмаки, корсет и скомканный чепец... одежда женщины.

Лапидиус понял, что нечаянно отыскал товар Гунды Лёбзам. На этом месте «сыны дьявола» избавились от него. А вот одежда принадлежала не корзинщице, потому что та была найдена под повозкой одетой. Значит, это были вещи незнакомой девушки. Лапидиус поискал чего-нибудь, что дало бы намек на имя убитой, но, к великому сожалению, ничего такого не обнаружилось.

Он поразмыслил, как поступить с находкой, и решил все оставить на месте. Какой смысл заявиться в Кирхроде с корзинами и одеждой и объявить во всеуслышание, что нашел вещи убитых женщин? Это только бросит подозрение на него. На него и, конечно, на Фрею.

Ему вспомнились дьявольские маски. Вот их можно было взять с собой и предъявить. Но тогда *Filii Satani* были бы предупреждены. Нет, правильно, что оставил их в пещере.

Он выбрался из кустов и сосредоточился на том, чтобы не сбиться с дороги. Но маски были неотвязны. Никак не хотели идти из головы.

И ему казалось, что они все-таки были живыми.

— А так вы еще существуете на свете, почтенный господин магистр! — Перед Лапидиусом словно из-под земли вырос Тауфлиб, когда он собирался войти в дом.

— Разумеется. Но прежде всего, здравствуйте, мастер.

Лапидиус приготовился к худшему. По пылающим гневом глазам Тауфлиба было ясно, что разговор предстоит не из легких. Но какой разговор с Тауфлибом мог быть приятным? Лапидиус только не мог понять, почему мастер в такой ярости. Ну, сейчас узнает.

— Думаете, сумеете вечно избегать меня? Ошибаетесь! Я хочу с вами поговорить и сделаю это! С чего это вам взбрело в голову, что можете использовать моего подмастерья, чтобы вычерпывать ваш колодец? И не один час, как сказали соседи!

Стоит только уйти из дома, как... как... — Тауфлибу не хватало слов.

— Вас не было дома? — Лапидиус сделал вид, что слышит об этом впервые. — А где вы были?

— Вас не касается! Вы мне оплатите труд моего подручного! Я выясню точно, сколько он занимался этим идиотизмом, и выставлю вам счет за каждую минуту!

— Колодец был отравлен, мастер, и я не спрашиваю, кем. Но раз уж вы имеете обыкновение пользоваться им, и бесплатно, должен вам заметить, то не кажется ли вам естественным, чтобы Горм выполнил эту работу?

— Вы намекаете, что это я отравил воду? Какая наглость! Но не будем отклоняться! Повторяю: я выставлю вам счет за каждую минуту!

На крик Тауфлиба тем временем собрались любопытные. Марта тоже услышала его и, приоткрыв дверь, высунула голову.

— Энто вы, хозяин? Чё такостряслось? Я...

Лапидиус махнул ей, чтоб исчезла.

— Ладно, Марта, не вмешивайся.

Служанка недовольно убралась.

— Ну, спустили пар? — обратился он к Тауфлибу.

— Вовсе нет! Пока Горм вычерпывал ваш колодец, работа в мастерской стояла! Важная работа!

— Не считаете ли, что нам лучше продолжить разговор во дворе?

— Да пожалуйста! Только не думайте, что удастся отвертеться от платы!

Лапидиус пошел вперед и остановился у кустов смородины.

— Так, ради мира и спокойствия я возьму вам... э... убытки при первом удобном случае. Но раз уж вы упомянули мастерскую, слышал, вы храните там огромную корзину для сбора плодов? Скажите на милость, зачем слесарных дел мастеру подобная вещь?

Тауфлиб на мгновение смешался, но только на мгновение. Он угрожающе сузил глаза.

— Вот вы себя и выдали, Лапидиус! Вам потому известно о корзине, что это вы вломились ночью в мой дом, не так ли? Долго же я гадал, кто бы это мог быть, и вот, мои подозрения подтвердились. Еще днем вы притащились ко мне с этой ду-

рацкой треногой. Я сразу подумал, что здесь что-то не так. Дело было совсем не в погнутой ноге, вам нужен был мой большой бур. Я помню, вы держали его в руках, я еще сказал вам, чтобы положили на место! Раз не удалось тогда, вы прокрались ко мне ночью и украли его! Уж не говорю о погроме, который вы устроили в моем доме! Только вот что я вам скажу: вы мне за все заплатите! За все! Вы вор, магистр Лапидиус! Подлый вор! Сегодня же пойду к начальнику стражи....

— Никуда вы не пойдете, — перебил Лапидиус. Он был поражен пронизательностью мастера, которая теперь грозила довести его до беды. Пришла пора повернуть разговор иначе. — Никуда. Да, ваш бур у меня, но я его не украл, как вы выразились, а укрыл в надежном месте. Этот инструмент связан с убийством той женщины, чья голова висела над моей дверью.

— Неужели?

— Вы не смотрели на столпотворение у моего дома, вам было неинтересно, равно как и Горму, но о мертвой голове с рогами вы определенно слышали, а ваш козел как раз лишился рогов.

— Куда вы клоните?

— На конце вашего бура налипла кровь.

— Разве? — Гнев мастера сменился бдительностью. — Пустые слова.

— Это кровь, я выяснил несколькими опытами. Кровь на вашем инструменте!

Тауфлиб пренебрежительно махнул рукой:

— Ну и что? Недавно поранил руку, когда сверлил.

— Каждый может так сказать. Это, несомненно, кровь, и вероятно, чужая.

— Вы что, хотите сказать, что я связан с теми дьявольскими убийствами? Вам это надо, поскольку Зеклер живет под вашей крышей!

Лапидиус не сдавался:

— Это, несомненно, кровь. Кровь убитой женщины. Потому что бур — ваш бур! — точно подходит к просверленным отверстиям, куда вставили рога.

Лицо мастера сделалось серым.

— Это не я, ради всего святого, правда, не я!

— Тогда, может быть, сообразоволиите сказать, как попала корзина в вашу мастерскую?

— Бога ради! Понятия не имею. Должно быть, Горм притащил. Откуда мне знать, зачем она ему? Я его спросил пару раз, но он будто воды в рот набрал. Если уж чего-то не хочет, так его не сдвинешь. Тут даже я бессилен.

— Эта корзина из Цирбельхё. Она стояла у Кривой Юлии, корзинщицы, которая там жила.

— Ну и что?

— Я сказал «жила», не заметили? Теперь она мертва. Ее убили, а корзина исчезла.

Тауфлибу потребовалось время, чтобы обдумать сказанное. Потом он нахмурился.

— Возможно, господин магистр, что Горм взял корзину у Кривой Юлии. Возможно, что женщина убита. Но это еще не значит, что одно связано с другим. Горм, конечно, звезд с неба не хватает, но он неплохой малый. Он и мухи не обидит! Даже мухи!

— Ваш подмастерье каждую ночь проводит дома?

— Ну, я...

— Отвечайте!

Тауфлиб собрался с духом:

— Разумеется. Всегда.

Лапидиус видел, что он лжет. И не только видел, он это знал. Потому что в ту ночь, когда он проник в дом Тауфлиба, тот сам сетовал, что Горма нет.

— Вы знаете пещеру Шабаша?

— Пещеру... как?

— Шабаша.

— Нет.

Лапидиус был убежден, что мастер снова лжет.

— Вы знаете, что такое сталактиты и сталагмиты?

— Э... нет.

— У вас есть маска дьявола?

— Что?

— Вам говорит что-нибудь понятие «сыны дьявола»?

— Э... нет.

— Вы знаете триптих святого Габриеля в церкви пастора Фирбуша?

— Нет. Послушайте, что все это значит? Я...

— Значит, вы не знаете и того, что его осквернили? Сделали надрез на шее архангела?

В лице Тауфлиба Лапидиусу почудилась смесь упрямства и вины.

— Нет, черт подери! Нет, нет и нет!

— Вам говорят что-то буквы DRJO или DRJG? Знаете, для чего используется белена?

— Да.

— Что вы имеете в виду, буквы или белену?

— Белену, конечно. Она дурманит.

— Ага. Уже лучше. Потихоньку продвигаемся. Вам знакомы Кёхлин и Друсвайлер? Те бабы, что оклеветали Фрею Зеклер?

— А кто их не знает! Но я...

— Хорошо, хорошо. Вы владеете латынью?

— Что? Так, немного. Чуть-чуть учился в латинской школе...

— Очень хорошо. Вы знаете, что означает *Filii Satani*?

— Нет, хотя погодите... — Тауфлиб теперь казался чуть сбитым с толку. — Что-то про сыновей и дьявола.

— Вы сами сказали. Я знал, что мы подойдем ближе к делу. Вы не ощущаете себя «сыном дьявола»? Признайтесь честно. У меня много доказательств, что вы являетесь таковым. Сатана коварен, иногда он является во плоти. Большей частью по ночам. У вас не бывает иногда такого ощущения, что вас пронизывает зло? Что вас распирает жар? Хочется убивать? Насиловать? Пить кровь?

Лапидиус намеренно взвинчивал голос и под конец почти кричал. Тем более он удивился, что ответа на это не последовало. Мертвая тишина стояла во дворе. Тауфлиб молчал, глядя куда-то вдаль. Наконец он сказал:

— Думаю, в каждом из нас есть частица дьявола, магистр. Во мне, в Горме, в вас. Поэтому можете задать все эти вопросы и себе тоже. По крайней мере, вы мне со всем вашим тайным знанием о пещерах и дьяволе кажетесь очень подозрительны. И я еще подумую, не пойти ли мне к начальнику стражи и передать этот разговор. И прошу вернуть мне бур. Это моя собственность.

Лапидиус проглотил ком в горле. Он уже был уверен, что почти разоблачил Тауфлиба, как вдруг такой поворот. Мастер и в самом деле обладал дьявольским хладнокровием. Поначалу он бесстыдно врал, потом почувствовал себя неувереннее и вот, пожалуйста, под конец снова взял себя в руки и все пе-

ревернул. Даже опять угрожает начальником стражи. Обидно. Но он, Лапидиус, не даст себя сбить и тем более запугать!

— Бур — это вещественное доказательство, мастер! И он останется у меня.

Тауфлиб мгновение помедлил. Потом пожал плечами и, ни слова не говоря, покинул двор. Лапидиус смотрел ему вслед, раздумывая, как расценить этот жесткий разговор. Он хотел добиться от Тауфлиба признания, но не удалось. С другой стороны, мастер неоднократно уклонялся от правды, так что под давлением он, возможно, и заговорит. Признается, что он «сын дьявола», что посылал своего слабоумного подручного на убийства? А так ли это? Горм, конечно, зависел от своего мастера. Но всегда ли он ему подчинялся? Вовсе нет. Взять хотя бы замечание Тауфлиба, что даже он не может «сдвинуть» Горма, если тот заупрямится. Кто же тогда имел на подмастерье большее влияние, чем Тауфлиб?

Лапидиус, волоча ноги, поплелся в дом.

Марта сидела у кухонного стола и дрожала как осиновый лист.

— Уж как я испугалась, как испугалась! Аж в дрожь бросило!

— Вижу. — Лапидиусу потребовалось лишь мгновение, чтобы оценить ситуацию. — И поэтому ты сидишь над этим? — Он указал на глубокое блюдо, наполненное водой: там лежал морщинистый комочек, который виделся так, будто сухие ветки смотали в круглый клубок.

— Ага, хозяин, нее, хозяин. Энто ерихонская роза*.

— Давай-ка, успокойся и Расскажи мне, что это такое.

— Ерихонская роза, хозяин. Коли хошь счастья и удачи, а не порчи и смерти, надоть ее иметь. Щё ее называют «цветом воскресения», потому как она кажнай раз встает.

— Так речь идет о невзрачном растеньице, которое по-научному называется *selaginella epydophylla*?

Марта как-то сразу успокоилась:

— Она совсем суха, а коли положить ее в воду, вся раскрывается, и скоко ее так ни держи, не повянет. Три тыщи лет этой розе-та.

* Иерихонская роза — название нескольких видов однолетних пустынных растений, высыхающих после созревания семян и образующих небольшие шары, которые отламываются от корня и перекатываются ветром (перекати-поле); в сырую погоду семена выпадают и прорастают. Этому растению, привозимому из Палестины, приписывали чудодейственные свойства.

— Ага. Ну да. — Лапидиусу пришло на ум, что он слышал нечто подобное об этом растении. Рыцари Крестовых походов завезли ее из Святой земли. Воде, в которой она лежала, приписывались целебные свойства, а также считалось, что она воспоможествует при родах. — Марта, Марта, ты день ото дня становишься все набожнее. Сначала Мадонна-Заступница, потом карманный алтарь, а теперь вот иерихонская роза.

— Все потому как сильно я пужаюсь, хозяин. Вы-та ушли, а Горм сызнову был здесь.

— Что? Горм снова приходил?

— Ага, хотел к Фрее, поганец. Так зыркал на меня да все говорил, что должна впустить его наверх. Токо я его отшила. Нету хозяина, говорю, да и все тут. А он все меня морочил, мол, дьявол он, потому и должен, а ежели я... и... и... я до смерти испужалась! — Марта снова задрожала.

— Успокойся, — сказал Лапидиус и подсел к ней.

Виду он не подал, но тревога забила в его мозгу во все колокола. Горм назвал себя дьяволом? Может, на самом деле он не так глуп, как кажется? Он был третьим «сыном дьявола»? В упрядке с Тауфлибом и Фетцером?

Марта громко шмыгнула носом:

— А как токо я взяла в руки розу, он и убрался.

— Так ты его в дом не впускала? — уточнил Лапидиус.

— Нее, не пушала. Откушаете чё, хозяин? Оно, конечно, путного-та у меня ничё нет, так испужалась, что все из рук валялось, вот и не сготовила. Токо хлебца с маслицам. Да щё есть отвар для Фреи.

Лапидиус почувствовал крайнюю усталость. Шесть часов бродил он по горам, все на ногах, все в напряжении, под конец еще и пришлось выдержать словесную дуэль с Тауфлибом. И теперь ему не хотелось ничего, кроме как спать. Пусть еще светлый день, но пару часов подремать не помешает.

— Нет, есть я не хочу. Дай Фрее питье. Я буду у себя в лаборатории. Только буди меня в крайнем случае.

— И на ужин неча сготовить, — не унималась причитать Марта. — Завтрева надоть на рынок.

— Будет тебе.

Лапидиус подавил зевок и поднялся. Он хотел пройти прямо в лабораторию, но потом подумал и пошел вначале в переднюю, где придвинул тяжелый ящик к двери. Чисто симво-

личный акт, потому что такого, как Горм, ежели была в том нужда, такая защита не остановила бы. Но все-таки... Он проверил засов на двери и окна. Подняться к Фрее? Нет, позже. Он свернул в лабораторию, где любимое кресло уже ждало его, и удобно в нем устроился.

Но сон не шел. Все тело ломило. И снова кружились мысли. К тому же все начало чесаться. То зудело здесь, то свербило там.

Вконец разозлившись, он поднялся. С тоской посмотрел на свою поломанную кровать. Как было бы хорошо растянуться на ней! Если бы только она стояла прямо!

И тут его осенило. Он взял треногу с исправленной Тауфлибом ногой и подставил ее под покосившееся лежбище. Уже лучше. И только когда он подложил еще и изрядной толщины фолиант в деревянном окладе, поверхность более-менее выровнялась. Жаль, конечно, использовать ценную книгу в таких низменных целях, но плевать. Сегодня плевать. Он с наслаждением вытянулся на ложе. Теперь мешал яркий свет в комнате. Прикинув, что при свете ему не уснуть, он решил еще на одно кощунство. Он встал, взял другой драгоценный труд и, раскрыв его, положил на глаза.

Теперь все было как надо, и он почувствовал, как сладкая дрема расслабляет его члены. Засыпая, он еще повернул голову к слуховому каналу и прошептал:

— Фрея, я приду к тебе. Только потом.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ЛЕЧЕНИЯ

Лапидиус проснулся, протер глаза, еще не понимая, как долго он спал. Лаборатория была залита ярким солнечным светом. Четверг сегодня или уже пятница? Тень от лабораторного стола подсказала ему, что сейчас утро. Он проспал остаток вчерашнего дня и всю ночь. Интересно, Марта уже встала? Он прислушался, но ничего не было слышно. Ладно, пора вставать! Одним махом он вскочил с постели и поспешил в кухню. Слава богу, Марта, добрая душа, уже была здесь. Она сидела за столом, откусывая хлеб, обмакнутый в мед.

— Марта, почему ты меня вчера не разбудила?

— Дак как же, хозяин, будила я, щё вечером. Токо вы чёй-то пробормотали и велели мне не трогать вас посередь ночи. Вот я и убралась.

— Да? — В мозгу Лапидиуса что-то забрезжило. — Ладно, хорошо. Тебе сегодня лучше?

— Ага, хозяин. Горма-та сегодня не видно. А вам, хозяин, отрезать хлебушка? В погребѣ у меня ще вареньице есть. Яблочко.

— Нет... то есть дай мне тоже хлеба с медом. И хватит.

Лапидиус сел. Надо было оправиться от страха, которого нагнала на него Марта безобидным предложением спуститься в погреб. Не хватало еще, чтобы служанка обнаружила там коробку из-под компаса с мертвой головой. Воспоминание о черепе, все еще ждущем в подполье подобающего погребения,

натолкнуло на мысль, что пора решительно продвинуться в расследованиях.

— Ладна, хозяин. Могу щё пивка принести.

— Что? Погоди.

Лапидиус задумался о *Filii Satani*. Они были убийцами. И их было трое. Он, как ему казалось, знал их. Проблема состояла лишь в том, что надо было выбирать из четверых потенциально возможных претендентов. Тауфлиб, Фетцер, Крабиль, Вайт, а также, возможно, Нихтерляйн и Мекель. И Горм, сам себя назвавший дьяволом. Хотя Тауфлиб вчера сделал то же самое. «Думаю, в каждом из нас есть частица дьявола», — сказал он.

Марта отрезала от каравая толстую краюху и намазала медом:

— Дак принести пивка-та, хозяин?

— А?.. Нет, пива не надо.

Лапидиус вгрызся в хлеб, даже не чувствуя вкуса. Ему показалось примечательным, что, чего бы он ни касался, все время наткался на Тауфлиба. Что вчера сказал этот мастер? Что пойдет к начальнику стражи и передаст их разговор. А он сказал Тауфлибу, что его бур как раз подходит по диаметру к отверстиям на мертвой голове. А это означало, что он признался: череп у него — факт, который он отрицал перед стражем закона. Если Крабиль узнает, то Лапидиус у него в руках. Тогда он может ждать нового обыска в своем доме. Будет найдена и мертвая голова, и Фрея в жаровой камере. И одному Богу известно, что с ней тогда произойдет. Что он может сделать в этой ситуации? Единственное, что приходило в голову, это опередить Тауфлиба. Надо пойти к начальнику стражи и поговорить с ним.

— Марта, мне срочно надо на Гемсвизер-Маркт, — сказал Лапидиус, стоя в передней и набрасывая на плечи плащ.

— Мне тожа, хозяин. У нас все припасы вышли. Окромя как в погребе.

— Хорошо, идем вместе. — Лапидиус поначалу хотел оставить Марту дома, иначе Фрея останется одна, но подумал, что та заупрямится.

Немного погодя они шагали вниз по Бёттгергассе. Марта, которая трещала без умолку, потому что ей льстило, что ее видят с таким важным господином. И Лапидиус, молчаливый и погруженный в себя. Когда они подошли к рыночной пло-

шади, Лапидиус порадовался, что взял Марту с собой, потому как кой-какие торговки тут же раскрыли рты и заголосили:

— Смотрите-ка, ведьмин полюбовник пожаловал!

— Любовничек той Зеклер! Ну и напустил на себя важности!

И всякое такое в том же духе. Тут Марта не сплеховала. Выступив вперед, она бросила им в ответ:

— Заткните хлебалки-та! Порази меня гром, если я чё щё у вас покупать стану! И подружкам закажу! Тады и поглядим, чё делать-та будете, глотки луженыя!

К удивлению Лапидиуса, торговки разом умолкли и отвели взоры в сторону.

— Спасибо, Марта, — с признательностью сказал Лапидиус. — А теперь расстанемся. Мне надо к начальнику стражи, обсудить одно важное дело. Делай спокойно покупки. Если освободишься раньше меня, иди прямо домой. Фрее скажи, я найду к ней, как только вернусь.

— Ага, хозяин. Токо вы с энтим Крабилем-та поаккуратнее. Ему палец в рот не клади. Зловредной он, бестия.

— Да, да, не волнуйся. Ну, иди.

Лапидиус оставил Марту и устремился к зданию вахты. Придя туда, он выяснил, что Крабиля на месте нет. Тогда он уселся на единственный в служебном помещении стул и стал ждать. Ему пришлось набраться терпения. Прошло больше часа, Лапидиус уж собирался было уйти, как начальник стражи наконец объявился. Он весело насвистывал, но, увидев Лапидиуса, тут же нахмурился.

— Вы последний, кого я хотел здесь видеть, — вместо приветствия пробурчал он.

Лапидиус сохранял учтивость:

— Доброе утро, Крабиль. Мне срочно надо с вами поговорить.

— Вы заняли мой стул. Попрошу вас пересесть вон туда, на скамью.

Лапидиус подавил раздражение. Освобождая начальнику стражи место, он размышлял, как бы половчее начать разговор. Все время ожидания он обдумывал это, но до сих пор ни к какому решению не пришел. Может быть, рубануть с плеча и спросить, не приходил ли Тауфлиб с жалобой на него? Нет, так не годится. Так же мало толку снова спрашивать, нет ли чего нового в отношении двух смертей. Начальник стражи опре-

деленно и пальцем не шевельнул, чтобы провести расследование, так что он просто разозлит его. В конце концов, поскольку ничего лучшего не пришло в голову, он спросил:

— Вы прямиком из дома?

— Это то, что вам надо со мной обсудить? — съязвил Крабиль. Он подчеркнуто медленно опустился на свой стул. Было явно видно, как он наслаждается создавшимся положением. — Что ж, если это вас успокоит, отвечу: нет, разумеется, нет. В мои обязанности входит следить за порядком на рыночной площади, и именно этим я занимался с самого утра.

— Ага, значит, так. — У Лапидиуса камень с души свалился. Из ответа Крабиля стало ясно, что Тауфлиб к нему еще не обращался. — Честно говоря, я здесь по другому вопросу. Вам известно, что я укрываю у себя Фрею Зеклер и хлопочу о ней.

— Да. И что? — Судя по лицу, радужное настроение начальника стражи окончательно испортилось.

— Меня интересует, не объявился ли за прошедшее время ее фургончик.

— Насколько мне известно, нет.

— Жаль, этого я и опасался. Во всяком случае, повозка могла бы привести к тому, кто имеет на совести найденный на рыночной площади труп.

Крабиль раздул щеки:

— Как будто вы не знаете, кто это. Ведьма Зеклер, кто же еще?

Лапидиус не принял вызов.

— А случайно не использовался ли ее фургончик для перевозки тела Вальтера Кёхлина? Я потому спрашиваю, что люди говорят, будто он умер не естественной смертью.

Начальник стражи вылупил глаза:

— И кто же такое болтает?

— Так, ходят слухи. Я тоже полагаю, что он умер от пьянства, но поговаривают, будто Кёхлин и капли в рот не брал. Вот и остается вопрос, от чего же он тогда умер? Будучи стражем порядка, не проводили ли вы дознания?

— Я полностью выполнил свой долг.

— А, тогда, значит, вы сообщили об этом случае судье Меклю?

— Само собой. И господин судья остался мной очень доволен.

— Разумеется.

Лапидиус вспомнил утро после нападения на его дом, как Мекель вызывал его к себе и пригрозил наказанием за бегство Фрей Зеклер, за которую он, Лапидиус, несет ответственность. И то, как рассердился судья, когда узнал, что его информатор, конечно, не кто иной как Крабиль, принес ложную весть. Вряд ли с тех пор судья Мекель доволен своим начальником стражи!

А может, все-таки Крабиль его устраивает в таком качестве? А ежели так, то по какой причине Мекель не стал предавать огласке это темное дело? Возможно, потому, что не хотел поставить свою свидетельницу Аугусту Кёхлин в сомнительное положение, чтобы она и дальше могла свидетельствовать против Фрей? Господь милосердный, да тут прямо болото, в котором он постоянно вязнет!

Лапидиус постарался ничем не выдать своих мыслей.

— А, так, значит, вы допросили вдову Кёхлина?

— Нет, зачем беспокоить женщину?

Это была наглая ложь. Страж порядка имел любовную связь с этой Кёхлин и, скорее всего, виделся с ней каждый день. Уж обсудить это с ней он должен был непременно!

— Ага. Ну что ж, это дело меня не касается. Значит, фургончик с травами, принадлежащий Зеклер, все еще не найден?

— Именно так.

— А на чем вы транспортировали тело?

— Для перевозки тела Вальтера Кёхлина была использована повозка аптекаря Вайта. Он оказал любезность и предоставил ее в наше распоряжение.

— Аптекарь Вайт?

— Именно.

— Это... э... похвально.

Лапидиус был в замешательстве. Вайт! Фармацевт, с причудливыми повадками, который по вечерам и ночам не всегда бывает дома, поставляющий богатым кирхродцам *aphrodisiakum* и готовящий дурманные отвары из белены, — именно он одолжил одной из свидетельниц свою повозку! Случайно ли это? Или за этим что-то стоит?

Лапидиус оставил сомнения и снова ухватил нить разговора:

— Как достойный бюргер города, я, естественно, размышляю, кто же на самом деле имеет на совести те дьявольские

убийства. На мой взгляд, особо подозрителен слесарных дел мастер Тауфлиб. Он и его подмастерье Горм. А также упомянутый вами аптекарь Вайт.

— Ага. — Крабиль не был многословен.

— Еще большее подозрение вызывают свидетельницы Кёхлин и Друсвайлер. Их кто-то послал для того, чтобы оклеветать и уничтожить Зеклер. За их спинами кроются убийцы. Я намеренно говорю «убийцы», а не «убийца», ибо их трое. Трое мужчин. И я уверен, что Кёхлин и Друсвайлер, а также все, с кем они связаны, не уйдут от возмездия.

Начальник стражи молчал, хотя последние слова Лапидиуса были сродни угрозе.

— Что ж, Крабиль, желаю вам доброго дня, — Лапидиус встал и покинул вахту.

Некоторым образом он успокоился. Пусть теперь Тауфлиб приходит и доносит об их вчерашнем разговоре. Посмотрим, чего он добьется! А Крабиль пусть хорошенько подумает, прежде чем что-то предпринимать против него! Если он попытается поставить его под удар, то ему самому перепадет.

И немало!

Фрея лежала в жаровой камере и чувствовала: что-то изменилось. Звуки были другими. Тише. Отдаленнее. Они доносились с улицы. Она прислушалась внимательнее и вдруг поняла. Нет привычных звуков с кухни: стука горшков, шипения сковородок, бульканья воды. Не слышно шагов Лапидиуса по лаборатории. К тому же не доносятся и голоса Лапидиуса и Марты, которые обычно перебрасываются словечком-другим.

Вчера вечером к ней заходила Марта, и Фрея почувствовала разочарование, что это был не Лапидиус. Он обещал прийти, крикнув в переговорное отверстие. Она ждала. Но напрасно.

И вот она дома одна. В душу закрался страх. Она вспомнила тот день, когда горланящая толпа ворвалась в дом. Как ее обзывали ведьмой, как хотели вытащить и заколоть, как она из последних сил спряталась за стропилами. Теперь она уже спастись не могла бы. Она чувствовала себя слабой и беспомощной, как младенец.

Она всегда презирала страх. И сейчас, борясь с ним, уговаривала себя, что ей уже лучше. Вчера Марта дала ей последние

капли из коричневой бутылочки, и не десять, как Лапидиус, а целых семнадцать. Она посчитала. Чудные капли. Лауданум называются они. И на этот раз их действие было особенно долгим.

Почему Лапидиус вчера не пришел? Он же обещал! Лапидиус. Он так старается доказать ее невиновность. Целыми днями где-то ходит. И она чувствовала, что не только в тот день, когда штурмовали его дом, он подвергал свою жизнь опасности. Почему он все это делал для нее? Ладно, он объяснял, что сам когда-то находился в схожем положении, а потом пообещал человеку по имени Конрадус Магнус, что поможет кому-то другому, как тот помогал ему. Да, но это не объясняет, почему он взялся защищать ее от обвинения в колдовстве.

Что же он такое разведал? Время от времени он делал какие-то намеки, но никогда не говорил всего. Может, не хотел ее пугать? Как благородно с его стороны! Только вот если бы он рассказал, она бы поделила с ним его беды и заботы, и притом с радостью. В конце концов, это ведь ее беды, а превратности судьбы легче переносить вместе.

Страх немного отступил. Ей надо выдержать еще два дня, и лечение будет окончено — полных двадцать дней. Тогда она выйдет из этой камеры. Противоречивое чувство охватило ее, когда она подумала об этом. Несчетное число раз она проклинала свою тюрьму, ненавидела эту темноту, тесноту, одиночество, но, с другой стороны, камера давала ей какую-то защиту — защиту от судьи Мекеля, от начальника стражи, от свидетельниц, от всех, кто хотел причинить ей зло. А что ждет ее там, снаружи?

Лапидиус. Он всегда такой благородный. И он поцеловал ее. Она даже не поняла в первый момент, что произошло — так ей было скверно. А потом до нее дошло. И ей было стыдно, так стыдно, что хоть сквозь землю проваливайся. Из-за дурного запаха изо рта, из-за выпавших волос и зубов, из-за ее уродства. А он поцеловал ее, несмотря ни на что! И даже сказал: «Ты принадлежишь мне». Это он, конечно, несерьезно. Она — бедная торговка травами, а он — благородный господин. Просто смешно думать, что всерьез. А все же приятно...

Что это? Голоса? Кто-то ругается? Фрея хотела приподняться, но на это не хватило сил. Тогда она приложила ухо к отверстию теплового канала. Что она услышала, так это голос Марты, долетавший до нее, громкий, пронзительный.

— Ничё она не говорит, как есть ничё! Говорю жа, худо ей, худо! А таперича отстань от меня и проваливай!

С кем это там ругается Марта? С Лапидиусом? Нет, этого не может быть.

— Отстань... ты... — голос Марты стал удаляться. — Проваливай, а нето я...

Слышно стало хуже:

— ...нет, разрази меня гром, нет!..

А потом и вообще только обрывки бранных слов:

— Бездельни... Мерзав... Бестия!.. Ой-ой-ой!

И тишина.

— Марта? — Фрея закричала в слуховое отверстие так громко, насколько хватило сил. На самом деле это был лишь едва слышный шепот. — Марта!

Служанка не отвечала. С кем она там бранилась? Фрея понятия не имела. Знала только одно: это был не Лапидиус. Марта, конечно, подчас давала волю языку, но в таком тоне она никогда не стала бы говорить с хозяином.

Марта ушла, это Фрее стало ясно. И тот, с кем она ругалась, тоже. А может, это была женщина? Траута Шотт, например, о которой она часто рассказывала? Фрея не знала. Но кто-то еще там был, это наверняка.

И вот она снова одна. Страх напомнил о себе. И ни за что не хотел отпускать, хоть она повторяла и повторяла одно только слово:

— Лапидиус, Лапидиус, Лапидиус!

Лапидиус проделывал последние шаги к дому. Он уже радовался заранее. Интересно, что принесла Марта с рынка? Наверное, давно топчется в кухне и приготовила что-то вкусненькое. Он отомкнул тяжелый замок и толкнул дверь.

— Марта, это я!

Он повесил плащ на крюк и в приятном предвкушении потянул носом. Но ничем вкусным не пахло.

— Марта?

Он прошел в кухню. Корзина с провизией стояла на столе. Значит, служанка вернулась раньше его. Прекрасно. Но где она? Он пошел искать. В ее комнатенке нет. В кладовых тоже. Ни на дворе, ни в уборной. Да где же она?

— Марта! Маарта!

— Лапидиус!

Зов был едва слышен. Он исходил от отверстия теплового канала. Фрея! По крайней мере, она дома. Он подошел к своей постели и наклонился к слуховому отверстию:

— Фрея, я вернулся. Не знаешь, где Марта?

— Нет, я... нет, — ее голос звучал слабо и невнятно.

— Ну ладно, вернется. Сейчас мне надо позаботиться об атаноре. Потом я поднимусь к тебе.

Он подошел к красной печи алхимика и проверил жар. Жар был слабый, угли еле теплились. Огонь не должен погаснуть! Срочно нужно подложить дров из поленьицы за домом. Он поспешил туда и с удивлением обнаружил, что задняя дверь широко распахнута. Забыл ее закрыть, пока искал Марту? Странно... Но рассуждать было некогда. Прежде всего, надо накормить атанор.

Немного погодя он уже отточенными за долгие годы движениями подкладывал в топку поленья, занятие, которое его всегда успокаивало. Мысль о Марте не давала покоя. И о *Filii Satani* тоже. Они угрожали Фрее, потому что она воочию видела пещеру Шабаша. А раз так, то угроза касалась и ее покровителя. И Марты. Хоть Марта тут не была замешана ни сном ни духом. Только вот известно ли это *Filii Satani*? Огонь в атаноре хорошо разгорелся. О Марте так ничего и не слышно. Лапидиус решил, что сходить с ума пока рано. Может быть, Марта просто пошла к матери. Значит, надо самому позаботиться о Фрее.

Поднимаясь по лестнице, он шарил в кармане в поисках ключа. Где же эта железка? Он поднапряг память и вспомнил, что Марта была последней, кто поднимался к Фрее. Вчера вечером. Оставалось только надеяться, что она не унесла ключ с собой.

С тревогой в душе Лапидиус вернулся в кухню и вынул из стены кирпич. Слава богу! Ключ лежал на месте. Он взял его и, перешагивая через ступень, поднялся к Фрее.

— А вот и я. Вообще-то я хотел заглянуть к тебе вчера, но просто заснул.

— А, — сказала Фрея. Она была рада наконец увидеть его. Никогда она не откроет ему, как сильно ждала.

— Ты ничего такого не слышала? Марта должна была зайти к тебе, вернувшись с рынка.

— Нет, ничего. Хотя... вроде бы Марта ругалась. Она все время кричала: «Отстань от меня!» и «Проваливай!», — говорить Фрее было трудно.

— Значит, в доме находился кто-то еще?

— Да.

Лапидиуса обуял страх. Задняя дверь! Она была распахнута, уже когда он пришел. Кто-то посторонний сломал замок и вошел в дом? Мужчина? Женщина?

— Ты слышала, с кем говорила Марта? Может быть, узнала голос?

— Нет.

— Может, это был Горм?

— Не знаю.

— Ладно, ладно, — Лапидиус постарался казаться спокойным. — Наверное, этому есть какое-то простое объяснение.

— Мне жарко.

— Я запалил атанор. Подожди... — Он отпер дверцу, чтобы в камеру потянуло прохладным воздухом. Делал это он против воли, потому что в последние дни предписания для излечения сифилиса должны соблюдаться особенно строго. А с другой стороны, ему было жаль Фрею, ведь прошло почти двадцать дней.

Фрея глубоко вдохнула свежий воздух.

Лапидиус отвел взор от ее тела, но краем глаза все равно видел плечи, руки, грудь. И видел, что слой ртутной мази следует обновить. Если он и мог ослабить жар в камере, то пропустить очередное втирание средства было недопустимо.

— *Unguentum* надо нанести заново, я скажу Марте... — он оборвал себя на полуслове. Марты не было. А лечение должно быть продолжено. Что же делать?

— Намажь меня сам.

— Я?! — Он в жизни бы этого не сделал! Это неприлично, крайне неприлично. Но... — Я... я...

— Не можешь из-за того, что я такая страшная?

— Да что ты! Вовсе не поэтому! Э... то есть... я хочу сказать, что ты совсем не страшная, просто... если тебя это не стеснит...

— Нет.

— Ладно. Хорошо. Сейчас принесу мазь.

Лапидиус обрадовался, что можно сбежать. Он заспешил вниз по лестнице. Внизу первым делом запер заднюю дверь

и придвинул к ней ящик с образцами, потом схватил мазь, тряпку, ведро воды и, нагруженный, снова поднялся наверх.

За это время ему удалось в некоторой степени справиться со своим смущением. Фрея уже по пояс высунулась из камеры и теперь лежала, измученная и обессиленная. Лапидиус поставил все на пол.

— Сейчас я возьму тебя за плечи и выну. Только сначала отдышись.

Фрея дышала порывисто и неглубоко, пока пульс не выровнялся.

— Марта так же делала.

— Молодец.

— А потом сажала меня на сундук.

— Ах так, — он осторожно вынул ее из камеры и прислонил к сундуку. — Отдохни, сейчас подниму.

— Я... уже не могу сидеть.

— Тогда положу тебя на него. На спину.

Ему было совсем не трудно уложить ее на сундук, она была послушна каждому его движению. Из окна лился яркий свет, освещая ее груди, плоский живот, лоно. Лапидиус сказал себе, что должен смотреть на нее только как врач. Это ему не удалось.

Он пододвинул ведро и стер тряпкой следы последнего втирания. Потом перевернул ее на живот, чтобы очистить и спину. Тут он увидел пролежни и велел ей так лежать. Он принес известковый порошок и присыпал им больные места, потому что ничего другого под рукой не было. После этого занялся втиранием. Нанеся мазь на спину, он осторожно посадил Фрею. Она тут же прислонилась к нему:

— Я... сейчас упаду.

— Не упадешь.

Он уселся верхом на сундук подле нее, левой рукой обхватил за плечи, а правой начал втирать мазь. Сначала на область шеи и плеч, потом ниже, обходя грудь.

— Ты кое-что пропустил.

— Знаю. Я... не хотел...

Он проклял свою стеснительность. Ну почему он не может втирать, и ничего больше! Это же просто кожа и просто мазь. Собравшись с духом, Лапидиус коснулся груди, сначала робко, потом натирая интенсивнее.

— Ты хорошо это делаешь.

— Да? — Его голос прозвучал хрипло, а руки продолжали работать. Он почувствовал, как затвердели ее соски. Сам он тоже испытал возбуждение. Чтобы отвлечься, сказал: — За эти дни я выяснил, что те глаза, руки и голос заманили тебя в пещеру. Я был там и видел «каменное лицо» и «каменные зубы», о которых ты вспомнила. Это сталактиты, минеральные сосульки, свисающие с потолка.

Фрея повернулась к нему. Ее глаза смотрели куда-то вдаль.

— В пещеру? Да, так.

— Да. — Лапидиус спрашивал себя, разумно ли, что он говорил о тех страшных событиях, когда она в таком состоянии. Но поскольку она не выглядела напуганной, он продолжал: — Она называется пещера Шабаша.

— Да?

— Она расположена в горах, на Оттернберге. — Лапидиус взял из горшка новую порцию мази и начал обрабатывать живот. — В ней есть большой грот, своего рода зала с многочисленными ответвлениями, наверное, тебя привели туда.

— Я... я вспоминаю... — Перед ее глазами возникла четкая картина. Провалы в памяти, до сих пор мучившие ее, вдруг закрылись. — Там... там было хорошо... вначале. А потом... потом...

Рука Лапидиуса остановилась

— Да? Что потом?

— Нет. — Картинка снова растаяла.

Лапидиус готов был завывать от досады. Рука продолжила свою работу.

— Ты говорила, что видела колеблющееся красное. Может быть, это были дьявольские маски?

Фрея прикрыла веки. Внезапно она начала дрожать.

— Маска дьявола, — повторил Лапидиус. — То красное могло быть маской дьявола?

— Да! — прошептала Фрея. — Да, да, так и было. Я вижу: маски, они поют... какую-то песнь... горит огонь... он колыхается...

Сердце Лапидиуса готово было выпрыгнуть из груди.

— Дальше, дальше! Вспоминай дальше!

Фрея молчала. Уголки ее губ подрагивали. Она открыла глаза.

— Ничего. Больше ничего не вижу.

— Но этого не может быть! Ты только что вспомнила, попробуй сосредоточиться! — Он был так возбужден, что с силой тряхнул ее за плечи.

— Ты делаешь мне больно.

— Извини. Просто мне трудно понять. Только что ты чего-то вспомнила, и вдруг опять провалы в памяти.

На глаза Фрей навернулись слезы.

— Ради бога! Только не плачь! Просто я... мне... — Он не знал, как ее успокоить, и ему не пришло ничего другого в голову, как обнять ее. — Я не хотел, я не это имел в виду, я не хотел, не плачь! — повторял он снова и снова, качая ее, как ребенка.

«Как же помочь ей вспомнить, пока не поздно? — между тем спрашивал он себя. — Ведь известно, куй железо, пока горячо». Если бы он имел на нее такое же влияние, как те глаза, руки и голос!.. Подожди-ка! А что, если попробовать? Фрея рассказывала, что голос был очень ласковым, глаза смотрели неотступно и требовательно...

Лапидиус, продолжая качать Фрею, постарался придать своему голосу подобное звучание:

— Мы с тобой вдвоем в этой пещере, высоко в горах, на Оттернберге, ты и я, я с тобой, ты ничего не боишься, ничего. Мы в пещере, я с тобой, и ты ничего не боишься. Смотри мне в глаза, так, хорошо. Ты и я, мы вместе в пещере, ты ничего не боишься...

Он сам заметил, что невольно повторяет одни и те же фразы. Они успокаивали Фрею. И его тоже. Он продолжал:

— Мы в пещере, Фрея, ты и я, и ты ничего не боишься. Видишь грот? Ты в пещере, в большой зале, и ты ничего не боишься. Ты чувствуешь приятное тепло. Горит огонь, ты лежишь у огня, тебе тепло, и ты ничего не боишься. Я с тобой. Маски дьявола, у них рога, тяжелый подбородок, темные глазницы. Один дьявол снимает маску, он снимает маску. Ты видишь его. Ты видишь его лицо, и тебе не страшно. Я с тобой. Ты видишь лицо дьявола, и тебе не страшно. Как выглядит это лицо?

Казалось, Фрея заснула в его руках. Он на мгновение перестал ее покачивать:

— Как выглядит лицо, Фрея? Ты ведь его видишь?

Фрея приоткрыла глаза:

— А?

— Как выглядит лицо?

— Я... я не знаю.

— Ну ладно, это ничего. Смотри мне в глаза и слушай мой голос.

Он попробовал повторить всю литанию, надеясь разорвать чары, которыми она явно еще была скована, обратным внушением. Но ничего не вышло.

Он качал ее и качал. Было бы слишком просто, подумалось ему, если бы Фрея сейчас описала Тауфлиба. Иди двух других дьяволов. Фетцера. Или Крабиля, Вайта, Мекеля, Нихтерляйна. Или Горма.

Пока Лапидиус перечислял про себя все эти имена, ему пришло в голову, что слишком много у него подозреваемых. Только трое из них могли быть *Filii Sutani*. При ближайшем рассмотрении, Нихтерляйн в счет не шел; хоть и был он человеком сварливым, но, пожалуй, самым безобидным из всех владельцев безрогих козлов. Мекель — судья и городской советник, а потому всегда находится на виду горожан; если бы он был одним из «сынов дьявола», то давно уже поползли бы сплетни. То же касается и двух других советников, и бургомистра. И все-таки не стоит сбрасывать со счетов, что Мекель может быть каким-то образом причастен к этим убийствам. Все другие, а именно Крабиль, Вайт, Фетцер и Горм оставались крайне подозрительными.

Все это доводило до отчаяния. Сколько он ни бьется, никак не продвинется! Бур под столешницей лабораторного стола вроде бы привел к Тауфлибу, но тоже не многим помог. Как яростно отбивался мастер от обвинения! Лапидиус чуть было не поверил, что он и вправду не имеет никакого отношения к убийствам.

Мог ли кто-то другой просверлить отверстия в лобной кости несчастной?

Лапидиус размышлял, машинально качал Фрею, вправо-влево, вправо-влево... и даже не заметил, как остановился. Внезапно его озарило. Он знал ответ на все свои вопросы, и это было так поразительно, что он словно окаменел. И чем дольше он обдумывал этот вывод, тем убедительнее тот казался. Как все просто! Не одну неделю он вел поиск в разных на-

правлениях, ломал себе голову, придавал значение пустякам, а все тем временем лежало как на ладони!

Досадно только то, что сегодня он уже не может проверить верность своего озарения. Чтобы устранить последние сомнения, ему нужны только череп из подполья и свет, много света. А небо, как назло, нахмурилось. Ладно, сделает последнюю проверку завтра утром. Если будет достаточно света. Последние дни стояла такая чудная погода, ну почему именно теперь надо было собраться грозным тучам!

Ведь так важно разобраться в этой истории с дьяволом. Жизненно важно. Для Фрей. Если его догадка верна, с нее наверняка снимут все обвинения, что бы там ни решили высокие господа юристы из Гослара. И она будет свободна. И Марта объявится, в этом он не сомневался.

Фрея зашевелилась у него на руках:

— Мм... Ты что?

— Ничего, ничего. — Пока рано говорить Фрее, как близко он подступил к разгадке. А вдруг все это окажется мыльным пузырем? — Сейчас я уложу тебя в камеру.

— А с тобой остаться мне нельзя?

С какой радостью он ответил бы «можно». Но надо строго соблюдать сроки лечения.

— Нет, ты сама знаешь. Но осталось недолго. Давай-ка я тебя положу... Вот так... — Он распрямился и сказал: — Я еще вернусь и присыплю тебе губы. А пока мне надо спуститься, вымыть руки, подложить дров в атанор и проверить все запоры.

Много позже он пришел снова с ивовым отваром, порошком извести и масляной лампой. Фрея смотрела на него широко открытыми глазами, и он с облегчением увидел, что страха в них не было.

Лауданум долго оказывает свое действие. Но Лапидиус знал, что по окончании лечебного курса муки еще не кончатся. Он не хотел, чтобы она страдала. Он заботливо влил ей питье, осторожно припудрил губы.

— Спасибо.

— Пока что ты не можешь остаться со мной, поэтому сделаем наоборот. Сегодняшнюю ночь я проведу с тобой.

— Как это?

— Погоди.

Он снова спустился, повозился в лаборатории, а потом, кряхтя, притащил наверх любимое кресло, поставил его перед дверцей и сказал, отдуваясь:

— Это, между прочим, моя постель. Я люблю в нем дремать, если, конечно, найти правильное положение.

— Спокойной ночи, — шепнула Фрея таким голосом, что снова повергла Лапидиуса в смущение.

— Спокойной ночи. — Он запер дверцу, сел в кресло и вытянул свои длинные ноги. — Постарайся заснуть. Лампу я оставлю гореть.

— Хорошо.

Он утомленно смежил веки.

Завтрашней ночью все решится.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ЛЕЧЕНИЯ

Наутро первой мыслью Лапидиуса было: «Как там погода?» Он подошел к окну, выходящему на Бёттгергассе, открыл его и высунулся чуть не по пояс. На небе ни облачка. «Слава богу, — пробормотал он. — Каким бы ни выдался этот день, начинается он прекрасно».

— Фрея, сегодня хорошее утро! Как ты себя чувствуешь?

— Так... сносно.

Фрея почувствовала, как ее снова бьет дрожь, ломило все члены, словно кто-то раздирает их. Действие лауданума кончилось, немного успокаивал ивовый отвар, который дал вчера Лапидиус, но он не мог сравниться с коричневыми каплями.

— Я быстренько сбегая за водой и отваром. Тебе еще чего-нибудь нужно? Э... я имею в виду, для отправления.

— Нет, — Фрея порадовалась, что колики этой ночью пощадили ее. Еще труднее, чем с болью от них, было справиться с освобождением кишок от содержимого. — Нет, нет.

— Хорошо. Я скоро вернусь.

Спустившись в царство Марты, Лапидиус вынужден был констатировать, что огонь в плите погас. Поэтому он поставил отвар на атанор. Чтобы он подогрелся, требуется время. Не спуститься ли пока в погреб за мертвой головой? Нет, пусть еще подождет. Сначала надо обиходить Фрею. Когда отвар согрелся до температуры тела, Лапидиус отнес его наверх и дал своей пациентке. Потом влил в нее еще кружку воды.

- Еще что-нибудь надо?
- Нет, спасибо.
- У тебя такой слабый голосок...
- Ничего... все в порядке.

Лапидиус одним глазом уже косился на лестницу.

— Хорошо, тогда я запру тебя, поспи еще. И не бойся, я дома. Мне надо кое-что проверить. От результата зависит многое, очень многое.

— Ладно.

В голосе Фрей звучало разочарование, но Лапидиус уже подхватил свое кресло и потащил его обратно. Теперь, когда расследование зверских убийств вошло в решающую стадию, его вчерашнее решение уже не показалось столь убедительным. Поставив кресло к лабораторному столу, он поспешил на кухню и вскоре вернулся с коробкой из-под компаса, сел и успокоил дыхание. Он не должен так волноваться. Все надо делать спокойно. Спокойно!

Из-под стола он извлек бур Тауфлиба и уже собирался открыть коробку, как вдруг вспомнил, что надо защитить носоглотку платком. Следует быть крайне сосредоточенным! Он вынул платок, снова сел за стол. И опять вскочил. Забыл лупу! Наконец-то все было под рукой, можно приступать. Света должно хватить. Он завязал платком нос и рот, глубоко вдохнул и открыл коробку. Голова выглядела ужасно. Несмотря на холод в погребке, на ней уже обозначились явные признаки разложения. Лапидиус взял себя в руки и сконцентрировался на отверстиях во лбу. Поднес лупу. Нет, света слишком мало! Развернул коробку так, чтобы на череп падало как можно больше света. Сердце стучало. Снова навел лупу на просверленные отверстия. Уже лучше. Кожа по краям повреждена, но это мало о чем говорит.

Он еще раз поднялся, достал небольшой шпатель и пинцет. «И почему у меня не три руки! — процедил он сквозь зубы. — Одна для лупы, две другие для инструментов».

Пот выступил у него на лбу. Ему показалось, что между *dura mater** и краями он что-то обнаружил. Так, лупу в сторону. Теперь берем инструменты. Шпателем он отжал мозговую оболочку, одновременно выскребывая пинцетом под краем от-

Dura mater (лат.) — твердая мозговая оболочка.

верстия. Наконец он решил, что этого достаточно. Вынул шпатель, снова взял лупу. Она у него сильная, отменного качества, увеличивала во много раз. И показала Лапидиусу то, что он и ожидал увидеть: на конце пинцета осталась мелкая костная крошка, такая, как мука хорошего помола. Продукт сверления! Только не такого, которое произвел бы грубый бур. «Костная мука, — бормотал он. — Костная мука. Что ж, мастер Тауфлиб, можете спать спокойно! От вашего бура здесь были бы опилки. Как же я сразу об этом не подумал! Да, Тауфлиб, я должен просить у вас прощения, действительно, это были не вы. Теперь я знаю, кто за всем этим стоит. Да, теперь знаю. Вот все и встало на свои места!»

Для полной уверенности Лапидиус взял в руки бур и слегка прошелся им по краю отверстия — тут же посыпались опилки. Он был прав! Довольный собой, Лапидиус упаковал голову в коробку и сорвал платок. «Сегодня у нас тридцатое апреля. Прекрасно. Значит, нынешняя ночь Вальпургиева. Было бы это не так, возможно, ему никогда бы не застать ведьм на шабаше!

Коробку с ее содержимым он в последний раз отнес в погреб. Голову он использует как вещественное доказательство. И только исполнив свой последний долг, она упокоится. Лапидиус дал себе слово позаботиться о том, чтобы и голова, и тело были похоронены вместе, как тому и следует быть. Может, возле Гунды Лёбезам, сестре по несчастью этой неизвестной девушки. И обязательно с надгробной молитвой пастора Фирбуша.

— Лапидиус?

Голос Фреи. Сверху!

— Фрея, Фрея! Иду! Обожди, сейчас закончу здесь дела. — Лапидиус устало потащился вверх.

— Ты что-то нашел?

Он заглянул в окошечко. В ее глазах светилось любопытство. Он обрадовался: все, что могло отвлечь ее от болей, шло на пользу.

— Да, нашел.

— Что?

— Теперь я знаю, кто дергал за ниточку во всех этих убийствах. Дьявол в человеческом обличье. И двое его приспешников.

— Кто он? А тех других я знаю?

— Имен я тебе не назову, пока рано. Но обещаю, что достану этих нечистых. Им не избежать кары.

— Будь осторожен.

— Буду. Попозже пойду к мастеру Тауфлибу и заручусь его поддержкой. Он не из них. Не один день я подозревал его, только вчера мои подозрения рассыпались как карточный домик.

— Да?

— Завтра подойдет к концу двадцатый день лечения. Наберись мужества.

— Ты опять уходишь?

— Да, надо. Но ты не бойся. Дьяволы сюда не придут. Они будут в другом месте. Там я их и застану.

— Один?

— Один. Да, все придется делать самому. — Лапидиус просунул руку в окошечко на дверце и погладил ее по лысой голове. — Ночью я вернусь. Тебе что-нибудь надо?

— Не уходи. Пожалуйста. Я... я хочу есть.

— Но я уже дал тебе отвару.

Лапидиус был удивлен. Еще ни разу Фрея не просила еды, только питья. А сейчас вдруг прорезался аппетит. Правда, если вспомнить, как она истощена, когда он видел ее лежащей на сундуке, это желание вполне понятно. Но, с другой стороны, завтра лечебный курс будет закончен и небольшое подкрепление не повредит ее желудку. Только надо дать чего-нибудь легкого.

— Хорошо, посмотрю, что можно сделать.

Лапидиус спустился в кухню и пошарил по шкафам и полкам в поисках съестного. Однако все, что нашел, были два прошлогодних яблока. Марта держала их в темноте и на холоде, поэтому они выглядели еще вполне съедобными. Он почистил их, нарезал на дольки и с чашкой поднялся вверх.

— Вот, поешь яблок. Как раз то, что нужно.

— Ты... не мог бы положить мне в рот?

Вздохнув, Лапидиус отомкнул дверцу, чтобы было удобнее покормить Фрею. Ему показалось, что она придумала это, чтобы задержать его. Так оно и вышло. Более того, сегодня Фрея была разговорчива как никогда, хоть ей и было трудно говорить. Лапидиус слушал ее вполуха, и вообще задержка дава-

лась ему с трудом — мыслями он был уже далеко. Наконец, отставив чашку с остатками яблок, он поднялся.

— Мне действительно уже пора идти.

Она схватила его за рукав:

— погоди. Я... я... Береги себя.

— Обещаю. Ночью вернусь.

— Оденсья потеплее.

— Хорошо. — Он еще раз погладил ее по голове и запер камеру. — Ты говоришь, как Марта.

«Да, точно, — думал он, спускаясь по лестнице, — как Марта, только... все же не так».

— Мастер, вы дома? — Лапидиус постучал еще раз. — Эй, мастер!

Спустя какое-то время послышались шаги. Тауфлиб открыл дверь и был немало изумлен, увидев, кто пожаловал.

— Мне надо с вами поговорить.

— Вона как. Вам надо. А ежели мне не надо?

— Это очень важно.

— Хм, ну ладно, заходите. Только покороче.

Просьба, изложенная Лапидиусом, оказалась действительно важной, потому что лишь более чем через час Тауфлиб снова стоял у своей входной двери, пожимая руку соседа.

— Удачи, — говорил он. — И будьте осторожны!

Противу обыкновенного, лицо его излучало доброжелательность.

— Спасибо, — ответил Лапидиус.

Он пошел вниз по Бёттгергассе до Кройцхоф, оттуда к Гемсвизер-Маркт. Здесь он зашел в «Квершлаг», где в этот час посетителей было мало, сел за свободный стол и попросил у подопревшего хозяина его замечательного мясного супу. Сегодня он еще не ел, а перед трудным делом следовало подкрепиться.

Панкрац просил:

— У меня осталась еще хорошая порция, с удовольствием подам вам, господин! Не желаете ли Айнпёклинского пива, как в прошлый раз?

— Нет, спасибо, — ответил Лапидиус. Для того, на что он шел, нужна светлая голова.

— Может быть, снимете плащ, господин?

— Нет.

Панкрац ушел за супом и вскоре вернулся:

— Приятного аппетита. Если захотите добавки, там еще осталось.

— Хорошо, спасибо.

Лапидиусу уже хотелось остаться одному, и Панкрац, как хороший хозяин, почувствовал это. С поклоном он удалился.

Черпая суп, Лапидиус озирает помещение. Если он не ошибается, то в углу сидит Крабиль. Мужчина повернул голову, и Лапидиус убедился, что был прав. Начальник стражи, узнав Лапидиуса, скривился, но тут же снова занялся своим пивом. Ленивый бугай! Он и пальцем не пошевелил, чтобы расследовать случаи убийств, напротив, только и делал, что ставил палки ему в колеса. Ладно, во всяком случае, то обстоятельство, что Крабиль сидел здесь за кружкой пива, говорило за то, что он не принадлежал к *Filii Satani*. Так же, как и Тауфлиб. Лапидиус не стал делиться своими выводами со слесарных дел мастером. Единственное, что поведал: больше он не считает его дьяволом и убийцей. Потом вернул бур и извинился за оскорбительные подозрения. Мастер был крайне удивлен — но испытал видимое облегчение. Они поговорили о том о сем, попутно выяснив, что не так уж плохо относятся друг к другу. Под конец Лапидиус выразил еще одну просьбу, и мастер — хоть и не без колебаний — пошел ему навстречу.

Лапидиус закончил трапезу и расплатился. Если прямо сейчас отправиться в путь, то к темноте он надеялся достичь своей цели. Пещеры Шабаша.

Когда он поднялся на Оттернберг, уже спустилась ночь. Путь занял больше времени, чем он рассчитывал. Перед ним возвышался огромный круглый валун, скорее угадываемый, чем видимый. Лапидиус хотел его обойти и споткнулся. Что-то лежало на дороге. Что-то светлое. Он наклонился, чтобы разглядеть, и обомлел. Это была большая корзина для сбора фруктов. Должно быть, это монстр из мастерской Тауфлиба, потому что оттуда корзина исчезла. Лапидиус заметил это сразу же, как вошел к Тауфлибу, и хотел спросить об этом, но, когда завязался приятный разговор, не стал нарушать атмосферы. Также ни слова он не проронил и о Горме, которого нигде не было видно.

Похоже, это Горм и притащил плетеное чудище сюда. Другой вопрос, зачем. Одно было ясно: если Горм пошел в пеще-

ру, корзину взять с собой он бы не смог. Проход был для нее слишком узок.

Лапидиус отбросил корзину в сторону и обогнул камень. Тьма стояла, хоть глаз выколи. И он похвалил себя, что прежде сосчитал шаги до пещеры, так он не пропустит входа.

Чуть погодя он уже находился внутри горы и вытаскивал из-под плаща лампу. Она была больше той, с которой он приходил в прошлый раз, а главное, устойчивее. Лапидиус зажег лампу и начал продвигаться в глубь пещеры. Снова и снова он вызывал перед своим внутренним взором дорогу до большого грота, и это принесло свои плоды. Не плутая, он продвигался вперед. Все его чувства были напряжены. Когда до грота оставалось пятнадцать-двадцать шагов, он остановился, поставил лампу на пол и осторожно покрался дальше. Вскоре его окружила темнота.

Но тьма была не кромешной. По стенам впереди него плясали отблески огня. Огонь! Кто-то разжег его в большой зале. Так что в пещере он не один, дьяволы, должно быть, явились сюда раньше его. Хорошо. На это он и рассчитывал. Дюйм за дюймом Лапидиус продвигался к тому месту, где каменный коридор открывался в залу. За шаг до выхода он остановился. Нельзя быть замеченным, прежде чем он сам объявится.

Но, кажется, его опасения напрасны. Грот был пуст. Только потрескивали два костра — один слева у сталагмитов, другой напротив, перед двумя тупиковыми ответвлениями. Костры были разведены умелой рукой, дрова сложены так, что прогорать будут долго. И еще кое-что увидел Лапидиус: веревки, которые он обнаружил в прошлый раз, лежали возле горбатых натеков. Он и сам прихватил с собой пеньковый канат, который теперь выбросил. Все, в чем не было нужды, не должно обременять.

Он ждал. Пламя костра колыхалось невысокими языками. Ничего не происходило. Неужели дьяволов здесь нет? Не может быть, они должны быть на месте! Возможно, где-то в тупиковом проходе. Что они там делают?

У Лапидиуса затекли ноги. Он никогда не мог долго стоять в неподвижности. Пришлось немного отступить и поразмять ноги, чтобы разогнать кровь в жилах. Он торчит здесь уже не меньше получаса.

Вот! К костру у сталагмитов пододвинулась фигура. На ней была дьявольская маска и красный плащ. Она прихрамывала.

Фетцер? Лапидиус отодвинулся еще глубже в проход. Дьявол занялся костром. Ага, подкладывает дров. Теперь закончил и похромал к другому костру. Когда и тот разгорелся, он зажег факелы и воткнул их в расселины скалы. В зале стало светло как днем. Фигура исчезла.

Но ненадолго. Вот она появилась снова, держа в одной руке железный горшок, в другой — похожий на кинжал нож. Лапидиус предположил, что это тот самый, охотничий. Сложил все. Теперь занялся двумя блюдами на земле. Сосновой лучиной разжег угольки в них. Фимиам! Лапидиус явственно почувствовал его запах. Тяжкий дух расстелился по пещере.

Он вздрогнул. Внезапно раздались голоса. Или просто какие-то шумы? Нет, голоса. Они шли из глубины пещеры. Хромоногий дьявол тоже услышал их и заспешил в правый тупик.

— Люцифер... твои сыны... преклоняются... — затянул голос. — Мы просим снизойти... кровь... твою дань...

Лапидиус мог разобрать лишь отдельные слова. Они звучали глухо, но без угрозы, скорее в этом монотонном речитативе слышалось улещивание.

— Мы сыны дьявола, твои сыны...

Все в Лапидиусе взбунтовалось, он готов был убежать. Но остался. Он должен остаться. Голос был самым злом, он всеми фибрами души чувствовал это. Воплощением всей мерзости. Лишь огромным усилием воли удалось Лапидиусу сдерживать себя и не поддаться панике. Он пришел сюда для того, чтобы положить конец убийствам. И чтобы очистить Фрею от всяческих обвинений. И надеялся, что это ему удастся.

— Я, Первый сын дьявола, — голос становился все громче, — Первый сын дьявола. Ты Второй сын дьявола, Второй сын дьявола. Смотри мне в глаза, Второй сын дьявола, ты Второй сын дьявола. Если ты Второй сын дьявола, скажи «да».

— Да! — услышал Лапидиус глубокий бас.

— Ты знаешь, что все сатанинские братья должны подчиняться Первому сыну дьявола.

— Да, — послышалось в ответ.

— Ты знаешь, что Сатана являет себя во мне, говорит моим языком, ты знаешь, что я сам Сатана. Я Сатана, я Рогатый, я Люцифер, господин преисподней, а ты Второй сын дьявола.

— Да, Мастер.

— Я говорю — ты делаешь, говорю — ты делаешь, как уже не раз делал все для Люцифера, твоего господина. Ты делаешь все. Ты убиваешь с наслаждением, убиваешь с наслаждением, а завтра ничего не помнишь, ничего не помнишь, ничего. Сегодня ты тоже убьешь, а завтра не будешь знать. И если это так, скажи «да».

— Да.

Поток заклинаний лился дальше, только теперь он был направлен на Третьего сына дьявола. Лапидиус ничего не мог с этим поделать: он весь дрожал от ужаса.

«Люцифер! Ослепительный!

Ты Единственный, Единственным был,

Единственным будешь!

Снизойди на нас

твоя мощь и мужская сила!

Ибо мы возлюбили тебя,

как свою жизнь!

Вовеки!»

— Вовеки! — взвыли Второй и Третий сыны дьявола.

Лапидиус стоял с расширившимися от страха глазами, хоть ничего и не видел, только слышал.

Прошло немало времени, в течение которого раздавались лишь сопение и стоны. Потом снова возвысился первый голос:

— Возьми нашу общую кровь, Третий сын дьявола, и отнеси ее к огню у горбылей. Отнеси и вылей в Грааль для черной мессы, куда потом прольется и кровь жертвы Люциферу.

Снова последовало песнопение, на этот раз напоминающее церковный хорал. Он звучал монотонно и содержал немало строф. Опять появилась фигура, в которой Лапидиус предполагал Фетцера. Он прихромал с чашей, содержимое которой вылил в железный горшок. Как велико должно быть влияние предводителя дьяволов, если под его внушением «братья» видели в убогом горшке «Грааль черной мессы»!

Фигура ухромала обратно. Лапидиус ждал. Ноги уже не держали его, и он полуприсел на узкий выступ скалы.

Опять появилась уже знакомая фигура и поставила у левого костра еще один сосуд. Что в нем? Дурманивший напиток? Долго над этим размышлять Лапидиусу было некогда, потому что теперь слышались чередование возгласов ликования

и песнопений, все громче, громче. Теперь все другие слова заглушал только один возглас:

— Смерть... смерть... смееерть!

Знакомая фигура распласталась на полу в позе Христа, распятого на кресте, глаза под маской уперлись в каменный пол, словно жаждали просверлить скалы насквозь и прозреть ад. Из-под маски неслось протяжное:

— Смееерть!

Фигура снова встала на ноги и крикнула:

— Все в твоём царстве готово, Первый сын дьявола!

Лапидиус проглотил ком в горле. Наконец, вот оно! Сейчас появится дьявол во плоти, и он узнает, верны ли были его подозрения. Но никто не появился. Только хроменькая фигурка продолжала что-то вроде молитвы. Она опустилась на колени перед огнем. Издалека снова донеслось песнопение. Лапидиус уже потерял счет времени, наверное, сейчас около полуночи. Что это? Он на секунду отвлекся и чуть было не пропустил вторую фигуру, которая показалась из правого тупикового хода и прошла в левый. Чуть погодя она появилась снова, вперед спиной. Спина была исполинской и принадлежала такому же исполину. Он что-то тащил за собой, и было видно, что на это требовалось немало силы. Этим «что-то» оказалась женщина, связанная по рукам и ногам, которая, несмотря на это, барахталась и извивалась. Исполин поднял ее и понес к сталагмитам. Женщиной оказалась... Марта.

То, чего Лапидиус опасался все это время, хоть и не хотел признаться даже себе самому, случилось: Марту притащили сюда. Возможно, в той самой большой корзине, а потом избавились от нее. И был только один человек, у кого на это хватило бы сил — Горм.

«Ну почему именно она? — прошептал Лапидиус и тут же сам ответил на вопрос: — Потому что Марта слишком тянула с тем, чтобы выдать что-нибудь о Фрее, слишком круто обошлась с обеими свидетельницами, слишком неводержана была на язык и таким образом могла в дальнейшем навредить «дьяволам».

Во рту у Марты торчал кляп, так что все, что ей оставалось, только издавать хриплые шипящие звуки. И тем не менее она сопротивлялась. Била обеими ногами по телу своего мучителя, но с таким же успехом она могла бы пинать стену.

Лапидиус в бессилии сжал кулаки. С какой охотой он бросился бы сейчас на помощь своей служанке! Но это было несвоевременно и даже опасно — сейчас выдать свое присутствие. Так что пришлось только наблюдать, как великан ударил женщину по лицу. Удар был несоразмерно силен. Голова Марты дернулась в сторону и безвольно обмякла. Колосс, пытаясь, вытащил кляп у нее изо рта. Потом снял и путы.

— Не смей так грубо! — Окрик прозвучал из-под маски дьявольской фигуры, которая, как по волшебству, оказалась в центре залы. Лапидиус, занятый соперечиванием Марте, даже не заметил, откуда она появилась.

Великан пожал плечами.

— Можно и по-другому, — продолжал «дьявол» нормальным голосом. Он поправил маску и зашагал к Марте. Лапидиус смотрел во все глаза. Он не хромал и не был такого крепкого телосложения, как великан. — Успокойся, Марта. Ты среди друзей, среди друзей...

— Я бы не был так уж уверен, — пробормотал Лапидиус себе под нос.

Его охватило чувство триумфа. Он окончательно идентифицировал Первого сына дьявола. По голосу. По манере и жестам. Осталось только надеяться, что все пойдет так, как он ожидал.

— Марта, забудь, как больно сделал тебе Второй сын дьявола. Забудь, что он связал тебя, что вставил тебе кляп, что ударил. Это плохо. Но это было необходимо, чтобы ты нашла путь к нам.

Марта заморгала. Сознание вернулось к ней.

— Расслабься, расслабься, расслабься, Марта. Когда сделаешь это, скажи «да», как сделаешь это, скажи «да»...

— Да, — выдавила из себя Марта.

— Тебе хорошо на этом теплом месте, на этом теплом месте так хорошо... так тепло. Так тепло, что тебе хочется снять одежды, ты хочешь снять одежды, потому что тепло, очень тепло. Тебе уютно и тепло. Скажи «да», если тебе уютно и тепло. Скажи «да».

— Да.

— Хочешь снять одежды, хочешь? Конечно, ты хочешь снять одежды, так?

Марта приподнялась на своем ложе, однако ничего не произнесла. С трудом, будто преодолевая какую-то силу, она под-

няла руки и сложила их в подоле, крепко прижимая платье и фартук, словно давая понять, что все должно оставаться на своих местах. Привычная стыдливость двигала ею.

Голос продолжил непререкаемым тоном:

— Расслабься и радуйся, радуйся тому, что ты сейчас при-
мешь в себя, ты примешь в себя семя дьявола.

Марта между тем притихла, казалось, она действительно успокоилась, хотя лицо ее стало каким-то отсутствующим.

— Когда я скажу «сейчас!», ты опрокинешься, ты опроки-
нешься на твое ложе. Камень мягкий, очень мягкий, гладкий,
приятный, и когда я скажу «сейчас!», ты опрокинешься и ши-
роко расставишь ноги, ты расставишь ноги, широко, очень
широко, и будешь радоваться тому, что в тебя войдет.

Первый сын дьявола воздел руки и начал:

— Сей...

— Стоп!! — громовым голосом крикнул Лапидиус, выступая
из прохода так далеко, что факелы разом охватили всю его фи-
гуру. — Стой!

Голос дрогнул, на мгновение застыл, но быстро перешел
в смех. Двое других, хромоножка и великан, тоже не были под
большим впечатлением от помехи. Марта же вообще остава-
лась безучастной. Она расставила ноги, но на нее уже никто не
обращал внимания.

Тщедушный человечек, который завораживал ее своим го-
лосом, снял маску. Он проделал это медленно, очень медлен-
но, словно хотел этим жестом произвести наибольший эф-
фект.

— Я Первый сын дьявола, — снова засмеялся Йоханнес Гес-
селер, городской медикус. — Да, это я. Я знал, магистр Лапи-
диус, что вы придете в пещеру Люцифера, к нашему тайному
жертвеннику. Вы уже были здесь, и это нам известно, мы на-
блюдали за вами.

Словно в подтверждение слов Мастера, двое других тоже
стянули маски. Фетцер и Горм.

— Вы нашли наше священное место, — продолжал Гессе-
лер, и его лицо приняло выражение, резко контрастирующее
с елейным голосом. — Но это вам ничего не даст. Ничего, ни-
чего! Потому что теперь вы мой. — Хихикнув, он указал на
Марту. — Как эта там.

Горм и Фетцер захихикали в унисон.

— Как эта там, — повторил медикус, и в его глазах зажегся кровожадный огонь. — Признайтесь, что вам никогда бы не догадаться, что это я. Я устроил охоту на Фрею Зеклер. Признайтесь, вы вторглись в мое царство исключительно потому, что сегодня Вальпургиева ночь, и вы надеялись на этом месте разнюхать, кто настоящий инсинуатор. Я это я. Первый сын дьявола.

Лапидиус стоял не шевелясь. Он испытывал жуткий страх перед этой встречей, постыдный страх, особенно когда раздались голоса и песнопения, которые терзали его душу. Но теперь, когда оказалось, что он имеет дело с людьми, всего лишь с людьми, он разом стал спокоен.

— Должен признать, действительно долго не знал, что вы скрываетесь за этой маской, — усмехнулся он. — Только к сегодняшнему утру я был уже уверен.

— Ха! Пустые слова.

— Не скажите. Сегодня утром я знал, кого встречу здесь ночью. Поскольку, как только рассвело, я обследовал женский череп, который вы повесили над моей дверью. Или вы проделали это не собственноручно?

Гесселер снова хихикнул:

— Если вам это так интересно, Третий сын дьявола прикрепил голову. Я просто сказал ему, что делать, после того как женщина исполнила свое предназначение и больше была не нужна. Третий сын дьявола очень смывленный, должен вам заметить, он может даже писать. Умение, которым Второй сын дьявола не владеет.

— Верю вам на слово. Во всяком случае, я обследовал мертвую голову и выяснил...

— ...что в ней торчат козлиные рога! Какое потрясающее достижение! — Гесселер прыснул. — И какая острота ума! Это из-за своих остроумных выводов вы бегали по всему Кирхроде в поисках безрогого козла? К вашему несчастью, вам перебежал дорогу не один безрогий, их было изрядное количество, а? А теперь догадываетесь, кто об этом позаботился? Я! Я, Первый сын дьявола!

Воспоминания о том неудачном дне были Лапидиусу не слишком приятны, поэтому он повествовал дальше, опустив дела с буром Тауфлиба:

— ...и выяснил, что отверстия в лобной кости сделаны не обычным слесарным инструментом. Об этом свидетельствова-

ли отходы сверления. В случае с нашим черепом речь шла о тончайшей костной муке, а не об опилках. Четкое указание на то, что здесь применялось особое сверло, а именно трепанатор.

— Вам, медикусу, не надо долго объяснять, что трепанатор является созданным специально для медицинских целей инструментом, из-под острых зубцов которого сыпется тончайшая костная мука. Поскольку никто в Кирхроде не обладает таким буравчиком, это могли быть только вы, тот, чьи уши торчат за всеми дьявольскими преступлениями. Правда, должен признаться, что одно время я сильно подозревал аптекаря Вайта, но у фармацевтов нет в продаже трепанаторов.

Гесселер, который во время речи Лапидиуса еще пытался смеяться, теперь притих. Второй и Третий сыны дьявола тоже молчали. Они были всего лишь жалкими марионетками.

— Когда я в этом убедился, господин городской медикус, все объяснилось само собой. Например, ваше преувеличенное внимание к половым органам, на которые наталкиваешься в вашем доме на каждом шагу. Я имею в виду иллюстрацию из Версалия с вашими пометками красным на гениталиях, мраморные экспонаты в форме фаллосов, заспиртованные яички и пенисы. И не случайно вы сказались больным, когда Фрея Зеклер потеряла сознание во время пыток. Поскольку, стали бы вы ее пользоваться, были бы узнаны и разоблачены. И не случайно вы сфальсифицировали заключение по трупу корзищицы Гунды Лёбезам, за освидетельствование которого вы отвечали. Почему? Потому что вам и так было хорошо известно, что она изнасилована, но предавать это гласности вы не хотели. Вы даже не коснулись этого тела, над которым сами надругались в разрушительном упоении и дурмане. Не случайно, что вы принадлежите к тем, кому аптекарь Вайт поставляет средства, возбуждающие мужскую силу. И на свое место встал охотничий нож с буквами DRJG, найденный мной в этой пещере. DRJG — значит на латыни доктор Йоханнес Гесселер, не правда ли?

Городской медикус отвел взгляд в сторону:

— Право, вы знаете больше, чем я полагал. Однако ваши прозорливые умствования вам не помогут, потому что теперь вы мой, и что с вами делать, решаю я. А я решил, что вы заслуживаете смерти, поскольку осквернили своим присутствием пещеру Люцифера. И вас следует убить.

— Убить? — как эхо повторил Горм. — Убить? Да, Мастер. Великан надвинулся на Лапидиуса, но Гесселер жестом остановил его.

Лапидиус оставил эти телодвижения без внимания. Он еще не закончил.

— И вы, доктор Гесселер, испытываете в прямом смысле дьявольское наслаждение, насилуя женщин. Молодых, красивых женщин, которые были бы вам недоступны, не додумайся вы до того, чтобы повергать их в бессознательное состояние. Только так вы и можете овладевать ими, чтобы потом, обесчестив, перерезать горло вашим охотничьим ножом. Вы больны, доктор Гесселер! Вы больны! Только не падучей, как представляетесь. Ничего не предпринимать от этой болезни! Вы, дипломированный медикус!

Гесселер не возразил ни словом. Но Лапидиус видел, что он надулся как индюк.

— Вы утверждали, что только что претерпели приступ падучей, только вот язык у вас не кровоточил, а прикусывание языка — характерный признак припадка. Как и пена у рта. Нет, нет, господин городской медикус, вы только прикидываетесь, что страдаете этой болезнью, чтобы не исполнять ваши обязанности в определенные дни. Дни, когда совершаете ваши бесчинства. И я скажу, доктор Гесселер, какой болезнью вы страдаете. Жадной власти, страстью мучить и убивать, но не просто убивать, а получать от этого плотское наслаждение. И при всем при том оставаться в тени, выставляя Горма и Фетцера для своих низменных нужд. Прodelываете вы это силой ваших глаз и голоса, и весь этот маскарад нужен вам лишь для того, чтобы те двое не сомневались в вашей избранности. Горм и Фетцер вам очень нужны. Они для вас инструменты.

Гесселер тяжело дышал. Уголки его губ подергивались, глаза метали молнии.

— Заткнись! Ты... ты.. ты, жалкий алхимик! Дистиллят глупости! Ничтожество! Думаешь тягаться с Первым сыном дьявола? Да я тебя...

— Ничего вы больше не сможете! Об этом я позабочусь. Я положу конец вашим бесчинствам раз и навсегда, Гесселер! Не ведомо мне, с каких пор вы практикуете непотребство, только знаю, что Фрея Зеклер сбежала из вашей пещеры! Вот вы и приложили все силы, чтобы объявить ее ведьмой. Хоти-

те, чтобы ее сожгли на костре? Чтобы с ней навсегда была похоронена ваша тайна? Хладнокровный убийца, человеческая жизнь для вас ничего не стоит! Убить — вот ваш закон!

— Убить, — оживился Горм.

Фетцер тоже пришел в движение. Он поднял с земли охотничий нож:

— Убить?

— Нет! — крикнул городской медикус подручным. — Я, Первый сын дьявола, говорю вам, еще не время. Еще не время. Вы должны быть послушны. Вы послушны и ничего не сделаете, пока я не велю вам, пока не велю...

— Да, Мастер, хорошо, Мастер.

Покорный тон обоих «братьев» умиловил Гесселера. Его надменность вновь обрела силу:

— Разумеется, я велю их убивать, эти отребья. Хладнокровно и с улыбкой. А как вы хотели? Та же Кривая Юлия... не хотела, видите ли, отдать свою корзину... Многие должны умереть... — Он снова хихикнул. — Раз уж вам приспичило знать, могу долго рассказывать во всех подробностях, как Горм убил ее. А также о том, как эти Кёхлин и Друсвайлер подпали под мое влияние. Такие порядочные женщины, хи-хи, и обе теперь овдовели, хи-хи! Мне почти что удалось поставить Зеклер туда, где ей и место, но... как бы вы ни мешали, что должно быть, то будет! — Он расхохотался громче. Сама мысль ему несказанно понравилась. — Деньги, угрозы, сила моих глаз — этим можно добиться всего в жизни, Лапидиус, всего! И вы не избежите своей участи. Пещеру Люцифера вам не удастся покинуть живым.

— Да? Так вы полагаете? А Фрее Зеклер все-таки удалось от вас уйти! И никогда больше вы не завладеете ею! Потому что она под моим личным покровительством!

— Ха! Вы содержите ее в тесной со всех сторон запертой камере! Хорошая идея. Я сам мог бы до того же додуматься. Всегда под рукой, как только засвербит между ног.

— Я лечу Фрею Зеклер от сифилиса.

— Ага, кто бы поверил!

— У нее сифилис, надеюсь, *был* сифилис. Потому что я принял все необходимые меры. А вы, господин городской медикус, если не успели изнасиловать ее, можете возблагодарить Бога — тогда вторая чума обошла вас. А что обе другие женщины были здоровы, вы уверены?... А если хоть одна из них была

заражена «французской болезнью», то и вам сейчас не позавидуешь. Тогда вы поражены тем же недугом.

При последних словах Лапидиуса Гесселер невольно схватился за детородный член, однако быстро натянул на лицо прежнюю маску.

— Мы не заразились, Лапидиус.

— Это еще надо посмотреть. Вы же втроем упражняетесь над женщиной. Наверное, господин городской медикус, для вас как никчемного мужчины составляет особое наслаждение наблюдать за половым актом других? Бедная Гунда Лёбезам, корзинщица, ей не представилась такая возможность, как Фрее, бежать от вас. Ну, скажите, не полагаясь на силу своих глаз, вы увеличили ей дозу дурманящего напитка? Как подло, как вероломно, какие иезуитские методы! И вы положили тело Гунды под повозку Фрей Зеклер. Помогло вам это? Нет! Фрею до сих пор не сожгли, как ведьму на костре. И это несмотря на то, что вы предусмотрительно вырезали на лбу несчастной корзинщицы буквы «F» и «S». «FS», как Фрея Зеклер.

Гесселер рассмеялся ему в лицо.

— Скажи, находка, а? Двойной смысл. Это делает загадку еще занимательней. «F» и «S», *Filii Satani*, сыны дьявола! Просто картинки на триптихе Фирбуша, да при том же еще и приговоренные архангелом. Ну уж нет! Я отомстил ему собственной рукой! Я перерезал шею архангелу! И сыны дьявола восстанут! В нас воскресение!

— Да знаю я все это, скучно. Побережем наше время, не заставляйте меня входить в подробности. Давайте ближе к вашим дьявольским убийствам. Вы позаботились о том, чтобы голова незнакомой мертвой женщины нашла себе место над моей дверью. Прекрасно. Только тем самым вы погубили себя, ибо отверстия в черепе привели меня сюда.

— Где вы всецело принадлежите мне. — Глаза Гесселера сузились. Они буквально сверлили глаза Лапидиуса. — О чем мы все говорим! Забудьте все, что привело вас сюда! Забудьте. Все это мелочи, мелочи, яйца выеденного не стоят, не стоят. Ничего и не было, ничего не было. Забудьте, забудьте...

Голос Первого сына дьявола звучал ласково и требовательно. И обволакивающе. Лапидиусу стоило труда не поддаться ему. Он попытался отвести глаза, но ему не удалось. Взгляд

присосался к нему, как насос, глаза отделились от всего плотского и жили теперь сами по себе.

— У нас впереди чудное время, Лапидиус, чудное время, время восторга, время исполнения желаний... лучшие женщины будут твоими, только твоими, только твоими. Они отдадутся тебе, и ты на них справишь свою нужду, как на Марте, как на Марте. Марта прекраснейшая женщина в мире, она прекрасна, молода, ее кожа гладкая и чистая, а лоно подобно бутону розы, бутону розы. И ты возьмешь ее, и будешь четвертым сыном дьявола. Возьмешь, возьмешь... и будешь... Хочешь быть четвертым?..

— Дрхх, — Лапидиусу стоило нечеловеческих усилий противостоять этим глазам.

— Хочешь быть четвертым сыном дьявола?

— Ддх, нет! Нет! Нееет! — Лапидиус крикнул во всю силу легких. И с каждым «нет» он словно стряхивал с себя путы дьявольского соблазна, как пыльцу. — Верни Марту в себя!

Первый сын дьявола снова попытался воззвать к силе своих глаз. Но потерпел неудачу. Лапидиус более не подчинялся ему.

— Сделай это! Приказываю тебе!

Гесселер задохнулся от негодования:

— Ты? Кто ты такой, чтоб приказывать мне?! Я... я... приказу тебя бить, ты, дистиллянт глупости!

Горм и Фетцер приняли угрожающие позы.

Лапидиус отскочил на шаг в проход.

— Вы не оставляете мне выбора. — Он полез под плащ и вытащил мушкет. Прекрасное оружие, вычищенное и налаженное, которое ему передал Тауфлиб по вечеру. Не медля, он выстрелил в потолок над Гесселером. Малые и большие осколки скалы посыпались на дьявола.

Медикус заорал не своим голосом. С его физиономии стерлись последние следы высокомерия и заносчивости. Но ненависть осталась.

— Вы совершили ошибку! Это был ваш единственный выстрел, а теперь Фетцер и Горм убьют вас, прежде чем вы сумеете перезарядить!

— Ошибаетесь! — Лапидиус отбросил мушкет через плечо, распахнул плащ и показал два пистолета за поясом. Один из них он вытащил, откинул крышку полки и взвел курок. Положив

на него палец, он воскликнул: — Отзови своих подручных и освободи Марту или перестреляю вас всех, как бешеных псов!

— Ха-ха! На что ты рассчитываешь? Нас трое, а у тебя только два выстрела.

— И первый — твой! Так?

Гесселер против воли отозвал своих сатанинских братьев.

— А теперь верни Марту в этот мир!

Первый сын дьявола со злобой кивнул. Его челюсть задвигалась.

— Ну, ну, — прошипел он. — Думаешь, победил, Лапидиус? Как бы не так! — он повернулся к служанке. — Марта, когда я скажу «сейчас!», ты проснешься... Сейчас!

Марту пробила дрожь. Наконец, она дернула головой и огляделась. В ее глазах проступило узнавание, и с узнаванием пришел ужас. Она вскрикнула:

— О Боже, Боже! Чё тако творится...

Судорожно она сдвинула ноги, перекрестилась и запричитала, подгоняемая срамом:

— О Боже, Боже, чё тако творится, дак как жа тако...

Лапидиусу удалось перекрычать ее:

— Марта! Вставай, быстро!

Марта чуть не захлебнулась:

— Вы? Вы, хозяин? Это право вы? Чё тако...

— Давай, давай! Подымайся! А вы трое... оставайтесь, где стоите! На пол! Руки за голову! — Лапидиус недвусмысленно повел дулом пистолета. Наконец они сообразили, что лучше выполнить, чего от них требовали. Гесселер показал пример. Горм и Фетцер последовали за ним.

— Свяжи им руки, Марта! Быстро! Веревки хватит!

Марта уже полностью очнулась.

— Ага, хозяин, а как жа! Господи-помилуй-как токо скажу все-Трауте-Шотт-дак-не поверит...

Пока она причитала, ее руки следовали указаниям Лапидиуса. Они связали Фетцера, за ним Горма... А когда дотянулись до Гесселера, все и произошло.

Первый сын дьявола прыгнул и бросил в пламя костра какой-то порошок. Лапидиус даже не успел сообразить, откуда тот его взял, потому что над костром поднялся огромный ог-

ненный шар, который ослепил его. К тому же раздался оглушительный хлопок. Марта закричала. Запах серы перекрыл аромат фимиама. Когда Лапидиус проморгался, не поверил своим глазам: медикус воистину провалился сквозь землю. В его голове кружила карусель. Гесселер не мог сбежать. Некуда! Единственным объяснением было то, что Гесселер скрылся в одном из тупиков. Потому что мимо него, Лапидиуса, он проскочить не мог! Видно, так оно и есть.

Горм и Фетцер, связанные, лежали на полу, однако казались более живыми, чем минуту назад. Возможно, хлопок вывел их из транса. Они принялись рвать свои путы.

— Отпустите нас!

— И не подумаю. Марта, сюда! Бежим!— Лапидиус схватил служанку за руку и потянул за собой. — Скорее, скорей!

— О Боже, Боже, хозяин, дак как жа...

По дороге из пещеры Лапидиус подхватил оставленную лампу.

— Идем, Марта, идем! Скорее, скорей!

Пару раз, несмотря на лампу, он больно налетел на скалу, но несясь вперед сломя голову и таща за собой Марту. Наконец показался выход. Марта, скорее по наитию, чем осознанно, ковыляла за ним.

Когда они выбрались из пещеры, первый луч солнца просиял над Верхним Гарцем. Он производил такое впечатление, словно не только день, но и мир родился заново. Однако Лапидиусу было некогда любоваться красотами природы. Перед его взором стояла другая картина, на которой Горм, как античный Лаокоон, разрывал свои путы. Да, рано или поздно колосс разорвет веревки и бросится со своими компаньонами преследовать. И что дальше? Стрелять в подручного Тауфлиба? Нет, не годится. Да он просто не сможет. Даже в хромоногого писаря не сможет выстрелить, даже в дьявола из всех дьяволов медикуса Гесселера и то не сможет...

В ночной мгле на фоне темного неба мерцал огромный круглый валун... Лапидиусу пришла в голову идея. Если скастить его вниз ко входу в пещеру, убийцы будут заперты там, как в темнице. Все. Трое. И Гесселер, дьявол во плоти, который мечется где-то в ее глубинах.

— Идем, Марта, идем! — Он потащил ее на пяточок земли, на котором покоился камень. Потом уперся в него плечом.

— Давай, Марта, помоги, жми, жми... да поддай же!

Бесполезно. Он должен был это знать. Естественно, камень был неколебим, как скала. Не оставалось ничего другого как бежать с Мартой дальше. И надеяться, что «дьяволы» освободятся не слишком быстро. А ведь он все так хорошо продумал: намеревался пригрозить убийцам оружием и заставить связать друг друга, а потом спуститься в Кирхроде и поднять тревогу. Там было бы уже несложно схватить *Filii Satani* на месте преступления! Посередь всей их дьявольской кухни!

Теперь же выходило так, будто это он спасается бегством, а все потому, что Гесселер сбил его с толку своим огненным шаром.

— Скорее, Марта, скорее!

Он бежал и бежал, спотыкаясь, и чуть не пахал носом землю. Снова эта корзина! Он споткнулся о ее крепежки. Проклятые палки! Палки? Постой-ка! Может, еще не все потеряно.

— Марта! Скорее, подними корзину и подопри палками камень!

— А? Чё, хозяин?

То, на что Лапидиус даже не надеялся, произошло. С помощью Марты он сдвинул валун с места. Сначала камень чуть-чуть качнулся вперед и тут же вернулся в прежнее положение, в следующий раз он продвинулся немного дальше, снова вернулся назад, вперед-назад, вперед-назад, каждый раз немного больше, пока, наконец, не покатился, грохоча и сотрясая землю по пологому склону в сторону Оттернберга, чуток поднялся по нему и улегся, словно сам Господь Бог его направлял, точнехонько у входа в пещеру.

— А-ooo-aaa! — донесся до ушей Лапидиуса и Марты крик, будто с того света.

Он раздавался от входа, где под валуном отчаянно скребла рука. Рука Горма. Подмастерье Тауфлиба, видно, бросился за ними. И вот теперь рука тщетно пыталась освободить из-под камня зажатое тело.

— А-ooo-aaa!

Но горы сильнее даже нечеловеческой мощи Горма. Мановения руки становились все слабее. Крики отчаяния все глуше.

Несмотря на жуткую картину, Лапидиус вздохнул с облегчением. Больше *Filii Satani* никому не причинят вреда...

— Идем, Марта, идем! Скорее, домой!

ДВАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ЛЕЧЕНИЯ

*Ах кабы я знала тя, Юлия, кабы знала!
не-е, не знала, а будто знала.
Вона, плела ты свои корзины здесь наверху,
а в городу-та и не бывала,
нее, не бывала,
а все ж таки правильная ты была, Юлия,
как есть правильная,
все это скажут, и я тожса.
И вот щас ты у Господа нашего на небесах.
И вот туточки твоя косточки,
Упокойся с миром, Юлия.
Амен!*

Марта положила крестное знаменье, Лапидиус последовал ее примеру, хоть и не был к этому привычен. Они стояли над могилой Кривой Юлии, и Марта, у которой глаза всегда-то были на мокром месте, лила слезы.

— Идем, Марта, идем, пора! — Лапидиус хотел как можно быстрее спуститься в город.

— Ага, хозяин. Иду. Токо мертвым тожа нада отдать долж-
ная. Не-е? Помолиться лишней раз не помешат.

— Да, да, но пойдем! — Лапидиус потащил служанку за собой.

— А я-та и не знала, хозяин, што Крива Юлия упокои-
лась.

— Она стала жертвой «дьяволов». Она и две другие женщины. А возможно, и Вальтер Кёхлин. Кто знает, сколько убийств на совести Гесселера и его подручных!

— О Боже, Боже! Хозяин, да чё ж тако творится-та? Как подумаю, как энтот Горм сунул меня в корзину да притащил в пещеру, ужась! А тама я и шелохнуться не могла. Ни чё сказать. О-о-о, хозяин, да чё ж тако творится-та? Я и не упомяну всего, чё приключилось. Можа, скажете? Времечко-та есть, пока до городу идем.

Лапидиус спросил себя, разумно ли будет рассказать служанке все подробности, но потом решил, что еще сегодня половина Кирхроде будет судачить о произошедших событиях, с помощью Марты или без нее. Трое «дьяволов» заперты в пещере. Судье Мекелю ничего не останется, как взять их под стражу — доказательства против них неоспоримы. Фрею же судье придется объявить полностью невиновной. Так что она сможет наслаждаться свободой, когда выйдет из жаровой камеры. И случится это сегодня вечером.

Если бы она окончательно выздоровела! На выздоровление дают надежду тщательно, с которой он провел лечение, и ее юность. Когда она выйдет из камеры, надо будет дать ей легкую пищу, чтобы не перегружать желудок. Ужин можно будет накрыть в его лаборатории, надо только немного освободить стол от колб и тиглей. Долго сидеть Фрея все равно еще не может, так что после короткого ужина он уложит ее в свою постель...

— Дак скажете, хозяин, али нет?

— Что? Ах да, конечно.

И Лапидиус поведал Марте все, что знал сам — она это заслужила. Несмотря на все давление, на все угрозы, которыми ей постоянно докучали, она твердо держалась на его стороне, на свой лад, с собственными достоинствами и слабостями, и этого он ей не забудет.

Когда Лапидиус закончил повествование, солнце уже посылало свои первые лучи в долину, а они добрались до восточных ворот.

Вышагивая по Шелленгассе, Марта не переставала причитывать:

— О Боже, Боже, хозяин! Дак как в тако верить-та, как! Вот скажу Трауте Шотт, дак и она не поверит!

Лапидиус остановился.

— Это, Марта, подождет. А сейчас надо, чтобы судья Мекель как можно скорее узнал о «дьяволах» в пещере, пусть и час еще ранний, и воскресный день сегодня. Чем быстрее он упрячет убийц за решетку, тем будет лучше. Беги-ка ты, Марта, к судье. А я пойду посмотрю, как там Фрея. Если у судьи возникнут вопросы, а они непременно возникнут, я охотно отвечу на них после обеда. Пусть на этот раз он сам нанесет мне визит. Все поняла?

— А как же, хозяйин!

Они распрощались, и Марта побежала к Мекелю. Направив стопы в сторону дома, Лапидиус впервые за долгое время наслаждался погожим деньком. Какая чудная погода! Народу на улицах еще мало, воздух пахнет весной, небо голубое. Насвистывая себе под нос песенку, он свернул в Бёттергассе. Что на все это скажет Фрея? У своего дома Лапидиус остановился. Его взгляд упал на мастерскую Тауфлиба. У мастера мало причин радоваться, придется ему теперь искать нового подмастерья, неважно, выживет Горм или нет. Может, зайти к мастеру прямо сейчас? Нет, не стоит, дурная весть долетит и без него, а оружие он еще успеет вернуть.

Фрея. Как она там? Он решил устроить ей сюрприз. Посмотрит он на ее удивленное лицо, когда внезапно вырастет перед окошечком, и скажет: «Все позади, Фрея. «Дьяволы» больше никогда не будут творить свои черные дела».

Он перестал насвистывать и постарался бесшумно открыть входную дверь. Как хорошо, что Тауфлиб поставил новые запоры и хорошенько смазал замок и петли! Да, мастер знает свое дело. Лапидиус потихоньку прошел в переднюю и первым делом сложил мушкет и пистолеты, чтобы оружие не бряцало. Потом направился к лестнице. Если бы только ступени так не скрипели! Он осторожно пошел на цыпочках. Всего одиннадцать ступеней, и первые две особо коварны. Лучше он просто перешагнет через них. Вот он уже наверху, осталась последняя ступенька. Его лицо излучало радостное ожидание.

Которое тут же сменилось ужасом.

Перед ним плясала дьявольская маска. Она торчала на затылке мужчины, который двигался в быстром темпе. Гесселер.

Этого не могло быть! Но было. Как удалось этому сатанинскому отродью выбраться из пещеры? Проскользнул мимо не-

го? Невозможно. Проход слишком узок. Тогда как? Через другие проходы из грота? Нет, они были тупиковыми, вели в никуда. Значит, потайной ход? Потайной ход!

Все эти мысли вихрем пронесли в голове Лапидиуса. Они были излишни, неуместны, даже опасны, потому что у «дьявола» в руках был нож. Охотничий нож. И им он только что открыл дверцу в камеру.

Не помня себя от ярости, перемешанной с ужасом и отчаянием, Лапидиус бросился вперед. Он хотел свалить нелюдя с ног — и свалился сам. На последней ступени он наступил на полу своего длинного плаща и растянулся во весь рост.

Через секунду он потерял сознание.

Лапидиус не знал, как много прошло времени, но когда пришел в себя, по-прежнему лежал на полу. Его первой мыслью было, что он опять оплошал. В который раз. Но теперь с фатальным исходом. Фрея убита, он повержен. А «дьявол» сбежал.

Но погоди, что это? Он заморгал. Гесселер был здесь! Он сидел перед жаровой камерой. Всего лишь на расстоянии вытянутой руки! Неужели мерзавец его не заметил? Исключено. Скорее всего, проверил и пришел к заключению, что Лапидиус больше не представляет опасности.

Тогда Лапидиус решил дальше притворяться, будто еще не очнулся.

Гесселер заговорил, и то, что он говорил, заставило Лапидиуса усомниться в своем рассудке.

— Я Лапидиус, — вещал медикус ласковым настойчивым голосом, — смотри на меня, Фрея, я Лапидиус. Я вернулся. Ты ведь меня узнаешь? Да, я Лапидиус, ты радовалась моему возвращению, и я вернулся. Я тебе кое-что принес...

Лапидиусу потребовалось собрать всю волю, чтобы не засомневаться в себе самом. Это же он Лапидиус! Он и никто другой. И он, настоящий Лапидиус, должен положить конец жуткому фарсу. Немедленно. Как только соберется с силами.

— Это нож, Фрея, красивый нож, который я принес тебе, он погладит твою шею, мягко, нежно, совсем мягко. Ты радуешься тому, что нож будет гладить тебя.

Гесселер собирался уже пустить нож в ход, но до этого дело не дошло. Лапидиус бросился на него и, навалившись всей тяжестью своего тела, отбросил от дверцы. Нож упал на пол. Лапидиус потянулся за ним, но «дьявол» оказался проворнее.

— Ты очнулся раньше, чем я ожидал, — прошипел он. — Только это тебе не поможет. Пришел твой последний час, дистиллят глупости, я убью тебя. Сначала тебя, потом твою шлюху.

— Это мы еще поглядим! — Лапидиус тяжело дышал. Он снова кинулся на Гесселера, пытаясь схватить руку, держащую нож. Напрасно. Хоть Гесселер и был старше Лапидиуса, зато маленький и юркий. Оба стояли теперь друг против друга, настороженно, бдительно, «дьявол» поигрывая ножом, Лапидиус с пустыми руками.

— Как ты вообще, исчадие ада, пробрался в мой дом?

Лезвие охотничьего ножа, дразня, рассекло воздух.

— Через окно, дистиллят глупости, через окно.

Гесселер хихикнул. Он знал, что оружие делает его неуязвимым. Настырный противник, так долго преследовавший его, скоро получит свое. Сначала пару ран, чтобы позабавиться, а потом прикончить! А следом и эту Зеклер. Нет, пожалуй, ее он убьет не сразу. Выглядит она, правда, потрепанной, но грудки все еще манят к себе, еще как манят. А если и все остальное такое же сладкое... Но убить он ее все равно убьет, чтобы никто и никогда не узнал, кто стоит за всеми этими убийствами в Кирхроде.

— Через окно в моей лаборатории? — переспросил Лапидиус, махнув рукой в сторону нижнего этажа.

— Ага, — хихикнул Гесселер, и на мгновение его взгляд последовал за движением руки Лапидиуса.

Именно это Лапидиусу и было надо. Одним прыжком он бросился на Гесселера, стараясь на этот раз действовать ловчее. Он постарался ухватить нож, но снова попал в пустоту. Гесселер не замедлил ответить. Острый охотничий нож полоснул Лапидиуса по левой руке. Лапидиус отскочил назад.

Раздался крик.

Фрея. Значит, она уже оправилась от внушений «дьявола». Слава богу!

— Не бойся, Фрея, не бойся! — крикнул Лапидиус.

Гесселер с коварной ухмылкой на губах кружил вокруг него, словно гиена.

Лапидиус ощупал правой рукой раненое предплечье, удивляясь, что не чувствует боли, хотя рукав плаща уже намок. Кровь! Да, кровь и... что-то твердое в кармане камзола. Не по-

зволюя угрожающему оружию приблизиться на опасное расстояние, Лапидиус ошупывал дальше. И тут понял, что это за предмет: козлиные рога, которые он с того памятного дня так и не вынул из карманов.

Позже он не мог объяснить, почему, но в тот момент рога, которые он извлек из лобной кости мертвой девушки, придали ему бесстрашие. Выхватив один из них, он изо всей силы бросил его в лицо «дьяволу».

Но не попал. Импровизированный снаряд лишь по касательной задел ухо Гесселера, однако заставил его опустить голову и закрыться рукой. «Сейчас или никогда», — пронеслось в мозгу Лапидиуса. Он вытащил второй рог и, широко размахнувшись, вонзил его «дьяволу» в лоб.

Гесселер зашатался, издал странный звук, будто из него выпустили воздух, и упал на колени. Дьявол все еще не побежден? Лапидиус ударил еще раз, и наконец Гесселер упал. Упал ничком.

И маска, державшаяся на завязках, покатилась с его головы кувырком. Она лежала на полу, вниз дьявольской рожей, и выглядела теперь безобидной деревянной плоской. Лапидиус стоял, тяжело дыша, и спрашивал себя, убил ли он бестию.

— Он жив, — прошептала Фрея.

Лапидиус резко повернулся на голос:

— Бога ради, ты почти вылезла из камеры!

— Да, — сказала Фрея, и в ее зеленых глазах снова отражалась морская волна. — Я хотела тебе помочь.

— Но, но... Что с тобой? Он тебе ничего не сделал? Я не опоздал?

— Нет-нет. Он хотел меня уболтать, но я сразу поняла, что это он, главный дьявол. По маске узнала. Давай, вытащи меня отсюда.

Он выполнил ее просьбу и посадил на пол, прислонив к сундуку. И не переставал удивляться ее отваге. Она должна была претерпеть смертельный ужас, но не подавала виду. Конечно, чтобы успокоить его.

— Сядь рядом.

Он кивнул и только теперь заметил, что ноги его едва держат.

— Как рука? — озабоченно спросила она.

— Ерунда! — храбро ответил он.

Они молча сидели друг подле друга, измученные донельзя.

— А он опасный, дьявол-то этот, — сказала Фрея, прижимаясь к Лапидиусу. — Что будем с ним делать?

Он обнял ее здоровой рукой за плечи.

— Придумал, — поразмыслив, сказал он. — Запрет его в жаровой камере.

ЭПИЛОГ

Потребовалось тринадцать силачей, чтобы откатить валун, заперший выход из пещеры Шабаша. Под ним обнаружился Горм, подмастерье, больше мертвый, чем живой. Жизнь ему могла еще спасти только ампутация ноги. Грязная работа, которую проделал городской цирюльник.

Писарь Вильгельм Фетцер, как и Гесселер, ушел из пещеры по тайному ходу. Он спрятался в подземельях ратуши, где несколько дней спустя, почти умирающий от жажды, был обнаружен и взят под стражу. Гесселера также бросили в темницу. Три недели спустя «сынам дьявола» предъявили обвинение, виновными они и были признаны. Под пытками они до последних подробностей описали свои деяния и признались во всех убийствах. Всего было пять женщин — не горожанок из Кирхроде, — которых они заманивали в свою пещеру и во славу Люцифера мучили там, насиловали и убивали. Помимо убиенной Гунды Лёбезам, были установлены имена трех других женщин. Девушка с отрезанной головой так и осталась неизвестной.

Гесселера, Фетцера и Горма тридцатого мая тысяча пятьсот сорок седьмого года привезли на Гемсвизер-Маркт, где под ликование собравшихся горожан колесовали и сожгли. За исключением пастора Фирбуша, молившегося за их души, за Первого и Второго сынов дьявола не нашлось ни единого ходатая. Напрасно они молили о пощаде. Другое дело Горм.

Тауфлиб до последнего сражался за его жизнь как лев, ибо, как выяснилось, был он его родным отцом.

Но не только трое сынов дьявола окончили свои дни на костре. Аугуста Кёхлин и Мария Друсвайлер также были допрошены с пристрастием. Кресло с шипами и испанский сапог не только выбили из них признание в соучастии, но и вырвали имена людей, которые мало, а то и вовсе никак не были замешаны в еретических деяниях. Одним из таких стал Крабиль, который вместе со свидетельницами и тремя другими невинными жертвами принял смерть на костре. Ему были вменены в вину любовная связь с Аугустой Кёхлин, а также укрывание повозки Фрей Зеклер в корыстных целях присвоения чужой собственности.

Так были казнены как виновные, так и безвинные. Приговор же бургомистру Штальманну, который в конечном счете зависел от давления тисков для пальцев, странным образом так и не был вынесен. Однако и Штальманн в некотором смысле пострадал: его имя — равно как и имена Мекеля, Коссака, Леберехта и Вайта — всплыло в связи со средством для любовных чар. Тем не менее обвинительные показания были вскоре отозваны и из протокола вычеркнуты.

Все это свершалось в то время, когда Фрея Зеклер уже покинула город. Лапидиус ушел вместе с ней. Он не хотел жить в обществе, в котором царят ханжеская мораль, интриги и пытки. Дом он продал. Марта, обливаясь слезами, осталась в городе и вернулась к матери, за которой требовалось все больше ухода.

Лишь однажды до Кирхроде долетела весть о «ведьме и ее полюбовнике». Поговаривали, что они вступили в законный брак и позже, когда Лапидиус сменил свое латинизированное имя на прежнее «Штейн»*, осели в какой-то отдаленной местности.

По всей Германии и сегодня есть дюжина мест, в названии которых имеется корень «-штейн».

Кто знает, может быть, в каком-то из них живут потомки Лапидиуса и Фрей Зеклер.

* Stein (нем.) — камень.

Вольф Серно
КЛЕЙМО ДЬЯВОЛА

Редактор *Н.П. Бахолдина*
Корректоры: *И.С. Румянцева, М.Е. Савина*
Технический редактор *С.В. Камышова*
Дизайн обложки:
художник *А.С. Скороход*
дизайнер *Г.В. Печерина*
Компьютерная верстка
ООО «ТД «Издательство «Мир книги»

ООО «Торговый дом «Издательство Мир книги»
111024, Москва, ул. 2-я Кабельная, д. 2, стр. 6.

Отдел реализации: (495) 974-29-76, 974-29-75;
факс: (495) 742-85-79 e-mail: commerce@mirknigi.ru

Каталог «Мир Книги» можно заказать по адресу:
111116, г. Москва а/я 30 «МИР КНИГИ»,
тел.: (495) 974-29-74 e-mail: order@mirknigi.ru

Подписано в печать 15.01.2007. Формат 60 x 90/16.

Печать офсетная. Гарнитура «BalticaС».

Усл. печ. л. 19,0. Печ. л. 19,0.

Тираж 17 000 экз. Заказ № 0700720.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

